

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ 2(59)
ПИСАТЕЛЬ 2023
XXI
ВЕК

15
лет
журналу

- Малая проза
- Душа с душою говорит
- Переводы
- Голоса молодых
- Это было, было, было...
- Портрет современника
- Проза XXI век
- Образование через искусство

Журнал приглашает
к сотрудничеству организации
и всех заинтересованных лиц

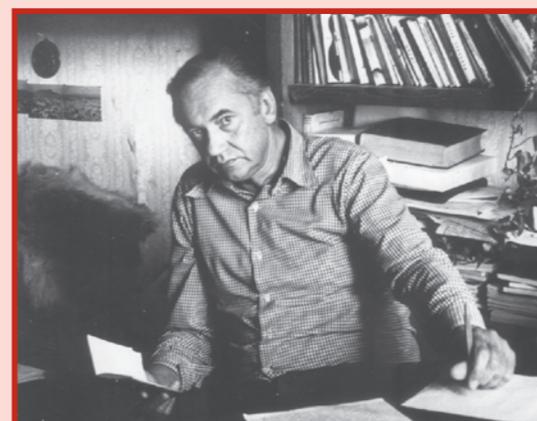
ПИСАТЕЛЬ. XXI ВЕК 2 2023

15
лет
журналу

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ 2(59)
ПИСАТЕЛЬ 2023

XXI
ВЕК

- 13 этаж
- Интеллигенты широкого профиля
- Намёки
- Бывают же чудачки...
- Охота на ягуара
- Лев у водопоя
- Фасолины
- Теплый снег Саксонии
- Шуршали голуби на крыше
- Вьетнамская литература

Учрежден в 2008 г. Российским Межрегиональным союзом писателей
(секция «Литературно-дискуссионные чтения»),
Академией русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина.
С 25.11.09 г. журнал выходит в свет в качестве межсоюзного писательского издания.

Редакционная коллегия:

Е. С. Роговер, Н. Ф. Ульянова, Н. В. Харитонова

Контактные телефоны (в Санкт-Петербурге): 552-13-82.
e-mail: ulyanovanf@mail.ru

Верстка — О. А. Карманова
Макет обложки — О. А. Карманова
Корректор — С. М. Ионова

При перепечатке ссылка на журнал «Писатель. XXI век» обязательна.
Фотографии предоставлены участниками выпуска.

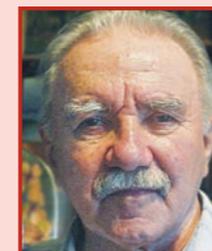
СПб: *Негосударственное учреждение культуры "Серебряный век", 2023*

ISBN 978-5-605-1100-1-9

© Автор-составитель Н. Ф. Ульянова, 2023
© Коллектив авторов, 2023
© Журнал «Писатель. XXI век», 2023

Предлагаемое издание продолжает намеченную в предшествующих выпусках работу по восстановлению в русском сознании понятия писатель. Начиная с 1991 года в нашей стране возникла новая реальность — реальность преобладания частных или сугубо обывательских (корыстных) интересов. Ее неудержимая поступь вызвала к жизни разгул упоения от мертвого в своей сути успеха. В результате большие смыслы, или непреходящие смыслы общей жизни, стали стремительно исчезать, уступая место интересам вполне местечковым, натужно выдаваемым при этом за нечто непреходящее. Параллельно в литературном творчестве резко возобладали активно поощряемые российскими властями процессы торговли постыдным как вполне даже приличным делом. В частности, внутриредакционные установки центральных телевизионных каналов строго указывают на непреложную необходимость радикального упрощения ключевых смыслов любого художественного произведения, на создание в стране атмосферы не вдумчивого, а значит, превратного (искаженного) восприятия жизни. В итоге подобной политики само понятие писатель стало мельчать и превращаться в нечто суетное и даже оскорбительное. На сегодняшний день в России вместо писателей развелись во множестве так называемые авторы. Но что они такое? Это своего рода специалисты по развлечению и соблазнению всякого русского читателя, превращению его в потребителя «желтой» или снобистской и во многом сфальсифицированной (намеренно «склеенной» из правды и лжи) литературы. Иначе говоря, деятельность этих «умельцев» имеет ныне исключительно антинародный характер. Или, всячески искушая своего читателя (зрителя), они вводят его сознание в состояние утраты им смысла собственной жизни. Хорошо ли это? Вряд ли. Другими словами, только большие смыслы дают каждому человеку человеческое достоинство, предоставляют ему же подлинную надежду и удовлетворение жизнью. Поэтому лишь писатель как подлинный мастер художественного разговора о больших и непреходящих для человека смыслах и способен будет переломить уже сложившуюся очевидно вредную тенденцию отчуждения человека от человеческого же содержания. А настоящий выпуск журнала как раз и продолжает это сложное, но воистину насущное дело.

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА ЖУРНАЛА

Е. С. Роговер

Н. Ф. Ульянова

Н. В. Харитонова

Ева Талая

Валентина Телухова

В. А. Орлов

Андрей-Viktoria-Андреев

Ольга Павлова

Андрей Цырульник

Владислав Старикан

Наталья Обухова

Эмиль Айзенштарк

Александр Райн

Валерий Неудахин

Александр Железов

СОДЕРЖАНИЕ

МАЛАЯ ПРОЗА

- Наталья Обухова. 13 этаж* 2
Эмиль Айзенштарк. Интеллигенты широкого профиля 25

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ

- Андрей-Viktoria-Андреев, Ева Талая, Владислав Старикан* 35

ПЕРЕВОДЫ

- Андрей Цырульник. Переводы* 47

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

- Александр Райн. Намёки. Бывают же чудаки* 51
Александр Железов. Охота на ягуара. Лев у водополя 62

ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО...

- Валерий Неудахин. Фасолины. Теплый снег Саксонии* 88
Наталия Ульянова. Спустя годы 97

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО

- Ольга Павлова. Бийск 50—70-х в творчестве питерского писателя
 Глеба Горышина* 100

ПРОЗА XXI ВЕК

- Валентина Телухова. Шуршали голуби на крыше (продолжение)* 108

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

- Валерий Орлов. Вьетнамская литература до 21 века* 152

Наталья Обухова
(Россия, Москва)

13 ЭТАЖ

Рассказ ещё не дописан, только до середины, как идея и стоит ли дальше продолжать писать, если вы читаете, то обязательно отпишитесь, очень жду ответов???

— Это так сложно решить, где отмечать Рождество, когда осталось три дня до праздника, — почти плакала в трубку Джессика.

— Успокойся, Джес, у нас есть ещё три дня, мы что-нибудь придумаем.

— Я не хочу в рождественскую ночь наряжать ёлку, и пить шампанское в одиночестве, — Джессика любила всё утрировать.

— Я обещаю, такого не будет.

— Кэйли, но так уже было в прошлом году и в позапрошлом, кстати, то же, когда вы все бросили меня. Я все рождественские праздники провела одна, попивая шампанское и сотый раз пересматривая шоу Опры.

— Я знаю, какое это было шампанское!

— Ну ладно, это было далеко не шампанское, а кое-что покрепче, ну и вы тоже хороши, подругами ещё называется.

— Ты ведь знаешь, что в Рождество я уезжала к бабушке, бабушка — это единственный человек, который хоть как-то связывает меня с родителями, — сухо проговорила я.

— Кэйли, прости, — сразу же залепетала Джес, — я понимаю, что с потерей родителей не смириться никогда, но прошло уже два года, тебе нужно когда-то начинать жить дальше, улыбаться, веселиться, радоваться жизни, а не бежать от неё.

— Джес, я всё это знаю, просто мне их так не хватает, а когда с бабушкой, я чувствую себя к ним ближе, и как будто бы они рядом, и всё хорошо, как прежде, а не так, как сейчас.

— Господи, Кэйли, ты потеряла родителей, я не хочу, чтобы ты потеряла и нас. Мы твои самые лучшие и близкие подруги, и чтобы не случилось, мы всегда поддержим и поможем тебе, а ты отталкиваешь нас.

— Я не отталкиваю, просто их нет, и их не вернуть, а я буду развлекаться в это время!

— Не развлекаться, а жить, как живут все нормальные люди, в этом нет ничего плохого. Я уверена, что твои родители хотели бы, чтобы ты была счастлива, а не терзала себя всю оставшуюся жизнь.

— Да, наверное, ты права, — медленно проговорила я, вытирая слёзы.

— О, Кэйли, ты как, дорогая? Давай я приеду! — сразу же заволновалась Джессика, услышав мой всхлипывающий голос.

— Нет, Джес, всё в порядке, я дотерплю до завтрашней нашей встречи, — я решила перевести тему на более весёлую, чтобы совсем не рас-

плакаться в телефонную трубку, — а где была Кортни на прошлое Рождество? — резко выпалила я.

— Развлекалась с Тимом! Знаешь ведь нашу Кортни, ей только дай волю!

Кортни была нашей третьей лучшей подругой.

— Ахахах, — последняя фраза про Кортни меня развеселила, я вытерла слёзы и продолжила разговор уже в более хорошем настроении, — да, Кортни такая, Тим по-моему был её пятым за тот год?!

— Шестым, — добавила Джес, и мы рассмеялись.

— Это Рождество мы обязательно проведём вместе, завтра в колледже всё обсудим.

— Хорошо, тогда до завтра.

— До завтра, пока.

— Пока, дорогая, — и Джес положила трубку.

Оставалось три дня до Рождества, всё было как-то по-особому, и даже в колледже уже чувствовалось что вот-вот наступит новый год, новая жизнь.

Я стояла у шкафчиков, тут подошла Кортни.

— Привет, Кэйли, как ты? У меня такая новость для тебя, вернее для вас с Джессикой!

— Привет, всё в порядке, что за новость у тебя с утра пораньше?!

— Ты не поверишь! — всё причитала Кортни!

Это было в её репертуаре. Кортни была эксцентричной натурой, для неё не существует правил, она всегда делает, что хочет. Блондинка, с большим размером груди, высокая, в туфлях от Шанель и сумкой от Прадо, Кортни была идеалом парней из колледжа, ну и не только парней из колледжа, а вообще всего мужского рода. Во многом Кортни была заносчива, нахальна, очень часто вела себя как стерва, но как говорится, друзей не выбирают, Кортни была нашей подругой и мы принимали её такой, какая она есть.

— Один мой знакомый снял номер в отеле Пэинт Хилл на все рождественские праздники, чтобы устроить там грандиозную вечеринку и достойно отметить Рождество. Но вчера вечером его вызвали по работе в Нью-Йорк, и сегодня утром он уехал из Лос-Анджелеса.

— Это твоя новость?! — не поняла я, к чему было сказано Кортни всё это.

— Кэйли, дай же договорить! Поскольку это не пятизвездочный отель, деньги за оплаченный номер назад уже не возвращают, и раз уж номер оплачен, а он всё равно уезжает по работе, я попросила у него воспользоваться номером, чтобы отметить Рождество.

— Что? — удивилась я, — ты серьёзно?

— Да, и он согласился!

Я смотрела на Кортни, она вся сияла от счастья, я и сама начала светиться от того, что нам теперь есть, где отмечать Рождество, и мне не придётся снова уезжать из Лос-Анджелеса и бросать своих подруг.

— Кортни, это лучшая новость! Как тебе вообще удалось договориться с ним?

— Это Бен Хочкес, он уже почти два года ко мне подкатывает, я подавила на жалость, что мне и моим подругам негде отмечать Рождество, пообещала ему свидание и то, что номер после нас будет в целости и сохранности.

— Даже не верится, что в Рождество в нашем распоряжении целый номер.

— Мы можем сами устроить там вечеринку, это огромный номер, рассчитанный на пятьдесят человек, там бесплатный бар, можно заказать закуски, и это будет лучшее Рождество в нашей жизни.

Кортни это говорила с таким энтузиазмом, что я сама загорелась этим номером и этой вечеринкой. Вот, уже два года подряд все праздники я проводила либо одна в нашей пустой квартире, либо с бабушкой в Калифорнии, ещё ни один день с тех пор, как умерли мои родители, не был по-настоящему весёлым или счастливым, и тут выдался такой шанс, мне казалось, что это изменит жизнь к лучшему.

Тут подошла Джессика.

— Привет, девчонки, о чём разговариваете?

— Джес, у нас такая новость! — сразу же выпалила я.

— Какая? — удивилась Джессика, — не уж-то пары профессора Хадсона не будет, его пары такие нудные.

— Нет, мы устраиваем вечеринку в отеле Пэинт Хилл в рождественскую ночь.

— В отеле Пэинт Хилл? Как? Кто мы? — сразу же завалила вопросами Джессика, — я что-то пропустила?!

— Кортни выпросила у Бена номер в отеле, в котором он собирался устроить вечеринку в рождественскую ночь, но его вызвали на работу.

— Что? У того Бена, который бегаёт за ней два года?!

— Да!

— Офигеть, и он согласился?! — до сих пор не верила происходящему Джессика.

— Да, Кортни обещала ему свидание после этого.

— Получается, он снял номер в отеле, чтобы устроить там вечеринку, но вечеринку будем устраивать вместо него мы?

— Да, и самое интересное, что он снял номер на все рождественские праздники, мы можем быть там сколько захотим!

— Кэйли, это самая лучшая новость за последнее время!

— Я сказала Кортни то же самое.

— Мне даже не верится, что впервые за столько лет мы наконец-то соберёмся вместе, нашей компанией, ты, я и Кортни. Мы уже два года живём как-то порознь, а раньше нас было «не разлить водой», мы клялись в вечной дружбе, а что сейчас? Встречи на переменах в колледже и телефонные разговоры по вечерам!

— Удивительно, что делает с нами время, — проговорила я.

— Да, и оно же даёт нам шанс всё исправить, — добавила Джессика, — это отличный шанс вернуть нашу дружбу и возобновить наши прежние отношения.

Тут прозвенел звонок, и мы отправились на нудную пару профессора Хадсона. Пара тянулась очень медленно, так бывает, когда что-то ждёшь, и время перед этим как специально тянется очень долго. Тут Джессика ткнула меня локтем в бок, и показала на Зака и Эндрю, я посмотрела в их сторону, они тихо сидели и слушали профессора, я не поняла, что имела в виду Джессика, посмотрела на неё, сделала вид, что не понимаю, что она хочет этим сказать, и дальше уставилась на профессора, который увлечённо рассказывал нам теорию относительности. Через десять минут пара закончилась. Джессика сразу же схватила меня за руку, но не успела ничего сказать, как я задала вопрос:

— Зачем ты мне на паре показывала на Зака и Эндрю?

— Я имела в виду, что их нужно пригласить на вечеринку!

— Ты думаешь, они пойдут? — неуверенно спросила я.

— А почему бы им не пойти?

— Просто до Рождества осталось два дня, я сомневаюсь, что у них ещё нет планов. Обычно у таких парней, как они, всё давно уже запланировано.

Джессика поджала губы, она так делала всегда, когда была чем-то недовольна.

Эндрю и Джессика общались уже очень давно, с первого курса колледжа они не могли друг без друга, но и вдвоём они тоже не могли быть, как только они были вместе больше двадцати минут, они сразу начинали ссориться и ругаться, и тогда весь колледж из-за них «стоял на ушах». А на следующий день они снова общались, как ни в чём не бывало, но проходило двадцать минут и всё повторялось по кругу. Со временем эти непонятные отношения переросли просто в дружеское общение и в какую-то отдалённость друг от друга, что в принципе было свойственно для нас всех, с тех пор мы все отдалились друг от друга.

— Мы приглашаем всю нашу группу, в любом случае, пригласить их надо, несмотря на то, пойдут они или нет, — Джессика всё пыталась настоять на своём.

— Как давно вы с Эндрю не разговаривали? — спросила я.

— Даже не знаю, — помотав головой, ответила Джессика, — уже очень давно, мы даже перестали здороваться, хотя раньше и дня не было, чтоб мы не провели вместе. Кэйли, что с нами стало?

Раньше все мы очень были дружны, я, Джессика, Кортни, Зак и Эндрю. Первый курс колледжа был словно раем, в который попали пятеро подростков, имеющих много планов на будущее, множество надежд и целей. Мы все жили одним днём, постоянно проводили время вместе, веселились, дурачились, мы радовались жизни, и думали, что так будет всегда. Но потом всё резко изменилось. Умерли мои родители, и жизнь словно повернулась обратной стороной для меня и для нас всех. У меня был нервный срыв, два месяца я пролежала в больнице, мне не было дела до того, что происходило с остальными, моя жизнь будто закончилась вместе с ними, а в это время Зак и Эндрю отдалились от нас, и у них появилась новая компания, с которой они проводят время и сейчас. Кортни понесло, она начала встречаться со всеми парнями колледжа, её было не найти,

она на постоянных свиданиях и встречах, ей постоянно кто-то звонил, а после каждого звонка она убегала от нас, и мы не видели её до следующего дня. Когда я немного начала отходить от срыва и от потери родителей, ведь нужно было найти работу, чтоб мне было на что жить и учиться в колледже, к этому времени осталась только Джессика. Она помогла мне найти работу, целыми днями Джессика ходила со мной по различным собеседованиям на разные должности, в итоге меня приняли официанткой в приличное кафе недалеко от дома. Я нашла работу, мне было, где жить, у меня была лучшая подруга, жизнь начала постепенно налаживаться, но одно я знала точно, что теперешняя жизнь никогда не станет такой же безмятежной, как раньше.

— Почему ты тогда не призналась ему в своих чувствах?

— Я хотела, но всё произошло так быстро, только вчера мы были вместе и вот уже мы почти не разговариваем. Сама ведь знаешь, как это бывает, человек всегда рядом, ты не ценишь его, не замечаешь его, его заботу, его ухаживания, думаешь, что так будет всегда, что он всегда будет рядом, и вдруг наступает тот момент, когда он отдаляется от тебя, сначала избегает, потом не замечает, потом уже не о чем поговорить, а потом уже просто как будто ничего и не было. И в один прекрасный день, вернее это был самый ужасный день, я прихожу в колледж, и он стоит в обнимку с Джули.

— У них ведь нет ничего серьёзного, я никогда их не видела вместе за стенами колледжа.

— Может быть, но почему-то, же сейчас он с ней и в её компании!

— Джес, столько времени прошло, почему мы раньше не попытались всё изменить.

— И я о том же, уже поздно!

— Мне даже сейчас уже не верится, что мы с Эндрю и Заком были лучшими друзьями.

— Вы с Заком хотя бы общаетесь, и он не проходит мимо тебя, когда встречает в коридоре или в столовой, он и не бросил тебя, когда твои родители погибли, и когда ты лежала в больнице он навещал тебя.

— Мы всего лишь общаемся, не более того, и это бывает очень редко, так что я не придаю этому никакого значения. Это из-за того, что раньше мы были друзьями, и у него осталось что-то типа привычки здороваться и узнавать «как мои дела».

— Ну, по крайней мере, Зак здоровается с тобой даже тогда, когда находится в обществе Джулии и её компании.

— Заку не позволит воспитание пройти мимо человека, которого он хорошо знает, несмотря на то, в какой компании он находится. Просто Джули запудрила мозги Эндрю, она «по уши» влюблена в него, поэтому ни на шаг от него не отходит. Но по-моему Эндрю не любит её, не нужна она ему!

— Согласна с тобой, она не нужна ему, но и я тоже!

— Как бы всё ни было, пригласить на вечеринку мы их всё равно можем! Пойдём, я начну говорить с Заком, потом действуем «по ходу пьесы»! — сказала я, взяла Джессику за руку и мы пошли к Эндрю и Заку.

Зак и Эндрю стояли с Джули, Амандой и Тревисом, теперешней их новой компанией. Сама по себе Джулии была хорошая девчонка, когда мы только поступили в колледж, мы с ней очень хорошо общались, но с тех пор, как Джулии начала липнуть к Эндрю, а он её игнорировать, она стала смотреть на нас с Джессикой, как на «врагов народа», как будто мы с Джес всеми силами пытались отобрать Эндрю у неё. Аманда и Тревис были нашими одноклассниками, и даже очень неплохими ребятами, но так уже получилось, что все в нашей группе разделились на подгруппы и общались только непосредственно друг с другом!

— Привет, ребята, — начала я.

— Привет, — поздоровались все в один голос.

— Как ты? — сразу же спросил Зак.

— Дааа, нормально. У нас с Джессикой предложение. Завтра в отеле Пэинт Хилл мы устраиваем рождественскую вечеринку, будут наши одноклассники, ребята из колледжа, вот вам приглашения, — я достала пять приглашений и вручила каждому по приглашению, все сразу заинтересовались предложением, начали рассматривать приглашения, — всех ждём, — добавила я.

— Неплохое предложение, да, Зак, — обратился к Заку Эндрю.

— Довольно интересное, — ответил Зак.

— Во сколько начало? — посмотрев на Джессикку, спросил Эндрю.

Увидев, что Джессика замялась, я ответила:

— В 20.00, отель Пэинт Хилл, номер 1409.

— Как дела, Джес? — вдруг спросил Эндрю.

Джес пожалала плечами и как бы невзначай ответила:

— Всё хорошо.

— Ребята, мы вас ждём, — подхватила я, — пока, до встречи.

— До встречи, — попрощались все остальные.

Уходя, мы слышали, как Джулии выносила мозг Эндрю за то, что он спросил, как дела у Джессики, как всегда всё было по-старому.

— Эндрю спросил, как дела у тебя! — напомнила я Джессике.

— Да, это многообещающе! — проворчала Джессика, — скорее всего он сделал это на зло Джули.

— Я уверена, что ваша история с Эндрю ещё не закончилась!

— Нет, Кэйли, прошло уже два года, Эндрю уже наверняка забыл, что когда-то мы были лучшими друзьями, уже слишком поздно что-то менять!

— Джес, ты такая пессимистка, ты никогда ни во что не веришь!

— Я реалистка, просто раньше мы были молодыми и глупыми, а сейчас повзрослели, и всё встало на свои места, Эндрю с Джули, я одна, нужно смотреть «правде в глаза».

Наш разговор прервал звонок на следующую пару. Весь день прошёл в какой-то суматохе, Кортни ходила, раздавала всем приглашения, Джессика всем рассказывала про нашу вечеринку и агитировала всех, чтобы пришли именно к нам. День прошёл быстро и как не странно очень весело. В конце учебного дня мы попрощались до самого рождества.

- Кортни, тебе не кажется, что эта вечеринка слишком для Кэйли?
- Что значит слишком? — не поняла Кортни.
- Кэйли ещё не оправилась после потери родителей, я это вижу по ней! Она до сих пор неловко чувствует себя в толпе или когда много народа, а тут сразу вечеринка, где будет пятьдесят человек.
- Джес, на вечеринке будет максимум тридцать человек, у меня было всего сорок приглашений, десять я выкинула, это будут только наши одноклассники и друзья из колледжа, те, кого Кэйли всегда рада видеть, будут различные игры и развлечения, будет очень весело, я уверена Кэйли пойдёт на пользу побывать в обществе своих друзей и хоть немного повеселиться, а то она уже совсем скоро станет изгоем.
- Наверное, ты права, — неуверенно проговорила Джессика, — Кэйли пойдёт на пользу немного развлечься.
- Вот и я о том же, — добавила Кортни.
- Кортни обняла Джессику, как было раньше, и они направились к выходу.

- Мы стояли перед отелем Пэинт Хилл.
- Больше похоже на ночлежку для бездомных, — проговорила Джессика.
- Перестань! — рявкнула на неё Кортни, тихонько ударив Джессику в живот.
- Чтоооо! — протянула Джес, — если на самом деле это так!
- У нас что, есть выбор? — позлорадствовала Кортни.
- Действительно, Джес, нам всё равно негде отмечать Рождество, — встала я на защиту отеля, — к тому же это отель три звезды, так что никакая это не ночлежка!
- Больше похоже на дешёвую гостиницу, — проворчала Кортни, — пойдёмте в номер, что здесь стоять!
- Мы зашли в отель, надо сказать, что вид внутри был гораздо лучше, чем снаружи: малиновые стены, везде ковры, нежно розовые занавески, вся мебель обита красным замшем, было довольно мило и уютно. На рецепшене стоял портье, Кортни сразу же направились к нему.
- Здравствуйте! — поздоровалась Кортни.
- Здравствуйте, чем могу вам помочь!
- На имя Бен Хочкес снят номер 1409. Он сегодня вам должен был оставить сообщение, что вместо него в номер вселимся мы.
- Одну секунточку, мисс.
- Портье начал рыться в каких-то бумагах, тем временем мы оглядывались по сторонам, присматриваясь к обстановке.
- Э...вот, похоже, эта записка от мистера Хочкеса. Вы Кортни Рейверс?
- Да, это я, а это мои подруги, Кэйли и Джессика.
- Хорошо, можно ваш паспорт?
- Кортни достала паспорт из сумочки и протянула портье.

— Поскольку номер уже оплачен, а мистер Хочес предоставил вам номер в полное распоряжение, то никаких вопросов не возникает, я переписываю номер на вас и просто отдаю вам ключ. Пожалуйста, ваш ключ, номер 1409, на четырнадцатом этаже.

— Спасибо, — поблагодарила Кортни портье, потом добавила, — мы устраиваем вечеринку, так что людей, которые будут подходить к восьми часам, вы отправляйте к нам.

— Хорошо, я это учту. У вас есть какие-то вещи?

— А... вроде нет, хотя эта сумка...

— Мистер Дэниелс проводит вас! Питер, проводи этих дам в номер 1409.

Подожёл пожилой мужчина лет шестидесяти-семидесяти, взял нашу сумку, и мы пошли к лифту. Я первая зашла в лифт и уже хотела нажать четырнадцатый этаж, как заметила, что перед кнопкой четырнадцатого этажа сразу идёт кнопка двенадцатого.

— Кэйли, ты что?! Нажимай! — сказала мне Кортни.

— А где тринадцатый этаж? — обратилась я к мистеру Дэниелсу, в это время Кортни протянула руку и сама нажала четырнадцатый этаж.

— О, это здание было основано гораздо раньше, чем этот город. В то время американцы были очень суеверным народом, хотя и сейчас американцы довольно суеверны. Тринадцатый этаж считался этажом дьявола, поскольку цифра тринадцать везде конфигурирует как число дьявола или потусторонних сил, и означает что-то зловещее, потустороннее, страшное. Поэтому во всех зданиях просто опускался тринадцатый этаж, сначала шёл двенадцатый, потом сразу четырнадцатый, тринадцатого этажа просто не существовало. Отель Пэинт Хилл как раз одно из этих зданий.

— А вы давно здесь работаете? — задала я вопрос мистеру Дэниелсу.

— Да, уже очень давно, лет сорок, этот отель — моя жизнь.

Мы поднялись на четырнадцатый этаж, дверь лифта распахнулась и Кортни высказала:

— Это всё, конечно, очень интересно, но нам пора. Почти уже семь часов, скоро гости начнут приходить, а мы ещё даже номер не видели.

Мы вышли из лифта и направились к своему номеру.

— Тебе не кажется странным, что здесь нет тринадцатого этажа? — обратилась я к Джессике.

— Ну нам же объяснили почему, это всего лишь старинная традиция, — процитировала Джессика.

— Да, но в Лос-Анджелесе я никогда раньше не встречала подобных зданий.

— Я тоже! — добавила Джессика, пожав плечами, заходя в наш номер.

— Ваш номер, приятного времяпрепровождения, — проговорил мистер Дэниелс, отдал Кортни сумку и вышел из номера.

— Да здесь же просто супер! — прокричала Джессика.

— А Бен не поспешил на номер, — добавила Кортни.

Действительно, номер был огромный, было две комнаты, в первой находился бар, маленькие столики и стулья вокруг них, огромная стереосистема, колонки которой были развешаны по всей комнате; во второй — была повсюду кожаная мебель, плазма на полстены, камин, везде стояли хру-

стальные вазы и различные статуэтки; но больше всего нас потрясло то, что в самом номере была сауна и небольшая джакузи, как только мы это увидели, мы, наверное, все втроём замерли в одном положении от восторга или удивления. В общем, это был отличный номер, в нём было всё, что необходимо для проведения вечеринки.

— Ого, это не номер, а просто мечта! — до сих пор не могла прийти в себя от увиденного Джессика.

— Я и сама не подозревала, что Бен снял такой номер, я думала это обычный номер, только рассчитанный на пятьдесят человек, а тут целый Пент-Хауз!

— Он, наверное, кучу денег стоит?! — проговорила Джессика.

— Тебе-то что, он всё равно уже оплачен, — как всегда включила стерву Кортни.

— Ты хоть Бена поблагодари потом.

— Да, не забудь поблагодарить его за то, что у нас появилось место, где отметить Рождество, — поддержала я Джессику.

— Конечно, отблагодарю, кто с ним на свидание-то идёт потом?!

— А что так недовольно, он что совсем урод? — спросила я.

— Не урод, но он какой-то обычный, в нём нет ничего особенного или притягательного, к тому же ему двадцать девять, я обычно встречаюсь с парнями помоложе, намного моложе.

— Ого, где вы вообще с ним познакомились? — спросила Джессика.

— В кафе, он угостил меня, это было два года назад, с тех пор, не было почти ни одного дня, чтоб он не писал и не звонил мне!

— Старый, зато богатый, — протянула Джессика, и мы все рассмеялись.

— Так, девочки, меньше, чем через час все начнут приходить, а у нас ничего не готово. Джес, с тебя костёр в камине, Кэйли, ты закажи закуски в номер, заказывай много и выбирай не дорогие, а я разберу сумку, там наша одежда и диски.

Я нажала коммутатор, ответил тот самый портье, который встречал нас внизу.

— Это из номера 1409, мы бы хотели заказать закуски, как это сделать?

— У нас есть меню, вы можете спуститься вниз и выбрать, через двадцать минут вам их принесут в номер.

— Хорошо, сейчас спущусь.

Я спустилась на первый этаж, было очень оживлённо, постояльцы, как и мы, готовились к Рождеству.

— Я из номера 1409, только что вам звонила насчёт меню.

— Ах, да, вот, пожалуйста, выбирайте.

Я не знала, что выбрать, поскольку почти всё было не по нашим финансам, поэтому решила взять пару видов недорогих бутербродов и суши, и много-много чипсов.

— Закажите два подноса вот этих бутербродов, вот этих и вот этих, пять подносов любых суши, и пятнадцать больших пачек чипсов, думаю, хватит, хотя можно что-нибудь ещё, о, вот, фрукты подойдут, давайте, бананы, апельсины, яблоки и виноград, фрукты нарезкой. Записали?

— Да, заказ принят, ваше имя?

— Кэйли Холлоэй, но номер записан на Кортни Рейверс.

— Да, я вас помню. Заказ принят, ожидайте, в течение двадцати минут принесут.

— Хорошо, спасибо.

Когда я поднялась в номер, Кортни и Джессика уже переодевались.

— Кэйли, где ты пропадаешь? Одевайся! — сказала Кортни и запустила в меня моим же платьем.

— Я делала заказ.

— Заказала? — спросила Джессика.

— Да, только я не уверена, хватит ли всем?!

— Не парься, — Кортни никогда ни о чём не беспокоилась, — я раздавала всего тридцать приглашений, у пяти человек уже были планы, ещё пять человек были не уверены, придут или нет, будет человек двадцать, скорее всего ребята из нашей группы, так что хватит всем.

Только я успела надеть платье, как в номер начали звонить, было уже восемь вечера, начали приходить гости. Всё начиналось тихо и спокойно, пришли ребята из нашей группы, несколько ребят из колледжа, в номер принесли закуски, мы включили музыку, открыли бутылку шампанского, разлили по бокалам, и веселье началось. Мы ели закуски, пили шампанское, разговаривали и смеялись. Сначала нас было восемнадцать человек, мы уже больше никого и не ждали, но через полчаса пришло ещё десять человек, через пятнадцать минут — ещё десять, через пять минут зашло ещё пять человек, люди всё шли и шли, не останавливаясь, я уже начинала подумывать, что они ошиблись номером, но все пришли на вечеринку в 1409 номер. Через час уже было больше пятидесяти человек, было просто не протолкнуться. Музыка гремела на полную мощность, все ходили туда-сюда, мельтешили перед глазами, словно на вокзале, из бара только успевали братья бутылки и бокалы, мы втроём стояли посередине комнаты и недоумевали, что происходит и кто были все эти люди.

— Кортни, кто все эти люди? — прокричала Джессика.

— Я не знаю!

— Но ты же раздавала приглашения!

— Я тебе говорила, было всего сорок приглашений, десять я выкинула, я раздавала всего тридцать приглашений, я не знаю, откуда взялись все эти люди и откуда они вообще узнали про вечеринку.

— Может это друзья Бена? — предположила я.

— Нет, точно нет, Бен уехал ещё вчера утром, он сказал, что даже не успел сообщить друзьям о том, что хотел провести вечеринку.

— Но тогда кто это все? — не унималась Джессика.

— Джес, я не знаю, я больше половины людей вижу впервые, как и ты!

— Да они же разгромят здесь всё, с такими темпами к утру будут руины, — кричала Джессика.

— Надо узнать, откуда взялись все эти люди?! — сказала Кортни, — пойдём, — она схватила Джессику за руку, потом посмотрела на меня и добавила:

— Кэйли, жди нас здесь!

— Надо сначала сбавить музыку! — с этими словами Кортни и Джес удалились в толпе.

Кортни подбежала к аппаратуре и сбавила громкость, музыка стала тише играть, шум убавился, стало поспокойней.

— Как мы узнаем, кто все эти люди? — спросила Джес у Кортни.

— Будем у всех спрашивать!

Кортни и Джессика подбежали к Биллу, нашему однокласснику:

— Билл, ты кому-то говорил о нашей вечеринке?

— Что? Я? Нет, я никому не говорил!

— Не знаешь, кто мог разболтать?

— Не знаю.

Кортни схватила Джес, и они снова начали искать, кого бы спросить насчёт неизвестных людей.

— О, Пенелопа, нужно у неё спросить! — указала Джессика на блондинку в центре компании парней.

— Пенелопа, можно тебя на минутку! Ты говорила кому-нибудь о вечеринке?

— Нет, я сама решила идти только в последний момент. А что случилось?

— Кто-то разболтал о вечеринке, мы не знаем кто все эти люди.

— Ого, а я думала, это вы всех пригласили! — удивилась Пенелопа.

— Нет, — в один голос ответили Джессика и Кортни.

— Спросите у Майка Ларсена, как только ты ему отдала приглашение, он потом целый день не затыкался с этой вечеринкой.

— Хорошо, спасибо! — поблагодарила Кортни Пенелопу.

— Вот, уж не думала, что кто-то из нашей группы может растрепать о вечеринке! — произнесла Джессика.

— А ты как думала? — съязвила Кортни.

— Не думала на Майка.

— Может, это ещё не он, хотя Майк всегда любит поболтать.

Кортни и Джессика искали Майка, они обошли обе комнаты, его нигде не было. Они остановились возле сауны, хотели было проверить, вдруг Майк там, но тут Джессика заметила в толпе Зака и Эндрю.

— Зак и Эндрю здесь?!

— Что? — не поняла Кортни, но увидев, что Джессика смотрит на проходивших мимо Зака и Эндрю, сразу поняла о ком она, — конечно, здесь, они ведь учатся в нашей группе.

— Я думала они не придут!

— Джес, это сейчас так важно? — посмотрев на подругу, спросила Кортни, — чтооо? Нет! Не может быть, у тебя к нему чувства?

— Нет, — начала отнекиваться Джессика, — мы же раньше дружили.

— Я знаю, но чувства до сих пор остались.

Джессика хотела что-то было сказать в своё оправдание, но не придумала что именно, поэтому решила просто перевести тему:

— Мы всё уже обошли, где он ещё может быть?

— Не видели Майка? — спросила Джессика у первого встреченного.

— Майка Ларсена?

— Да, именно его!

— Вон он у камина сидит! — и незнакомый парень указал на нашего Майка, сидящего возле камина.

Кортни рванула к Майку.

— Ну-ка, иди сюда!

— Что я сделал? — сразу же завопил Майк.

— Кому ты сказал о вечеринке? — сразу же напала на него Кортни.

— Да никому не говорил!

— Никому? — Кортни смотрела на Майка, не сводя глаз.

От Кортни что-то скрывать было невозможно, она смотрела прямо в душу, видела человека изнутри, и человек сам творил свою судьбу.

— Ну, сказал я паре знакомых, что девчонки из группы устраивают вечеринку в отеле, отмечают Рождество, ну они сказали ещё паре знакомых, и так по цепочке, ну знаешь, как с лесными пожарами.

— Господи, Майк, я тебя убью! — заорала Кортни, — ты с ума сошёл, зачем ты всем растрепал о вечеринке, знаешь, какими трудами мы нашли место, где можно отметить Рождество с друзьями, а ты растрепал всем подряд, мы никого из них не знаем! Зачем нам все эти люди, они же всё здесь разгромят. А ты в курсе, сколько стоит этот номер, и сколько придётся платить за ущерб, если что-нибудь случится?

— Кортни, успокойся, — заголосил Майк, — я сразу всех предупредил, что вечеринка не моя, и чтоб все были аккуратнее!

— Если кто-нибудь что-нибудь сломает или испортит, клянусь тебе, я найду любого твоего знакомого и заставлю заплатить его по счету!

— Кортни, я тебе обещаю, ничего не случится!

— Смотри у меня! — рывкнула Кортни, и столкнула Майка с прохода, — Джес, пошли, найдём Кэйли.

Кортни и Джессика подошли через двадцать минут.

— Пойдёмте в ванную, — позвала нас за собой Кортни!

Мы зашли в ванную, здесь было тихо, как будто по ту сторону совсем не было никакой вечеринки.

— Почему здесь так тихо? — спросила Джессика.

— Это же номер, специально предназначенный для вечеринок, поэтому здесь стены звукоизолирующие, иначе бы на нас давно пожаловались соседи, — объяснила Кортни.

— Вы выяснили, откуда все эти люди? — спросила я.

— Да, это Майк Ларсен всем растрепал, что у нас вечеринка. Это его друзья и знакомые, — ответила Кортни.

— Что будем делать? — снова спросила я.

— А...э..., — замялась Кортни, — Кэйли, не будем же мы их всех выгонять, тем более Майк предупредил своих друзей, что вечеринка не его, и чтоб никто ничего не устраивал тут, пускай все остаются. Всё будет хорошо, вот увидишь! Завтра утром мы проснёмся весёлые и довольные от того, как встретили Рождество, и уже будет новый год, новая жизнь, так что повеселись от души сегодня! — Кортни встряхнула меня, потрепала по голове и со словами: — поскольку мы во всем разобрались, я пошла отдыхать! — вышла из ванной.

Я оперлась на стенку, мне было немного не по себе, что вокруг столько незнакомых людей и почти нет близких. Я уже два года не была в клубах, на вечеринках или на каких-то праздниках, в общем, где много незнакомых людей, поэтому чувствовала себя немного «не в своей тарелке», однако, когда Джессика спросила «как я», я соврала, чтобы не портить ей настроение.

— Кэйли, ты как?

— Всё в порядке, пусть будет много людей, зато веселее, — как можно спокойнее ответила я.

— Кэйли, серьёзно всё нормально?

— Да, всё хорошо! Пусть народ развлекается, Рождество ведь!

— О, Кэйли, как я рада, что всё хорошо, — сказав это, Джессика обняла меня, добавив, — Зак и Эндрю здесь.

— Не может быть?! — не поверила я.

— Да, я их видела, когда мы с Кортни искали Майка.

После этой новости у меня сразу как-то даже настроение поднялось и мне захотелось туда.

— Ну что, пойдём? — спросила Джессика.

В ответ я покачала головой, и мы вышли из ванной. Джессика сразу направилась к бару, я шла за ней. Мы взяли новую бутылку шампанского и разлили её по бокалам. Я оглянулась по сторонам, всё было довольно прилично, в центре комнаты танцевало большинство людей, некоторые сидели во второй комнате, попивая шампанское и вино, закуски были нарасхват и до сих пор ещё не закончились, парни заходили и выходили из сауны, все развлекались и, похоже, всем было очень весело!

— Сейчас я выпью и пойду разговаривать к Эндрю! — вдруг произнесла Джессика.

— Ты только слишком не напивайся, Джес!

— Да я не буду, мне ещё предстоит серьёзный разговор, голова нужна трезвая.

— Это точно, — усмехнулась я.

Тут подошли Клэр и Томас, наши друзья из колледжа, только из другой группы, я очень им обрадовалась!

— Привет, ребята, — поздоровалась я. Клэр и Томас по очереди обняли меня.

— Кэйли, у вас грандиозная вечеринка! — заявила Клэр.

— Да, вечеринка высший класс! — добавил Томас.

— Как вообще вы решили устроить такую вечеринку в отеле, столько людей, полный бар, как вообще получилось у вас организовать всё это?! — поинтересовалась Клэр.

— Это долгая история, я завтра вам всё расскажу, в основном это заслуга Кортни.

— А, да, кстати, где она?

— Я точно не знаю, где-то тут.

— Ладно, мы пойдём, найдём её, — и Клэр с Томасом ушли.

Я возвратилась к бару, но Джессики уже не было. Я оглянулась по сторонам, но Джессика так и не увидела. Я попыталась найти её, но из-за сну-

ющего туда-сюда народа так почти и не сдвинулась с места, к тому же шампанское начало действовать и меня стало укачивать. Я ещё обернулась по сторонам, поняла, что это бесполезно, в глазах начало всё двоиться, и я решила немного прийти в себя. Выйдя из толпы, я направилась в ванную, слава богу, там никого не было, я зашла и закрылась на защёлку. Я присела на корточки, посидела пару минут в тишине и прохладе и немного начала приходить в себя. В глазах перестало двоиться, я поднялась и посмотрела на себя в зеркало, поняла, что чувствую себя нормально, только хотела возвращаться обратно, как услышала какой-то стон, откуда-то издалека раздавался непонятный стон, как будто кричал маленький ребёнок, который постепенно сменялся удаляющимся шумом. Сначала, я подумала, что это последствия шампанского, но в глазах не двоилось, не укачивало, голова не болела, я чувствовала себя хорошо, но стон и шум так и не прекращались. «Боже, что это и откуда?» — думала я про себя. Я огляделась в ванной, эти непонятные звуки доносились откуда-то снизу. Я нагнулась на колени, прислонила голову к стенке, ничего, продвинулась немного дальше, снова ничего, я снова огляделась в ванной, и увидела вентиляцию под краном. Я наклонилась к вентиляции, на меня повеяло холодом, но была полная тишина и спокойствие. Я попыталась разглядеть что-нибудь сквозь решётку, но там была полная темнота и молчание. Только я хотела подниматься, как снова раздался этот непонятный стон, такое ощущение, что где-то далеко кричал или визжал маленький ребёнок. «Что это может быть? И откуда?!». Я продолжала держать ухо над вентиляцией, эти страшные звуки не прекращались, иногда они становились сильнее и уже отчётливо напоминали визг маленького ребёнка, меня начало это пугать. «Может нужно убрать эту решётку, чтоб лучше слышать, что там происходит» — размышляла я. Нужен был какой-нибудь острый предмет, что-то типа отвёртки, чтобы открутить болтики на решётке, в ванной ничего такого не было, из предметов было только мыло, полотенце и шампунь, тут я вспомнила, что в сумочке у меня есть пилочка, я достала пилочку, и принялась откручивать болтики один за другим. За это время звук, доносившийся из вентиляции, так и не прекращался. Я открутила все болты, сняла решётку, и чуть ли уже не просунула голову в эту вентиляцию, но звук по-прежнему был где-то там, далеко. «Надо срочно кому-то ещё об этом сказать», — крутилось у меня в голове, я решила найти Джессику и дать послушать это ей.

Я вышла из ванной, до наступления нового года оставалось полтора часа и, вечеринка была в самом разгаре. У камина ребята во что-то играли, народ у бара, как всегда, опустошал его, в первой комнате все танцевали. Я начала искать Джессику, как на зло, она мне нигде не попадалась, как будто это был трёхэтажный номер, в котором можно потеряться, всего-то две комнаты, а никого не найти. Тут мне навстречу попался Шон из нашей группы.

— Шон, привет, как вечеринка? Джессику не видел?

— Привет, Кэйли, вечеринка супер у вас, а вот Джессику я не видел!

Я растроенно помотала головой, и отодвинула Шона, чтобы он не загромождал мне путь вперёд. Я направилась в первую комнату, где все танцевали, но тут с кем-то столкнулась, и моя сумочка улетела куда-то в толпу!

— Вот, чёрт! — выругалась я.

Я подняла глаза, это был Зак, а рядом стояли Аманда и Тревис. Зак не растерялся, он шагнул в толпу, подобрал мою сумку и протянул мне.
— Привет, извини, не увидел, что кто-то идёт, здесь столько народу.

— Привет, это ты меня извини, я просто потеряла Джессику, никак не могу найти её.

— Джессику? — переспросил Зак, — вот же они с Эндрю разговаривают в самом углу, — и Зак указал на самый тёмный угол комнаты.

— Конечно, нашли место, — с облегчением вздохнув, высказала я, — и давно они там?

— Точно не знаю, но, по-моему, да, Джули просто в бешенстве, — смеясь, проговорил Зак.

Я тоже рассмеялась, Зак всегда был с чувством юмора.

— Это в её репертуаре, — с иронией сказала я, — но мне нужно идти.

— Куда? — сразу же задал вопрос Зак, — я думал, мы поговорим.

Я очень удивилась последним словам Зака и даже немного растерялась:

— Э... ну... мне нужно Джессике сказать кое-что, а потом мы можем поговорить.

— Тогда мы будем вон за тем столиком, — и Зак указал на столик рядом с баром.

— Хорошо, — проговорила я и направилась к Джессике.

Джессика и Эндрю стояли в углу комнаты, Эндрю наклонился над Джессикой и что-то ей говорил. Джессика, опершись на подоконник, стояла с бокалом, выражение лица у неё было далеко не весёлым. Мне не хотелось мешать разговору Джессики и Эндрю, возможно, этот разговор был самым важным в её жизни, но то, что я слышала, меня очень напугало, а кроме Джессики я здесь никому не могла доверять.

— Джессика, мне нужно сказать тебе кое-что важное, выпалила я, — привет, Эндрю.

По виду Джессики было понятно, что разговор не был удачным.

— Что случилось? — сразу же спросила Джессика.

— Идём, я покажу тебе!

— Но, Эндрю..., — не успела договорить Джессика, как Эндрю добавил:

— Иди, я схожу за пивом или что тут есть у вас, потом договорим.

— Что ты мне хочешь показать? И что это за срочность? — сразу же завалила вопросами Джессика.

— Сейчас я тебе всё объясню, — успокаивала я подругу, — о чём вы говорили с Эндрю?

— Кэйли, это самый ужасный разговор в моей жизни!

— О чём, о чём, вы говорили?

— Ничего не получится у нас и не могло бы получиться!

— Что Эндрю сказал тебе?

— Сказал что-то типа, что не готов к серьёзным отношениям, хочет погулять ещё, а мне нужны серьёзные отношения, но мы можем остаться друзьями и .., — но тут мы зашли в ванную и Джессика очень удивилась, — Кэйли, зачем ты привела меня в ванную, ты же хотела мне что-то сказать?

— Джес, я знаю, что помешала твоему самому важному разговору, но мне нужно срочно тебе это сказать.

— Да не такому уж важному, как сейчас выяснилось, — с иронией проговорила Джес.

— Я обещаю, что потом я выслушаю всё, что говорил тебе Эндрю, но сейчас послушай меня.

— Да что случилось-то? Говори уже!

— Я слышала какие-то странные звуки, доносившиеся из вентиляции, — и я показала на вентиляцию за спиной Джессики.

— Что за звуки? — не поняла Джес.

— Мы выпили с тобой шампанское, ты куда-то ушла, мне стало плохо, и я пришла сюда, чтобы немного побыть в тишине и успокоиться. Я полчаса стояла в ванной и всё это время из вентиляции доносились какие-то странные звуки, что-то похожее на визги маленьких детей.

— Что? Я ничего не слышу! — пожав плечами, проговорила Джессика.

— Наклонись к вентиляции и послушай, я даже решётку отвинтила, чтоб было лучше слышно.

Джессика присела на коленки, прислонилась ухом к вентиляции, потом посмотрела в это отверстие, потом снова прислонилась ухом, потом посмотрела на меня и произнесла:

— Я ничего не слышу.

— Дай я, — пододвинула я Джессике и сама наклонилась к вентиляции, поднесла ухо к отверстию, но там была тишина. Я ещё посидела так пару минут, тоже посмотрела вовнутрь, но было тихо, как будто никаких звуков оттуда и не доносилось. Я посмотрела на Джессике, Джес только пожала плечами.

— Я точно слышала какие-то звуки, — стояла я на своём.

— Ты уверена, что тебе не показалось?

— Ты думаешь, мне могло прислышаться это? — возмутилась я.

— Нет, но просто, я понимаю, ты до сих пор переживаешь смерть родителей, возможно, что доносились какие-то звуки, это же вентиляция, а ты их восприняла как визг ребёнка.

— Не надо всё сейчас валить на то, что я до сих пор не могу прийти в себя, я уверена, что это был не просто какой-то гул или шум, это был какой-то стон, как будто ревел или визжал напуганный ребёнок, такое не может показаться, привидеться или прислышаться.

— Но сейчас нет никаких звуков, — и Джессика снова наклонилась к вентиляции, — тишина.

Я приподнялась с коленок, оперлась на стенку и убрала волосы, спадающие на лицо и начала говорить:

— Джес, то что я слышала до такой степени было похоже на визги маленького ребёнка, что меня напугало это, я не стала бы настораживаться из-за каких-то шумов или звуков, это точно визжал маленький ребёнок.

— Кэйли, я не отрицаю, что ты что-то слышала, это же отель, вполне возможно, что в номере под нами, обычно вентиляция проходит сверху вниз, живёт маленький ребёнок, у него режутся зубки, вот он и орал или уснуть не мог, то визжал, что есть мочи или, в конце концов, родителей не было в номере, а теперь они пришли, поэтому больше нет никаких звуков.

— Может быть, — неуверенно произнесла я, — но очень уж этот визг был душераздирающим.

— Что тут может случиться, Кэйли? Это же отель! Здесь всё под контролем и под присмотром, портье на входе, охранники, администраторы, просто, скорее всего, безответственные родители, раз у них ребёнок орёт посреди вечера.

— Наверное, ты права, — так же неуверенно проговорила я.

— Забудь то, что ты слышала, и иди развлекайся, тем более Зак здесь.

— Да, мы с ним уже виделись!

— Вот и отлично, идём, — Джессика открыла дверь ванной и указала кивком головы на выход.

— Ты иди, я только умоюсь и сразу приду.

— Хорошо, только полночь не пропусти, — сказала Джес и вышла из ванной.

Я закрыла дверь на защёлку, подошла к крану, налила в руки воды и расплескала по лицу. До полночи ещё оставалось больше часа и нужно было себя занять чем-нибудь до того момента, как будем поднимать бокалы за наступление нового года. Тут я вспомнила, что Зак хотел поговорить со мной, только хотела выйти из ванной и отправиться искать его, как снова раздался этот раздирающий звук.

— Господи, снова этот звук! — вырвалось у меня.

Я шмякнулась на коленки, сразу же поднесла ухо к этому отверстию, теперь звук был отчётливее и сильнее, визжал маленький ребёнок, и визг этот не был похожим на рёв малыша, у которого режутся зубки, визг был словно из фильмов ужасов. От последней мысли меня охватила дрожь.

— Кто-то здесь есть? — крикнула я в вентиляцию, потом подумала, зачем я это сделала, всё равно никто не услышит голос из труб, и решила больше ничего не кричать.

Я решила узнать, откуда был этот непонятный плачь, и почему так сильно плачет маленький ребёнок. Нельзя было сразу исключать и то, что под нами на самом деле живёт семья с ребёнком, и у него действительно режутся зубки, я решила навестить жильцов под нами. Раздался стук, я вздрогнула и отползла от вентиляции, но потом поняла, что это просто кто-то стучится в ванную, облегчённо вздохнула и открыла дверь. Это была Пенелопа.

— Я тебе не помешала?

— Нет, я как раз собиралась уходить.

— А тут есть вода и полотенце? Мне на платье какие-то придурки вино пролили, — злобно произнесла Пенелопа.

— Да, конечно, вот кран, полотенце за шкафчиком висит, бери всё, что надо.

— Спасибо, — и Пенелопа зашла в ванную, закрыв за собой дверь.

Я направилась к выходу. Музыка гремела, народ веселился, такое ощущение, что людей стало ещё больше, я кое-как прошла сквозь толпу, снова с кем-то столкнулась, на этот раз был какой-то незнакомый парень, скорее всего из друзей Майка, сумкой зацепилась за какую-то девушку, так же незнакомую, споткнулась об кого-то, непонятно только, что этот кто-то делал на полу, то ли сидел, то ли лежал, я обернулась, чтобы посмотреть,

но из-за людей уже ничего не увидела, и наконец-то после всего этого я вышла из номера.

— Ура! — крикнула я, когда оказалась в тихом и просторном коридоре.

Я зашла в лифт, набрала двенадцатый этаж, снова бросилось в глаза отсутствие тринадцатого этажа, но я переключилась на поправление платья, которое перекрутилось на мне, пока я прорывалась через толпу на нашей вечеринке. Лифт остановился на двенадцатом этаже, я вышла из лифта, отыскала 1209 номер, встала напротив него, собралась с мыслями и постучалась. Дверь открыл молодой мужчина, со словами: «Это охрана», я, можно сказать, ворвалась в номер, девушка из комнаты, вероятно жена или подруга, уже начала спрашивать «кто там?», я вошла в комнату, девушка от удивления поднялась с дивана:

— Стив, кто она? — задала она вопрос своему другу, показывая на меня.

— Извините, не пугайтесь, — сразу же начала я разговор, — я с четырнадцатого этажа, живу над вами, у нас в ванной весь вечер слышится детский плач, такое ощущение, что ребёнок просто постоянно плачет, мы обеспокоены. У вас есть дети?

Девушка сразу успокоилась, наверное, подумала, что я подруга её парня, парень прошёл в комнату и сел рядом с девушкой.

— Нет, у нас нет детей, — сразу же ответила девушка.

— Мы вдвоём тут, — добавил парень.

— А вы не знаете, может, в соседних номерах живут пары с детьми?

— Вряд ли, — ответила девушка, — номер 1409 — это же номер для вечеринок, там постоянно играет музыка, проходят какие-то вечеринки или банкеты, семьи с детьми селятся в основном ниже или выше, чтоб постоянные празднования не мешали пребыванию.

— Ого, откуда вы это знаете? — поинтересовалась я.

— Мы очень часто останавливаемся в этом отеле, успели изучить этот отель как свои «пять пальцев», — сказала девушка.

— Вы уверены, что в соседних номерах не может быть семей с детьми, уж очень этот плач был близко?!

— Не знаю, может быть, но вряд ли!

— Всё понятно, спасибо вам большое! — поблагодарила я молодую пару и вышла за дверь.

Я поднялась в наш номер, чтобы сообщить Джессике, что поблизости не может быть семей с детьми и, что услышанный мною плач, явно не плач малыша, у которого режутся зубки или которого не совсем добропорядочные родители оставили в номере одного. Я поднялась на свой этаж, только хотела войти в наш номер, как поняла одну вещь, на двенадцатом этаже расстояние между этажами в два раза больше, чем на нашем этаже. Я забежала в лифт, нажала второй этаж для того, чтобы точно убедиться в этом, снова бросилось в глаза отсутствие тринадцатого этажа, теперь меня это начало настораживать. Я спустилась на второй этаж, оглядела там весь коридор, расстояние между этажами было такое же, как на нашем этаже, для того, чтобы ещё раз удостовериться, я решила посмотреть ещё какой-нибудь этаж, зашла в лифт, нажала первый попавшийся этаж, это был седьмой, на седьмом этаже это расстояние было таким же, как и везде. Я снова вышла на привыч-

ном двенадцатом этаже, я стояла посередине коридора, смотрела вверх и точно видела, что расстояние до следующего этажа в два раза больше, чем на остальных этажах. «Почему здесь расстояние между этажами в два раза больше, чем должно быть, и почему нет тринадцатого этажа, нет ли его вообще в этом здании или всё-таки есть?» — думала я про себя.

Теперь я была уверена в своей теории, что расстояние между этажами на двенадцатом этаже в два раза больше, чем на всех остальных этажах, и отсутствие тринадцатого этажа как раз и могло компенсироваться этим. «Но если здесь есть тринадцатый этаж, где он?» — в голове крутились разные вопросы и ответы. Я потрогала стенки, постучала в некоторых местах, не было ничего необычного, ведь если за стенкой есть пустота, то стук какой-то глухой, а здесь было все, как всегда. Я спешила рассказать это Джессике. Только я зашла в наш номер, дошла до середины комнаты, как всегда в поисках Джессики, как кто-то меня схватил за руку, от этого всего я даже испугалась, но это был Зак.

— Ты где пропала? Тебя не было в номере?

— А... э... была! — растерялась я.

— Я везде искал тебя, Аманда и Тревис тебя тоже искали, мы всё обошли, но так и не нашли тебя! Где ты была?

— А... ну..., — я не знала, что ответить, не хотелось рассказывать Заку, что я пыталась отыскать тринадцатый этаж, которого тут, скорее всего, и не было, — разговаривала по телефону, — соврала я, — мне позвонили, а здесь очень шумно, я вышла в коридор, чтобы поговорить.

— Я звонил тебе, телефон не отвечает.

Я достала телефон из сумки, он был отключён.

— Села батарея, — пробормотала я.

Зак смотрела на меня, ожидая объяснений.

— Наверное, после того, как я поговорила по телефону села батарея, а я телефон сразу в сумку убрала, видимо, не заметила, — выдохнула я из себя последнее враньё.

— Хоть сейчас не уходи! — попросил Зак.

— Мне нужно найти Джессику.

— Полночь через пятнадцать минут!

Я посмотрела на часы, и вправду, я не заметила, как прошёл час, и до наступления нового года оставалось меньше пятнадцати минут.

— Стой тут, я принесу шампанское.

Зак побежал к бару, я отошла немного в сторону, чтоб не стоять в проходе, а тем временем все начали готовиться к наступлению нового года. Кортни выключила музыку, кто-то включил телевизор во второй комнате, чтобы посмотреть на салют с площади Лос-Анджелеса.

— Ах, вот ты где! — остановилась возле меня Кортни, — не пропусти салют и наступления нового года.

— Да, конечно, сейчас только Зак подойдёт, и мы пойдём смотреть салют.

— Зак? — удивилась Кортни, — Зак Эфрон?

— Да!

— Вы вместе?

— Нет, что ты, — начала объяснять я, — он просто принесёт шампанское, мы выпьем за новый год и всё.

У Кортни от удивления даже зрачки расширились.

— Ну, ничего себе, я тебя найти не могу, а ты с Заком развлекаешься, оказывается!

— Зачем ты хотела найти меня? — встревожилась я.

— Просто за весь вечер тебя ни разу не видела, хотела узнать, где ты, но теперь-то поняла, что ты время зря не теряла.

Я прикрыла глаза и помотала головой. Кортни любила всё преувеличивать и неправильно толковать.

Кортни похлопала меня по плечам и хотела идти, но я остановила её:

— Кортни, а где Джес?

— Не знаю, я два часа назад её видела, где-то здесь развлекается! — сказав это, Кортни ушла.

Тут подошёл Зак с вином и бокалами.

— Шампанское уже выпили, вино подойдёт?

— Да, конечно, — схватив бокал, — выпалила я. Я нервничала из-за услышанного плача, из-за отсутствия в этом здании тринадцатого этажа или, наоборот, его странного присутствия, я ещё не была уверена, поэтому мне было совершенно без разницы, что пить.

— Что-то случилось? — тревожно спросил Зак.

— Нет, с чего ты взял? — сразу же запаниковала я.

— Ты нервничаешь, — проговорил Зак, показывая на меня вином и бокалами.

— Нет, всё в порядке, — сразу же начала отнекиваться я.

— Тогда, пойдём смотреть салют, — проговорил Зак и улыбнулся.

— Пойдём, — и я улыбнулась ему в ответ.

Мы подошли, когда все уже стояли вокруг Кортни, а Кортни говорила свою рождественскую речь, что-то типа того, что в прошлом году было много побед и разочарований, и чтоб в новом году были только победы и всё в таком духе:

— ...желаю всем, чтоб в новом году каждый из вас нашёл свою вторую половинку, а те, у кого она есть, сумел сохранить её, а также сохранить дружбу и своих друзей, и чтоб эта вечеринка была не последней!

По телевизору начался бой курантов, все принялись считать «Один... два...три», кто-то не успел разлить по бокалам вино, и разливал сейчас, кто-то уже стоял с поднятыми бокалами, готовые уже выпить за наступление нового года. Тут бой курантов закончился, раздался салют, и все закричали «Ура» и зааплодировали в ладоши.

— С Рождеством! — вдруг сказал Зак и приставил свой бокал к моему.

— С новым годом! — ответила я, и мы чокнулись бокалами.

Со всех сторон послышалось чоканье, поздравление, все подходили к Кортни и благодарили её за речь и вечеринку, на лицах людей были улыбки, в глазах восхищение — всё на самом деле прошло весело и празднично, как мы и предполагали, но только не для меня, в голове у меня по-прежнему крутились мысли насчёт странного стона, услышанного в ванной.

— Ну, рассказывай, к чему столько много народу на вечеринке, я думал, будут только свои?! — вдруг спросил Зак.

— Мы тоже так думали, — усмехнулась я, — но Майк Ларсен растрепал о вечеринке своим друзьям, и в результате пришли люди, которых мы даже не знаем!

— Ого, — рассмеялся Зак, — это так в его стиле болтать языком.

— Дааа, — протянула я, — но он пообещал, что они не разрушат номер. Зак рассмеялся.

— У тебя всегда было отличное чувство юмора.

— Почему было, оно и есть.

— Просто мы стали мало общаться, — проговорил Зак

Тут Кортни снова вышла на середину комнаты и начала говорить:

— Вот мы и встретили новый год, но вечеринка на этом не закончилась, в баре осталось немного вина, закажем пиццу, снова включим музыку, так что продолжаем праздновать.

Какой-то парень, наверное, из друзей Майка, включил музыку, Кортни сделала ему жест рукой, чтоб он убавил, парень сразу же убавил, все освободили бар, столики, встали с диванов и кресел, и направились танцевать, наверняка все уже вдоволь напились и сейчас всем нужно было только одно — танцевать до утра. Тут я вспомнила, зачем я вернулась в номер, нужно было срочно найти Джессику:

— Мне нужно идти, мы потом договорим с тобой, — я начала потихоньку отходить от Зака.

— Где тебя искать потом? — уже кричал в толпу Зак.

— Я сама найду тебя! — крикнула я в ответ Заку, развернулась и направилась искать Джессику.

Я обошла обе комнаты, все углы, заглянула в сауну, Джессики нигде не было, тогда я воспользовалась старым методом: начала спрашивать у всех подряд, где Джессика, кто-нибудь всё равно должен был видеть её.

— Видел Джессику? — спросила я у попавшегося одноклассника.

— Нет, давно не видел!

Я спрашивала у каждого, кто попадался на пути, даже у людей, которых я сама видела впервые или уже видела до этого только на нашей вечеринке, никто не знал, где Джессика, а один парень вообще спросил «Кто такой?», я чуть не упала, либо он вообще укуренный, либо я что-то не понимаю. Вдруг я увидела Клэр и Томаса.

— Ребята, как хорошо, что я вас встретила!

— Что случилось? — спросила Клэр.

— Вы видели Джессику, а то тут совсем уже все обдолбанные, даже имён не понимают.

Клэр начала кивать головой, я сразу же обрадовалась.

— Она в ванной!

— В ванной? Что она там делает?

— Она ревет! — ответила Клэр.

— Спасибо, — я поблагодарила Клэр и побежала в ванную.

«Конечно, в ванную я не догадалась зайти», — думала я про себя, сама же там полчаса провела». Я открыла дверь в ванную, Джессика стояла, нахло-

нившись над крапом, и ревела, вокруг неё стояли девчонки, которых я даже не знала.

— Что случилось? — с криком ворвалась я.

Джессика не переставала реветь.

— Её обидел какой-то парень! — сказала одна из девчонок.

Несомненно, речь шла об Эндрию.

— Что он сделал? — испугалась я.

— Он сказал, что не любит её, и никогда не любил и ещё что-то в этом роде!

— О, Джес! — проговорила я про себя.

— А ты кто? — вдруг спросила эта девчонка.

— Я Кэйли, подруга Джессики.

— Ох, это же ваша вечеринка, Джессика нам про тебя рассказывала, что вы и ещё одна девочка, по-моему, Кортни, устроили эту вечеринку.

— Да, да...это мы! — безразлично проговорила я.

— Я Нэнси, а это Катрин и Люси, вечеринка просто супер!

— Да, да, вечеринка отпад, — в голос заговорили другие девчонки.

— Спасибо! — быстро ответила я.

Я стояла рядом с Джессикой, она рыдала, успевая утирать слёзы носовым платком с инициалами Э. Т. «Эндрию Тайлед, он сам же довёл её до слёз и сам же ей носовой платок дал, это так было в репертуаре Эндрию, как раньше, он всегда первым начинал ссориться с Джес и потом первым же шёл извиняться, где смысл таких поступков!» — думала я про себя, поглаживая Джес по спине.

— Джес, не плачь из-за этого говнюка! Он этого не достоин! — тихо повторяла я.

Через несколько минут Джес начала успокаиваться.

— Девчонки, спасибо вам огромное, что вы позаботились о Джес.

— Да не за что, — в голос проговорили девчонки.

Все ушли, и мы остались наедине. Джес перестала плакать, и начала приводить себя в порядок.

Я понимала, что сейчас Джессике было далеко не до странных звуков, доносившихся, кстати, из этой ванной, а ждать пока Джес полностью придёт в себя не было времени, поэтому я решила узнать, что здесь происходит в одиночку.

— Всё в порядке? — спросила я подругу, — мне нужно кое-куда сходить, а потом я вернусь.

— Да, всё в порядке, можешь идти, я только умоюсь, — ещё всхлипывая, проговорила Джес.

— Где ты будешь?

— Я, наверное, присяду, что-то не хочется танцевать.

— Хорошо! — проговорила я и вышла из ванной.

Я нашла Нэнси, мне она очень понравилась, простая, милая, выглядела добропорядочной, и попросила её немного побыть с Джес. Конечно, Джес была не из тех людей, которые со злости или в истерике делают глупости, но мне было неловко, что в трудную минуту я её снова оставила одну, мне действительно нужно было идти, чтоб узнать правду об этом отеле.

Мне нужно было узнать, как устроено это здание, сколько в нём этажей, какой он высоты и ширины, сколько ступенек на лесенках, все потайные или скрытые комнаты, какой у него фундамент, мне нужно было знать всё, мне нужна была схема этого здания. «Но где её взять?» — размышляла я. Наверняка, у портье должна быть схема здания или его план. Я направилась вниз. Внизу стоял знакомый нам портье, я подошла к нему и сразу спросила:

— У вас есть схема здания?

— Не понял, что?

— Мне нужна схема этого здания или его план, конструкция или что-то в этом роде... я из 1409 номера...

— Я помню, откуда вы! Но зачем она вам, постояльцы отеля не должны обладать такой информацией.

— Заблудилась в отеле! — пробормотала я про себя.

— Извините, мисс? Если вы хотите погулять по отелю и посмотреть его достопримечательности, то есть памятка, — портье протянул мне небольшой лист бумаги, — здесь вы наглядно увидите, что на каком этаже находится, это позволит вам не заблудиться в стенах нашего отеля или я могу попросить мистера Дэниелса, он вас проводит и покажет все места, которые вы пожелаете.

Я взглянула на предлагаемую портье памятку, это был обычный распечатанный рисунок, где прямоугольниками изображались этажи, а квадратиками — номера, и стрелочками указывался путь, куда идти, чтобы не заблудиться. Портье был ещё тем нахалом.

— Но мне нужна схема здания, а не ваши рисунки, я вам сама лучше нарисую! — начала я повышать голос.

— Мисс, не нервничайте, я просто не понимаю, для чего вам схема здания, если есть эта памятка?

— Я не нервничаю, мне нужна схема, мне нужно узнать, как строилось это здание, сколько у него этажей, сколько лифтов, какие материалы использовались, мне это нужно знать, а не то, куда идти, чтоб не заблудиться, мне не шесть лет.

— Но, мисс, для чего вам это знать?

— Какая разница для чего? У вас что, постоялец отеля не может узнать, как устроено место, в котором он остановился и за которое он платит кучу денег?

Тут я увидела в его глазах замешательство, я поняла, что ещё чуть-чуть, и он мне сам нарисует эту схему, поэтому я продолжала в том же духе.

— Я что прошу вас о чём-то незаконном? Вроде в правилах поведения отеля не сказано, что постояльцы не могут узнавать сведения об отеле для своего благополучного проживания!

— Не сказано, но..., — портье окончательно запутался, — но никто никогда раньше не просил об этом.

— Если никто раньше не просил, это не означает, что никто не попросит! Такое у вас всегда должно быть под руками.

(Продолжение следует)

Эмиль Айзенштарк
(Россия, Москва)

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ (Из записок хирурга "Диспансер", 1997)

Наших гинекологов при защите категорий экзаменовали дотошно и строго. Спрашивали номера и даты рождения всех приказов и распоряжений по Союзу, по Республике, по области, по городу. На вопрос — зачем это — председатель комиссии ответил: «А нам не нужны узкие специалисты-гинекологи, скажем, или хирурги, а нужны ИНТЕЛЛИГЕНТЫ ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ...»

И усилия не пропали даром. Интеллигентов таких уже немало. Это только воды по колено, а интеллигентов знаешь сколько? И вот приезжают такие с характерным широким профилем в онкологический институт с целью проверить изобретательство и рационализацию. А тут у одного Сидоренко около сотни авторских свидетельств. Еще уйма их по институту. Еще картотеки, фототеки, патентоведение. Заявки тучами... Наглядность... Отчетность... У них восторг и слезинки живые, горячие по щеке. Они говорят:

— Вы бы могли получать премии. Почему не подаете?

— Да нам это не надо.

— А напрасно.

— А не надо.

— А напрасно...

А в заключение:

— У вас, конечно, все чудесно, восторг и даже вот слезы, но прогремите вы в приказе Министра и строгий вам выговор, если и не под суд вас...

— А?!

— Да, у вас все прекрасно с 1982 года, но до этого директор ваш был участником в сорока рационализациях. А директор не имеет права (выговор!), а ему еще выплатили деньги (под суд!)...

— Но я же тогда НЕ БЫЛ директором. Я директор с 1982 года. За что же меня наказывать?

— Так мало ли что. Сейчас именно вы директор, с вас и спрос.

— Так спрос за сейчас, я же директор СЕЙЧАС, а тогда я не был директором.

— А мы так работать не можем. Мы приезжаем раз в семь лет. Вот мы приехали, а директор, к примеру, только месяц в должности. Так что, все прошлое уже не существует? И спросить не с кого? В момент нашего приезда вы директор, с вас и спрос.

— Тогда разделите акт во времени: напишите, что раньше было плохо, а с моим приходом стало хорошо.

— А не получится, потому что в нашу стандартную форму-бланк такое не влезает. У нас четкие графы, вопросы по вертикали, по горизонтали, и там нет такой графы, что кто-то ушел, кто-то пришел, кто-то за что-то не отвечает. Ерунда какая-то.

— Ну, так не пользуйтесь этой формой. Напишите свободно или сделайте другую форму.

— А мы форму не делаем, нам ее сверху дают, уже готовую, менять ее нельзя.

— Но вы же ЛЮДИ, не автоматы. Вы же мне в глаза смотрите. Вы-то знаете, что я не виноват. Вы мне столько прекрасного сказали, восторги мне и цветы. А убивать меня за что? И еще: вы же в наш цветущий изобретательский сад бросаете камни, ворота нам — дегтем. Это же вред, у людей — разочарование, апатия, цинизм, распад. И вы знаете, что приносите вред ДЕЛУ, убиваете того, от которого в восторге. Ну посмотрите мне в глаза.

— А что делать?

— Так не пишите об этом вообще, если выхода в этих графах нет.

— Значит, мы должны утаить вскрытые недостатки? Но этого нам СОВЕСТЬ не позволяет.

И уехали на берег в один стилизованный ресторанчик, а там уже все подготовлено и лодочки прогулочные у причала... Интеллигенты подкрепились, проехали по реке. Они сделались мягче, и улицы нашего города стали немного шире...

РУКАМИ ЕЩЕТЕ ДАЖЕ СУП...

...Глубокой ночью фельдшер скорой помощи привозит в больницу своего маленького долгожданного внука. У ребенка уже два дня болит животик, лекарства не помогают. Дежурный хирург Легов не может разобраться, старый фельдшер это сразу подмечает и срочно едет к Ивану Александровичу Шредеру, опытному и солидному специалисту.

Хирурги всю жизнь безотказны: Иван Александрович просыпается, одевается и едет в больницу. Здесь он смотрит ребенка, устанавливает аппендицит и возвращается домой в надежде доспать. Ординатор Легов оперирует мальчика, диагноз подтверждается — перфоративный аппендицит и перитонит. Ребенок попадает в реанимационное отделение, заведующий которого в этот день по приказу уходит в отпуск. На фоне перитонита ребенок умер на четвертые сутки.

Это дело передается в прокуратуру. Легову инкриминируют, что он как-то не так оперировал, Шредеру — что он уехал домой и не прооперировал сам (а если бы он прооперировал и ребенок бы умер — было бы ему юридически лучше?). Анестезиолога — за то, что, имея тяжелого пациента в отделении, все же ушел в отпуск. А заведующего отделением за то, что все произошло на его территории.

Разбирательство шло семь месяцев. Их вызывали на допросы, они изучали Уголовный кодекс, балдели от страха.

Самый опытный из них — Иван Александрович (хирург с высшей категорией) с этого момента (и по сей день!) от активной хирургии ушел, ны-

рнул в гнойное отделение, вскрывает панариции и абсцессы. И всем ясно: не пошел бы он тогда ночью (нет его дома!) — и не было бы ему никакого горя. Другой хирург на фоне испугов тоже резко сократил свою деятельность и поступил в бригаду... сантехников. Трубы варит, стояки ремонтирует, людям воду дает — от первого этажа до пятого. И вот на третьем этаже одна женщина попросила его рентгеновский снимок проконсультировать, он руки обтер ветошью, снимок прокомментировал и снова взялся за гаечный ключ.

И еще одного знаю, тот и вовсе отважный, наплевал на начальство, как и не было его. В свое удовольствие живет человек.

— И как ты не боишься? — спрашиваю я у него.

— А положил я на них. У меня бахча и дом на ней. Уйду сразу, не оглянусь. Я человек свободный...

Свободный он человек, потому и смелый. А у кого нет бахчи? Что там у нас за кадром?

В одном городе, в пятницу, в крупной больнице рождает молодая девчонка девятнадцати лет. В субботу у нее сильные боли внизу живота. Врачи решают, что это матка не сократилась, и назначают лекарства, но состояние ухудшается, и уже ясно — катастрофа в животе, острый живот. Оперировать роженицу сложно, нужен опытный хирург. Срочно посылают за известным и прославленным NN. Известный же и прославленный залезает под кровать: нет меня дома...

История со Шредером разошлась очень быстро из уст в уста. Испугался маститый человек, а ведь раньше был безотказный. Тогда ищут и находят заведующую отделением, которая срочно оперирует роженицу. И все она сделала правильно, эта заведующая, да только не хватило ей «нечто» — на уровне опыта и таланта. Ну, не дано человеку. (Неодинаковы люди, неодинаковы! И врачи неодинаковые. Истина же простая, смехотворная по своей простоте, а ведь не входит в конусовидную башку, проклятье!) В общем, развалилось в животе у этой девочки, она погибла на десятые сутки.

Тому маститому кричали потом в своем кругу:

— Вы почему не пришли?! Почему не пришли?! Подлость какая!

А он им кричал в ответ:

— Я в своей постели умереть хочу. На простыне, понятно? И чтоб дети мне глаза закрыли. И идите вы все!..

Морально его можно осудить, а юридически он неподсуден. Его дома не было, не докажешь. А девочка погибла.

Руками ешьте даже суп,
но с музыкой беда такая.
Чтоб вам не оторвало рук,
не троньте музыку руками.

БАСТИЛИЯ ПАЛА!

...В те годы я вел хирургический прием. Работал запоем и с увлечением, принимал больше ста человек за смену, а в иные дни до ста сорока. Больные в те годы жалоб почти не писали, а наоборот, уважали, боготворили! Если же случайно и попадался редкостный хам, то его быстро уламывали. И от уважения и преклонения возникало особенное какое-то поле (когда-нибудь же его определят, запишут на пленку). И от этого поля шло вдохновение, работа взрывалась творчеством, радостью и отдачей. И этим чувством я заражал своих пациентов, они проникались еще сильнее, я от них — еще выше. И так мы неслись и несли друг друга.

Ах, Экзюпери сказал об этом гениально: «Дело не обходится без помощи богов. Недостаточно лечить человеческое сердце, чтобы его спасти, надо, чтобы его коснулась благодать. Недостаточно подрезать дерево, чтобы оно зацвело. Необходимо еще вмешательство весны. Недостаточно облегчить груз самолета, чтобы он оторвался от земли, нужен еще порыв ветра».

И вот заканчивается прием. Блаженная усталость, смешанная с благодарностью, весной и порывом. И сюда, в этот высокий настрой души и тела мерзостным контрапунктом врывается поганый пасьянс: нужно разложить громадную кипу амбулаторных карт на женщин и на мужчин, выделить пенсионеров, потом все перемешать и снова откладывать раны, переломы, кровотечения, со жгутом, без жгута, с крестом, без креста... По десяткам признаков разбрасывать мелькающие до тошноты лохматые бумаги и снова их смешивать, и снова раскладывать. И каждую полученную циферку аккуратно вписывать в отдельную клеточку проклятого полотнища. А в конце месяца все цифры сложить по графам в сумму-свод.

Наша поликлиника была укомплектована в основном пожилыми докторицами. Они были бесцветны, послушливы и пугливы. Каждый день после приема больных эти мученицы оставались еще часа на полтора-два, чтобы перетасовать кипы амбулаторных карт и заполнить клеточки в своих простынях. Бедняги работали честно, добросовестно, старались до изнеможения. Когда что-то не ладилось, они плакали.

Я глянул на эту картину свысока — с птичьего полета, разобрался (как мне показалось) и пошел себе заполнять средне потолочное, на глазок. Колоду не тасовал, пасьянс не раскладывал. Писал быстро, от чистого разума, времени и сил на это не тратил, и был очень доволен собой. А расплата пришла в конце месяца. Простыни-то оказались совсем не простыми. Тут все суммы должны совпадать в конце — по горизонтали, по диагонали и еще как-то.

Кубик Рубика! Кругом шестнадцать!

Да не то, что всю простыню наврать, а и единую клеточку обмануть нельзя. И ошибиться нельзя ни разу (за весь месяц!), ни в одном вычислении (а их сотни!). Теперь понятно, почему плачут престарелые докторицы... И не серые они совсем. Это я дурак: «разобрался», называется.

Да, хорошо заделали нас младенчики, на короткую цепь усадили, не побегаешь! Конечно, мне легче, чем бабушкам докторицам. Я моложе, не так устаю, арифметика у меня идет быстрее. А и мне страшно: в последний

день месяца вдруг свод не пойдет? Где ошибку искать? Там же километры чисел! Очень волнуясь, даже во рту пересохло. Впрочем, я могу, по крайности, и пивом освежиться. А для престарелых, уже тронутых склерозом послушниц испытание поистине страшное. Хотя была и другая сторона: бабушки беззаветно верили в необходимость и целесообразность своих мук. Они знали, что добытые их потом и кровью цифры очень нужны и крайне важны. Эта вера поддерживала и утешала их, сохраняя внутренний комфорт и собственное достоинство. И здесь бабушки были сильнее. Так что всем нам было примерно одинаково.

Только выхода не было. Кубик Рубика. Я надрывался. Проклятые полотнища не только пожирали силы и время, но еще и вторгались куда-то глубже, в незащищенное и болевое, и там что-то поганили и мертвили. Как ни крути, а выбраться из этих таблиц нельзя — ни по вертикали, ни по горизонтали, ни по диагонали, ни по какой другой линии. Только все они, эти линии, лежат в одной плоскости. Ну, и бог с ними, другую плоскость нужно искать. Заранее нужно, как я понял, все полотнище написать по соответствующей программе, задавая диапазоны примерных чисел. Сейчас такие задания шутя выполняет ЭВМ, но в те годы о счетно-решающих устройствах мы, широкая публика, и понятия не имели. Я мучительно оглядывался по сторонам, искал, искал, и нашел-таки.

Исай! — вот моя счастливая находка, луч света в этом царстве. Дядя Исай — главный бухгалтер речного порта. Во глубине моего сознания уже гремят бешеные косяшки-кастаньеты, содрогаются взახлеб конторские счета, капитанская фуражка с золотым крабом сбита на затылок, засучены по локоть изумительные крахмальные манжеты, клубы табачного дыма. Идет годовой баланс...

Исай, гениальный бухгалтер, работает весело и страстно. Кроме того, ему немножко кажется, что он на капитанском мостике. Роскошный пароход идет в открытое море, а на мостике великолепный капитан оглядывает горизонт («девушку из маленькой таверны полюбил суровый капитан»). У него обыкновенный письменный стол, спокойная тихая комната, даже окна закрыты во избежание сквозняка. Но капитанская фуражка на затылке не зря: себе цену Исай знает.

Я захватил целую кипу еще не заполненных, девственно чистых бланков-полотнищ и помчался к предполагаемому спасителю. Начал подробно излагать свои беды. Но долго разговаривать не пришлось. Исай понял меня сразу. Он быстро водрузил на голову капитанскую фуражку, лихо сбил ее на затылок, засучил знаменитые манжеты, выдохнул папиросный дым и ринулся на капитанский мостик.

Грянули кастаньеты. Часа через два я получил свои полотнища, заполненные впрок до следующего года.

Бастилия пала! Свобода, равенство и братство! Теперь я занимаюсь только делом, к простыням не касаюсь, и лишь в конце каждого месяца беру их двумя пальцами — указательным и большим, и отношу заведующему поликлинике Станиславу Буревичу.

Недавно я вспоминал Буревича, когда некий доктор оргметодических наук пожаловался в газете на главных врачей, которые плохо заполнили

одну специальную анкету. На вопрос о профессии большинство Главных ответили: «хирург...», «терапевт...», «онколог...», и лишь немногие проставили «организатор здравоохранения».

— Не престижная специальность, — отметил профессор и посоветовал «придать ей больше престижности».

Так вот Буревич заполнил бы эту анкету правильно, ибо организатором и методистом жизни был не по должности, а по призванию. Истории болезни, амбулаторные карты стали для него евангелием, записи ВКК он приравнивал к библейским текстам, наши полотнища полагал скрижалями. И только об индульгенциях понятия не имел, ибо был непреклонен и строг. И себя не щадил. Рано утром, еще до начала работы, он заходил инкогнито в деревянный сортир, который стоял во дворе поликлиники, и прикинул глазом к специальной смотровой дырочке. Такие дырки обычно высверливают в сортирных стенках пытливые и любознательные люди с определенной целью. У Буревича тоже была цель, но другая. Укрывшись в сортире с блокнотиком в руках, он через свою смотровую щель хорошо видел подходы и подступы к поликлинике, и, сам, не будучи замеченным, регистрировал время опоздания каждого сотрудника. Потом отчитывал беспощадно, притом с достоинством, без крика, подкожными какими-то приемами с паутиной и кровью.

Когда-то он был интеллигентом, рентгенологом. И сейчас формально заходил в рентгеновский кабинет (на полставки по совместительству), чтобы глянуть на темный экран, записать что-то уклончивое и направить больного к настоящему рентгенологу для перепроверки. Свои заключения Буревич писал четким красивым канцелярским почерком, которым гордился, был аккуратен, педантичен, соблюдал сроки, изобрел какой-то сложный штамп, которым продлевал больничные листы.

Что делал с нами этот человек в конце месяца! Стон стоял. Бабушки пили валерианку и трусливыми дрожащими пальцами теребили свои заплаканные полотнища. Ошибки и фальшивки он сразу находил, выматывал душу и отправлял на доработку. Меня Буревич явно не любил, но дядя Исай, как бухгалтер, был сильнее этого организатора, а почерк у него был и того лучше. К тому же мои чистенькие и свежие бумаги выгодно отличались от затисканых, затасканных, размоченных слезами бабушкиных простыней. Принимая от меня таблицы, Буревич чувствовал какой-то подвох, искал, напрягался, шарил, но все великолепно сходилось. А выйти из плоскости он просто не умел. И от этого закипал, ярился, гнал себе адреналин в кровь, сахар в мочу, ястребиное око вперял в колонки цифр, проверял, перепроверял, внюхивался, искал... Но не народились еще такие младенцы, чтобы победить взрослого человека! И немало подобных же бумаг и обязанностей удалось мне тогда обойти и спровадить. И ведь не для отдыха же!

КЛИНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

...В области посадили профессора — детского хирурга. Пошли туда же терапевты — за больничные листы, и врач из абортария — у той нашли коробку конфет, а под бумажным кружевом потаенно внутри коробки

оказалась денежная ассигнация. Молодому травматологу подарили статуэтку, а один гинеколог польстился на курицу... Подобные преступления раскрыты не только в нашей области. О таких же случаях говорят центральные газеты и телевидение. Репортажи ведут прямо из зала суда, и наш позор виден всем.

В этой ситуации на складе универмага я покупал (или доставал) для онкологического института видеомэгнитофон, чтобы записывать хирургические операции, чтобы молодым хирургам было учиться легко и быстро, чтобы смотрели не из-за плеча урывками, а прямо и четко, чтобы остановить кадр и снова посмотреть, и открутить назад, и опять, пока в голову не войдет и не оседет. Для этого же годы нужны, а на видеопленке драгоценная информация — вот она, на ладони, за минуты дойдет. И я сам загорелся, и чуть забылся, и когда они начали мне мозги сушить — что перечислением, дескать, нельзя, что в план не войдет (не выгодно им, на премию влияет), так я их устыдил по привычке: «Для медицины, — говорю, — святое же дело». Пожилая благообразная дама тут же и откликнулась: «Знаем мы ваши святые дела!».

И все зашумели, загадели — в унисон, сочувственно и гневно. А молодая нервная где-то в уголке уже закатывается: «Людей убивают! Знаю! Под видом алкоголиков лечат. Они там нарочно никого не пускают. Знаю. Знаю!»

Я свой язык поприкусил: не время сейчас хвалиться.

Новый психологический фактор (или подход?) проявляется все более настойчиво и перемещает акценты. Постепенно исчезают благоговейная тишина и внимание во время обхода. Теперь гомон и шум. Я говорю, и больной говорит, перебивая меня, сестра перебивает больного, а другие больные в это время тоже разговаривают друг с другом. Мысль теряется, что-то просекаю, пропускаю. К тому же и тороплюсь. Кто-то ожидает в коридоре, в кабинете. И этот кто-то нетерпелив, чуть что — срывается и — на пафос! Унять и остановить сегодня уже труднее, а времени еще меньше. И лица наши уже каменеют.

То ли дело Юрий Сергеевич Сидоренко, легендарный, с вечной улыбкой, веселый и свежий, хоть и не спит почти и не ест, не знает выходных и законных своих трудовых отпусков. Администратор, хирург, гинеколог, ученый, всеобщий любимец все-таки, несмотря ни на что. Как это у него получается сегодня? Как он выкручивается? Тысяча двести коек, миллион проблем: он возглавил огромную больницу в период ее полураспада.

На работу приходит загоя — раненько, чтобы пробежать и подписать тысячу бумаг. А за дверью уже накапливаются посетители (свои и чужие), в операционной ему готовят больных на сложные операции, а в огромном внешнем мире уже вызревают телефонные звонки гроздьями. В 8.00 все это разом обрушивается на его голову.

— Юрий Сергеевич! Бросайте все и немедленно в Главтяп!

— Еду, сейчас буду!

— Здравствуйте, Юрий Сергеевич, сию же минуту выезжайте в Тяптяп.

— Выезжаю, не волнуйтесь!

— Юрий Сергеевич? Слава богу, что вас застал. У нас в Ляптяпе важное совещание. Ну, вы знаете — по сивке и по бурке, мы вас как раз ждем, конечно.

— Да, да! Разумеется. Еду к вам.

Он никому не отказывает: это экономично. Сейчас будет Главный Звонок:

— Юрий Сергеевич! Больная на столе. Давать наркоз?

— Давайте. Иду.

Сбрасывает костюм, надевает операционную пижаму, телефон звонит непрерывно, звонки падают на пижаму и стекают, как дождевые капли, не причиняя вреда:

— Срочно в село на помидоры!

— На совет директоров!

— На комиссию по жалобам!

— Пустите к Юрию Сергеевичу (это уже за дверью), он же уйдет на операцию, а мне нужно!

— И мне!

— И мне!

Секретарша пока их держит. Звонок от Начальства:

— Это долго будет продолжаться? Это безобразие закончится, наконец?

— Что произошло?

— Врач Лившиц не оформил историю болезни на больного Арапetyна и даже не завел историю! Вы что о себе думаете там?! Ведь ни слова не записал!!

— Позвольте, позвольте, а НА ЧЕМ ему было писать, на заборе что ли? Врач Лившиц шел себе по улице и вдруг слышит — кто-то кричит за забором. Он — туда. Смотрит — человеку плохо, он помощь и оказал...

— Все равно нужна история болезни и чтоб немедленно!

Срочно в селектор:

— Лившиц!

Тот уже здесь на одной ноге.

— Пиши историю.

— Да не обязан я...

— Пиши, тебе говорят!

— А что писать?

— Пиши под мою диктовку (быстро диктует, Лившиц пишет нехотя — подчиняется).

Звонок:

— Юрий Сергеевич! Больная уже в наркозе.

— Иду!

Быстро секретарю:

— Так. Главтяпу скажите, что я на Совете; Совету — что на Комиссии, Комиссии — что в Ляптяпе, Ляптяпу — что на селе и т.д. (перемыкает). Взмывает из-за стола, но выход закрыт: хорь прорвался через секретаря и уже сидит напротив.

— Я за сеструху поговорить...

— У вашей сестры злокачественный процесс, мы делали все, что могли.

— А сеструха померла, мне интересно, кто за это ответит?

— А вы кто по профессии?

— Шофер.

— Ну, вот вы шофер, понимаете, что не всякую машину можно починить, но человек сложнее машин, а у вашей сестры был рак. Мы ее лечили пять лет. Но мы не всегда можем вылечить рак. Да если бы я мог вылечить такой рак, как у вашей сестры, мне бы памятник из золота, высотой в сто метров, понимаешь?

— Это мы понимаем. А вот в прошлом году дали сеструхе простыню с дырками и грязь была в туалете, она говорила, а у меня ведь все записано... И, вот же главное, санитарочка одних пропускает, других не пропускает. Очень интересно. И вот еще у меня записано...

Звонок:

— Юрий Сергеевич, больная в наркозе!

— Иду!

А путь перекрыт...

У меня бы тут и голова лопнула, а ему — ничего: привык... Оглянулся, прикинул и первую же сотрудницу, которая под руку попала, вместо себя посадил в свое кресло. Попалась Элла Андреевна, его заместитель, женщина красивая, накрахмаленная, ригидная и принципиальная.

— Выслушайте товарища, Элла Андреевна, внимательно, пожалуйста. А вы, товарищ, все расскажите, не стесняйтесь, откровенно, я сейчас приду.

Изящно и стремительно (он все так делает) выскальзывает за дверь. Через толпу посетителей: бумаги, подписи, клики, жесты. Всем улыбается, на все соглашается, все обещает, но не останавливается. Фаталисты уже отстали, богоборцы энергично преследуют. Он улыбается им в последний раз и вдруг исчезает за стеклянной дверью: операционная.

И грозная, могучая санитарка: «Куда вас черти несут?!». Самый последний рубеж: сюда уже не пройдут, не прорвутся. Больная в наркозе минут 15-20, но он догонит, как поезд курьерский после опоздания — за счет скорости, за счет блистательной хирургической техники.

И в самом деле, через сорок минут он заканчивает удаление матки через влагалище, не вскрывая живота. Лица у всех разглаживаются: персонал в операционной хорошо чувствует хирургическую удачу, они же не только боельщики, но и участники, соучастники. Они делят профессиональную радость и гордость, и праздник звенит колокольчиком в операционной. И гордые веселые оркестры уже задают свои бесподобные ритмы откуда-то изнутри. И снова мы — люди. Ах, за ради этой минуты можно многое вынести. И пусть там за кафельными стенами взрываются в истерике телефоны, пусть они там захлебнутся, и пусть клубятся и свиваются угрозой входящие-исходящие бумаги и оргвыводы, и склоки, и тревоги — черт с ними!

Сидоренко меняет перчатки, ждет следующую больную, но тут кто-то подходит и шепчет на ухо: «Срочно в реанимационную, размывайтесь!».

А там, в реанимационной палате, лежит красивая накрахмаленная женщина — Элла Андреевна. У нее — клиническая смерть. От разговора с хорем ее сердце остановилось и прекратилось дыхание. Падала она неудачно: лицом об стол, об стул, об пол. Стук падающего тела услышала секретарша.

Эллу Андреевну на лифте срочно взметнули в реанимационную (времени же мало — 4-5 минут, чтоб оживить). Теперь ей делают не-прямой массаж сердца, пытаются раздышать рот-в-рот.

Работают дружно, грамотно, толково, и, в конце концов, Эллу Андреевну возвращают к жизни. Правда, у нее повреждены тепловые центры и еще несколько дней температура будет 40,5. Ее обложат холодными пузырями, и еще зальют через зонд в желудок ледяную воду, температуру сбалансируют. Поправится она все-таки!

А пока Юрий Сергеевич возвращается к себе в смутном расположении духа. По-видимому, он второпях ошибся — не того человека под хоря подставил, совсем не того. Она же его серьезно восприняла, как личность, и вместо того, чтобы обезоружить, вырубить, по крайности на угловой отправить, в диалог с ним вступила и тоже начала правду искать. И доискалась: явление хоря человеку — невыносимо. Для самолюбия — страшно, невыносимо и больно: останавливается сердце, перестаем дышать. Поэтому у нас и нет самолюбия. Мы от него отказались, вернее, отложили в долгий ящик, хорошо пронафталинили, чтобы моль не сожрала, упаковали — и в бабушкин сундук до лучших времен или для другого случая.

АНДРЕЙ-ВИКТОРИА-АНДРЕЕВ

Россия, Санкт-Петербург

КАРТИНКИ МЫСЛИ...

Свободный вечер выпал, вдоль реки
Иду, любуясь звёздами, листая
Картинки мысли в графиках тоски.
На воздухе и линия другая

За главную выносятся — игра.
Сознание котом гоняет мышку:
Одной картиной был разбит вчера,
Сегодня вижу лёгкую интрижку

В наборе слов незначимых — фитиль.
Так часто раздувает глупость пламя
Обиды, гнева и тоски. В утиль,
Пытаясь завоёванное нами

Отбросить. Атмосфера ждёт весну.
Ручьи бегут от поражений снега.
И ожиданий я душой коснусь,
Когда подарит поцелуй мне Вега.

Рассыплется тоска в картинках, свет
От доброй мысли на лицо прольётся.
А полоса у жизни сменит цвет,
И мимо проходящий улыбнётся.

Вернусь домой другим и променад,
Улыбкой зарисую на плакате.
Зима уходит в лето — снегопад,
Покажется июлю в неформате.

И с этой мыслью в новый день пойду:
Картинки создаём из настроений.
Да под окном в проснувшемся саду
Подснежник выбирается из тени...

17.02.2022 г. А-V-A.

ДАЛЕКИ...

Русофобское цунами
Вновь подняли до небес
Штаты с Лондоном — стенаний
Пресса полна, интерес

Обывателя толкают
Заголовки — криком крик!
Русский даже не икает:
Щурясь, смотрит — цель интриг

Неизменна — гражданина
Напугать и обобрать.
Там проблемы у кабинцов:
Перестали думать, врать

Легче лёгкого. Пластинки
Из запасов извлекли,
И штудируя картинки,
Обвиняют Мать Земли

По заветам русофобов.
Да к границам шлют войска.
Ждут развития без злобы
Псков, Москва, держа в руках

Щит и меч. Ударить первым
Вынуждают. Не в чести.
Берегите люди нервы —
Далеки наши пути...

18.02.2022 г. А-V-A.

АХ, ЕСЛИ БЫ...

Едва рассвет забрезжит, с узелком,
Сбежит из дома юная княгиня.
Учил ходить по залам босиком,
И детектив читал — в нём героиня,
Едва ли старше, в сыске чудеса
Продельывала, что давались диву...
В коляске, у калитки в летний сад,
Жду девушку. И дремлет белогривый...

Отец девчонки выжил из ума:
Ей запретил даже мечтать о муже.
Пока он жив, она должна сама
Ухаживать за ним, и в час досужий
Читать стихи, газеты... На фоне
Из пьес любимых исполнять отрывки.
И тихое сползание на дно,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Остановить решила, и в наливки
Добавила снотворного на грамм.
Друзей уговорила, выбрав дату.
И в тот же день корветом в Амстердам,
Отправилась за скромную оплату...

Судьба княгиню носит на руках.
С Испании шлёт почтой королевской
Скупые письма: замужем, сына
Уж год растит в методике женевской.
Супруг в разъездах, служит при дворе.
Папа; не пишет — не простил, наверно.
Скучаю очень. Буду в январе.
Ах, если бы... Ах, если б не inferno...

05.04.2023 г. А-V-A.

ПОЧТИ ВЕСНА...

Она шагнула из окна...
Сама! — твердят на этаже.
А на дворе почти весна.
Лежит девчонка в неглиже...

Седьмой этаж, и шансов нет.
Ну почему? И чья вина?
Её глаза — янтарный цвет,
И нет ни пятнышка до дна...

Подруги прятали глаза.
Вахтёр лишь плакала в платок.
Вещей осталось на рюкзак.
Планшет, блокнот — шестнадцать строк

Под шифром. Поиском ключа
Займусь, как схлынет боль с души.
Порхала бабочкой, свеча
Огонь спустила — до вершин

Взлетел шакалом, два крыла
Порвал сермяжной. Бросил вниз.
Свечу найду — в ней корень зла.
Нет, не поддамся на каприз,

Сам подведу под приговор.
Затем я здесь — блюсти закон...
Мигает красным светофор,
Но лодку подогнал Харон...

09.02.2023 г. А-V-A.

СПАСТИ ЖИВЫХ...

Статист считает сколько тел погостам:
Мужчин и женщин, деток разных лет...
Ядро в планете ход меняет просто:
Им до живущих, в общем, дела нет.

Десятки тысяч раненых в руинах
Селений малых, крупных городов.
От века к веку тянется рутина
Для недр уснувших и земных пластов.

Богач, бедняк ли — слёзы льют над прахом
Родного дома и счастливых дней.
На твердь надеясь, сами дали маху:
О вероломстве позабыв камней.

Не счесть примеров с жертвами по свету —
Рельеф меняет надоевший вид
Не раз в сто лет, прийти бы к паритету
По возведенью зданий... Панихид

Сколь избежать могли бы во всём мире?
Проблема в главном: каждый по себе.
Вот потолок обрушился в квартире,
И поспешит наперекор судьбе

Сосед к соседу с ломом и лопатой:
Спасти живых, да жертв предать земле...
Так и живём: творим витиевато,
Забыв синиц, поём о журавле...

09.02.2023 г. А-V-A.

ОТБИТЬ ЖЕЛАНИЕ...

По коридорам Пентагона,
Из кабинета в кабинет,
Гуляет дама: миллион
В конце тоннеля яркий свет
Устроить, бледная, желает.
Готовый в разных видах план
На картах, схемах: предлагает
Начать с России. Список стран
Традиционно возглавляет —
Миропорядку первый враг.
Лишь два процента одобряет
Власть Вашингтона. Лучший флаг
ЛГБТ и новой веры
Мир полюбил, вошёл во вкус.
А эти держатся химеры,
И с ними братец белорус.

Под пяткой левого ботинка
Полмира: НАТО у границ
Непокорённых. Поединка
Не избежать Европе — ниц
Упасть в четвёртый раз не сможет.
Руководящий дядя Сэм
Подскажет, подтолкнёт, поможет.
Героя будущих поэм
Назначит из-за океана...

За всем следит. На островах,
Японских, напустил тумана,
И призывает о правах
Припомнить: Сахалин, Курилы.
А там и Дальний весь Восток
Прищурясь, обещал. Могилы
Не поминая между строк...

Россия, матушка Россия...
Как век назад разделена:
Одних прибрала истерия,
Других любимая жена.
А третьих прячут по подвалам
Отец и мать — ведь жизнь одна.
По восемнадцать, что давала
Мальчишкам странная страна?

Четвёртые — есть и такие:
Сознания больше иль ума?
Обняв просторы дорогие,
Несут туда, где правит тьма
Огонь души: от предка к предку.
Для жизни на родной земле
Не за подачи и объедки,
А по любви и в ремесле,
Что по душе и доброй воле.
За песни, пляски у реки,
Когда последний колос в поле
Поднял, и кормишь птиц с руки...

За Родину, родных и близких
Пойдёт Мужчина воевать —
Отбить желание по спискам
Народами повелевать!

11.02.2023 г. А-В-А.

ПРОСПЕКТ...

Притих проспект вечерний
Без тысячей авто.
Под вывеской харчевни,
В шикарнейшем манто,
Туда-сюда ходила
Актриса БДТ.
Ждала кого, следила?
Шло время. Фузте,
С кульбитом на проспекте
Исполнил мерседес.
И замерла в аффекте
Девчонка. Как с небес,
Раздался грубый голос:
А я что говорил?
Её недлинный волос
Встал дыбом. Крик — Кирилл!

Издала, и упала,
Как замертво на лёд...
Стоп! Снято! — прозвучала
Команда. Руки трёт
Мужчина в тюбетейке,
Похож на бога Ра.
— За сцену на скамейке
Возьмётся, но с утра.
Спасибо всем, до встречи...
И укатил в авто...
Обрывки слышит речи
Упавшая, в манто.
Ни встать, ни крикнуть — силы
Отнял подлец аффект...
Лежит звездой красивой,
А рядом спит проспект...

12.02.2023 г. А-В-А.

НАБЛЮДАТЬ ЗАКАТЫ...

Коньки не конькобежца — хоккеиста,
Мне выдали в прокате. Три часа
Скользить по льду хотелось очень быстро:
Не протолкнуться в парке, полоса

Аллеи ледяной как автострада
В час пик — скользят уныло господа.
И госпожи, и дети — за наградой
С полгорода сбежались. Без труда,

Не я один желаю стать богатым:
Достойный был обещан в деньгах приз.
Мечта разбилась — наблюдать закаты,
Бокал вина подняв за Парадиз...

14.02.2023 г. А-В-А.

ПРИНЯТО ПРОЩАТЬ...

Поверженного принято прощать,
И испокон, брать под крыло — у русских.
Лицо умоем, пыль смахнёт с плаща,
По улицам и переулкам узким

Пройдётся победитель на виду:
К добрососедству побуждая, к миру.
В который раз про глупую вражду
Не вспомнит даже. Поднимая лиру

Над ждущими беду — протянет хлеб.
Открыть глаза и разум призывая.
Меж нами миллионы тайных скреп —
Едины люди. Узы разрывая,

Толкают рвать друг друга псы войны.
Бездушные, безродные шакалы.

И гибнут ради прихотей сыны:
Творцы и созидатели. Каналы

Пора закрыть для каждого из псов.
Построить резервации и будки
На островах — и поселить скопцов,
И наблюдать, как высохнут рассудки...

Логистикой планету оплести.
Излишками делиться: меньше века
Понадобится, чтобы все пути
Сошлись в Великом Духе Человека...

Поверженного принято прощать.
Когда за ним нет жутких преступлений.
А тем, кто научился наущать,
Не может быть прощений-возвращений...

14.02.2023 г. А-V-A.

ПАРУСНИК...

Снег с дождём резвятся за стеклом,
Не на шутку разошлась погода...
В комнате уютно и тепло,
На холсте горят лучи восхода —

Давнего, июньского... Рассвет
Заглянул непрошено в палатку...
Спала обнажённая Жаннет
Улыбаясь... Левую лопатку

Украшал букет воздушных роз —
Первый приз моделей боди арта.
Подмигнул проказник и понёс
Тихий свет в долину. Слово карта

Маленькой страны ждала у ног:
Городок в переплетенье улиц.
Стройность виноградников, венки
Садики-садов, а к ним прильнули

Синие озёра в стаях птиц.
По другую сторону — лагуна.
Жители — добрей не видел лиц,
И живут, по-моему, коммуной...

Третий отпуск на большой горе.
Солнце, море, ветер только юный.
И под нежность Музы, акварель,
Поспевала на верёвках... Струны

В унисон звучали день и ночь...
Рай земной мы покидали в слёзах...
Непогода... нет, не превозмочь
Парусник, летающий по грёзам...

06.01.2022 г. А-V-A.

В ПЯТНАХ ПЕПЕЛИЩ...

За самолётом самолёт
Уходит в небо — курс на «Верный».
Беда соседу двери рвёт,
Взорвав уклад закономерный.

Приказ у «вежливых» — спасти!
Имущество и человечность
Для местных жителей, простив
Непониманий бессердечность.

Им бай годами прививал
Чернуху о Большом соседе.
Цинично в прошлом укрывал
Дела хорошие, трагедий

Все лавры русским относил.
Выталкивая за пределы.
Забыв, возможно, без Руси
Кем были предки... На пробелы

Судьба указывает. Враг
Лишь до поры елеем стелет.
Высчитывает каждый шаг,
Чуть отвернёшься, он в постели —

И за порог твой чемодан
Вносят родственники... други...
Был уважаем Казахстан
В большой команде всей округой...

Похоже, что пришла пора
Собраться всем в огромном доме.
И жить, забыв, что жизнь игра,
Мир сохраняя — вероломен

В нём каждый, кто душою нищ.
Кто жаждет денег, славы, власти.
Планета в пятнах пепелищ:
Так много рвущих Мир на части...

07.01.2022 г. А-V-A.

ОЗВУЧЕН ПОЛДЕНЬ...

Озвучен полдень с бастиона —
Раздался грохот над Невой.
Стекло упало. С ним и крона
Влетела в комнату с трубой

Водоотводной. Голой даме,
Хлестнула ветка по спине.
И рыжий кот в оконной раме
Застыл в испуге... По вине

Домохозяйина, берёза,
Упала на дом — окна вдрызг!
Едва заикой от курьёза
Не стала искра сердца, визг

Успел накрыть ладонью — криком
Толкнуть могла проблемы ком:
Квартирка эта за безликой
Персоной снята и, домком,

Который месяц бьётся в двери.
Желая за молчанье мзду.
Я не участвую в афере —
Вожу лишь ублажать звезду

С высокой сцены. И — безумства.
Всё променять готова, тлен
Взял в руки Мир. «Не обязуйся!
И не рассказывай измен!» —

Наш уговор. Под сенью ночи,
Увёл дражайшую тайком
В рассадник звёзд, где между прочих,
Одною искрою влеком...

04.04.2023 г. А-V-A.

ШАГИ ПО КРЫШЕ...

Тьма и Свет. Две переменных
Силы, фазы ли, спирали.
Миллиарды звёзд нетленных,
Триллионы магистралей
Между будущим и прошлым.
Триллиарды настоящих
Точек, личностей в пороше,
Ждущих транспорт заваливающий.

Мелкой, голубой песчинкой,
Между парочкой — Планета.
Атмосфера чуть с горчинкой,
Обитаема. Ни Света
Не познавшая в коленях
Миллиардов лет, ни Тьмою
Не воспитана, и в генах
Сумасшествие. К покою
Не дойти ей бесконечность.
Ежели не встанут выше.
Миллионов быстротечность
Как дожда шаги по крыше...

09.04.2023 г. А-V-A.

ТОНКО ЗАЗВЕНЕЛА...

Пентагон ждал ядерный ответ
На подрывы дронов над Кремлём.
Всем составом генералитет
Ожидал докладов, миндалём

Оттенили пиво. Разговор
Всё вокруг да около вели.
Клоуна отправили на двор
Задний. Подтянули корабли.

С красных кнопок сняли колпачки.
Но молчал потеряно эфир.
Не летят от Киева клочки.
Не кричит от ужаса весь мир.

Рассыпались планы тихо в прах.
Тонко зазвенела тишина.
И сердца сжал жуткий, липкий страх:
Что в сто раз страшнее, чем война...

06.05.2023 г. А-V-A.

НА ПРЕДЕЛЕ...

Бой был страшен: на пределе
Всех возможностей и сил.
Стены падали, свистели,
Пролетая камни. Бил

Арт-отряд прямой наводкой.
Кто не спрятался — погиб.
Словно из глубин подлодка —
Девочка. Из Ада. Зги

За её спиной от пыли,
И руками не найти...
Выскочил боец, накрыли
Взрывы рядом... лет пяти

Девочка по виду. Парень —
Девятнадцати. Лихой.
Третий месяц служим в паре,
Весельчак из Костромской...

Пушки смолкли, пыль осела.
Холмик земляной восстал —
Воин с девочкой, глаза,
Грязные зажав уста...

07.05.2023 г. А-V-A.

ЖИЗНЬ ТАЙН ПОЛНА...

Пригрело солнце, тает снег,
И струйками течёт по трубам
С высоких крыш. Весёлый грек,
Располагается под дубом
С аппаратурой, «сводит звук».
Поёт, танцует под гитару
Любимый шлягер для подруг,
Собравшихся на тротуаре.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Обычный день на Невском. Сад
Екатерининский до мая,
Закрит для посещений. Штат
Наводит лоск — трава сухая
Осталась кое-где, листвы
Припрятал под забором ветер.
Скамейки, словно часовых,
Оставят в чисто-белом цвете.

Тут как всегда, а у ворот,
И вдоль забора — портретистов
Ни одного. Всеобщий сход?
Или отсутствие туристов
Из заграницы, перерыв,
Взять вынудил творцов с природы?
Жизнь тайн полна, манер, игры.
Довлеют старшие фигуры...

07.04.2023 г. А-V-A.

ВЕРБЫ ЦВЕТ...

Незаметно, Вербный день,
Растекается по лицам
Добрый взглядом. Свет и тень,
Как объятия денницы,
Открывают для души
И заблудшей, и жестокой
Храмов створы врат: тушить
Искры на углях пороков.

Солнце светит, ветерок
Пух на веточках ласкает.
В доме каждый закуток
Будет освящён, алкает
Сердце счастья, миру — мир.
На душе тепло и ясно.
И Весна идёт с детьми
Впереди. А жизнь прекрасна...

Несмотря на грай ворон
Вдоль границ, да лязг орудий.
Несмотря на триллион
Средств потраченных и судей
С обвинением в руках:
Перемелем с тьмою тучи.
Жил, живёт и на века
Русский мир — что солнца лучик!

Воскресенье, вербы цвет.
Чтящий веру и без веры,
От души шлёт Миру свет,
Русские напомнить меры...

09.04.2023 г. А-V-A.

В ПРОСТРАНСТВЕ...

Самоубийца сделал шаг:
Летит. И мысль пришла с ответом
На все проблемы. И душа
Остановила время — где-то
В пространстве, формулу воды,
Рука исправила на хлопок.
Избавив личность от беды,
И близких от лавины шока.

Нет нерешаемых проблем,
Пока твой мозг живёт и дышит.
В любой из тысячей систем
Найдётся разум, что услышит.
Подаст соломинку, щитом
Прикроет от стрелы летящей.
А надо будет — и кнутом
Подгонит мысль жить настоящим.

Нет выхода из-под плиты
Могильной, прочее — задачи.
Твой горький стыд от клеветы,
Иль страх от первой недостачи
С родными, другом раздели.
Решение придёт рассветом.
Погасит время фитили
И улыбнётся жизнь букетом...

06.04.2023 г. А-V-A.

РЯВКНЕТ БАСОМ...

На Брянщину проникли диверсанты.
Немного пошумели и призывы
К отчёту записали, транспаранты
Не захватили, видимо. Надрыв

Не состоялся в голосах, и флагу,
Не будет веры — мятой тряпкой флаг.
За сутки до события, «отвагу»
Бойцов с «режимом Путина», мозгляк,

Из ежедневной Таймс — на всю страницу —
О «Русском легионе» расписал.
У Энтони талант на небылицы?
Неужто, от родителя всосал?

Наутро, мирового капитала
Табаки, газетёнки, рупора
Поднимут крик: до уровня скандала
Уже не дотянув — стара игра.

С весною Мир в сознание приходит.
Лапшу с ушей снимает и войну

Остановить желает. Но в походе
Уж больше года Русский — за одну

Слезинку ангелочка из Донбасса,
Он обещал фашизм похоронить...
Недолго ждать осталось: рывкнет басом
Медведь. Заставит эхо повторить...

02.03.2023 г. А-V-A.

ЗА ТЁМНЫМИ ОЧКАМИ...

За тёмными очками
Горячий омут глаз.
Танцует язычками
Огонь желаний. Фраз
Невысказанных книга.
Слащавая мечта.
И четвертью от мига
Стервозность. Три кита
Уверенной походки:
Фигура, рост и вес.
И аура кокотки,
Как мёдом интерес,
Подманивает падких.
Сжигает сто на дню...
Лишь словом на лопатки,
Подобную огню,
Укладывает серый
Настройщик тонких струн.
И рушатся манеры,
И властвует колдун...

01.02.2023 г. А-V-A.

СЛОВО. СЕРДЦЕ. НА ВЕСЬ ДВОР...

Снегопад пришёл с рассветом —
Закружился по двору.
Ждал с шести часов комету:
Через чёрную дыру

Обещалась быть. Подзорной
Выставлял треногу с час.
Но погода непокорна —
Двинул ветер тучи, в пляс

Поспешил ансамбль узоров...
Тише музыка, и круг,
Всё короче между створов
Четырёх высоток. С рук

Выпустил трубу. «Любимой».
Слово. Сердце. На весь двор.
Из танцоров снежных. Мимо
Шёл с улыбкой военмор...

Стихли звуки труб и флейты.
Солнца вырвались лучи
Из-за серых туч. Ефрейтор,
Огоньком горит свечи...

04.03.2023 г. А-V-A.

ТРАКТОМ, ПОЛЕМ, НЕБЫЛИЦЕЙ...

Вдох и выдох, шаг вперёд.
Трактом, полем, небылицей.
Знать не знаю, что там ждёт,
Но переступить границу

Долг зовёт: готовьте чай.
Честь продавшие кузены.
Не с руки рубить с плеча —
С каждым случаем измены

Разберёмся, не спеша.
Семь раз меру отмеряя.
Коль не продана душа,
Можно отвести от края...

Вдох и выдох, шаг вперёд.
Трактом, полем, небылицей.
Знать не знаю, что там ждёт:
Будут встречами гордиться!

30.03.2023 г. А-V-A.

ЕВА ТАЛАЯ

Россия, Севастополь

СПЕША СТУПАЕТ
ОСЕНЬ В ПАРКИ

Спеша ступает осень в парки.
Листовою время шелестит.
И днём ещё бывает жарко,
Но холод вечером бодрит.

Уже сметают листья в кучи.
И небо стало голубей —
Уже на фоне серой тучи
И тех оранжевых ветвей.

И деловито топчут птицы,
Асфальт, намокший от дождей.
Все позже по утрам зарницы,
Все раньше свет от фонарей.

Захлопнутые плотно окна —
Так уютны сквозняки.
На окнах хнычут стекла мокро —
Надеждам нашим вопреки.

И я спеша ступаю в осень.
Мне есть о чем грустить с дождём,
Укрывшись пледом, теплым очень —
Я не жалею ни о чем...

13.09.2023.

ПЕЧАЛЬНОЕ ЗРЕЛИЩЕ...

Есть люди, верящие в безупречность
«мечт»,
Не глядя на обилие всех «лагов»,
Когда из всех доступных к достижению
средств,
В наличии, лишь глупости отвága!

08.11.2022.

С ДНЁМ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА

Едины! В едином порыве,
И в помыслах наших, едины!
За правду, за веру, с надрывом,
За память дедов, их седины.

Великою, Русь не напрасно,
С Великим Народом, зовётся.
Умеем любить и сражаться —
Из «разных» — кулак соберется!

04.11.2022.

Я ЗНАЛА...

Мне было мало чувства сна,
И это стал не сон — реальность!
Как будто осенью весна
И полная в душе фатальность.

Все знали — так было нельзя.
Но кто поймет не свою душу?
И я, не спорила, а зря.
Я знала, мир свой не нарушу.

Надеялась ли на тебя?
Ведь я сама творила чудо.
Две жизни были для меня!
А ты в одной забыл откуда.

Откуда родом есть душа?
Откуда я черпáю счастье?
Зачем домой любовь ушла,
Оставив за собой ненастье?

Я знала, что не навсегда.
Я знала, что бывает больно.
Разлука болью обожгла.
И ты сказал себе — довольно...

Август 2023.

БЛАГОДАРИТ МОЛИТВАМИ ДУША*

Вновь лопасти взрывают тишину,
И время не измерить циферблатом.
Молитвы льются в небо, в вышину,
И не дают «уйти» Солдатам.

И «скорые» включают песнь свою,
Сражение за миг проходит рядом.
Молитвы льются в небо, в вышину,
И не дают «уйти» Ребятам.

В госпиталях молитва так нужна,
Там героически творится чудо!
Благодарит молитвами душа,
Чтобы у них и завтра было утро...

Октябрь 2023.

ГАРМОНИЯ...

О, нежной магнолии цвет,
И, летнее, моря дыхание!
Я внемлю уже много лет,
Гармонии этой звучанию.

Июль 2023.

МЫ ВСЕ НЕМНОЖКО АНГЕЛЫ...

И где-то там, в небесной дали,
Когда-то обещанье дали —
При встрече обнимать Крылом,
Даже не помня о былом...

Июль 2023.

* Раненых солдат доставляют на вертолетах в город, а потом на автомобилях «скорой помощи» везут в госпиталь. Все люди на улицах оборачиваются им вслед, с надеждой, что ребята выживут, останутся, не уйдут...

ЧТО НАЗОВЕШЬ ГРЕХОМ?

Что назовешь грехом? И каюсь,
Какою мерой будешь мерить грех?
Как будет жить душа, спасаясь —
Собою... всем, или одна за всех?

Как в этот мир тебя позвали?
Или пришёл, на помощь, сам собой?
Назло — все времена бывали!
И в этот раз — спасенье за тобой.

Июль 2023.

КОГДА-НИБУДЬ

Когда-нибудь и я уйду с планеты,
Чтоб звезды видеть не издалека...
И миру, здесь, останутся приветы,
Моих улыбок и любви в века...

Останутся забытыми минуты,
Минуты грусти, расставаний боль.
И до последней сердца амплитуды,
Свою любовь не заберу с собой.

Лето 2023.

ГРЕЧЕСКИЙ ХРАМ В ЛАКСКОЙ ДОЛИНЕ.

Здесь тихо... смотрит в Душу небо,
И белые на куполах кресты...
И жизнь, немилосердно слепо,
Меняет дни на все наши мечты.

Июнь 2023.

ВЛАДИСЛАВ СТАРИКАН

Россия, Санкт-Петербург

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Такси, как питерские мавры.
Глаза их светятся в ночи.
Течёт проспект от самой Лавры.
Дома бьют вверх. Дома — ключи.

Они искрятся в брызгах окон,
И только пальцем укажи,
Свернётся дом в кирпичный кокон,
Не смяв людей, ни этажи.

И видел люд России гордой
От Сахалина до Мордвы:
Прспект упал всей невской мордой
В тарелку полную Невы.

Я не люблю его крикливым.
Парадным не люблю, увя!
Он больше дорог мне дождливым,
Промокшим с ног до головы.

Чтоб гром вспорол полнеба бивнем.
На свете нет милее мне,
Прспекта выбритого ливнем,
Прспекта лучшего в стране!

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ДОМА

Асфальтом улиц сбитый с толку,
Поджав губу, дворцовый кров
Стоит надменно, втихомолку.
Кирпичный дым похож на кровь,

Которая не хлынет. Вечно
Я разрушаю культ основ.
Дома с колоннами, конечно,
Напоминают мне слонов.

Но есть дома, дома-фужеры.
В них город наливает шум.
И пьёт его, и пьёт без меры...
А вот постройки наобум:

Фасады стонут от лепнины.
Басит чугун входных ворот.
Нет, с них нельзя писать картины,
Но нежно любит их народ.

Вот дом — космический корабль.
Блестит стекло. Блестит стекло.
А рядом, домик-дирижабль.
И дом жираф, и дом кино.

Дома, домишечки, домищи...
Они кругом — и здесь, и там.
Зовут вкусить духовной пицци.
Спасибо старым мастерам.

Упал на город солнца пламень.
И жизнь горит. Бежит вперёд.
Где здесь душа, и где здесь камень
Уже никто не разберёт.

Погасли ростральные свечи
И стало на небе темней.
Нам давят и давят на плечи
Тяжёлые души камней.

Баюкая царственных монстров,
Чеканя рубли, как Ай Ти,
Вверх носом лежит Заячий остров,
Где зайца с огнём не найти.

Мы вязнем в гранитном болоте
По ржавые лбы старых крыш.
В трамвае, в метро, на работе...
Шуршит именами камыш.

Боишься своих генералов.
И впились зубами мосты
В набухшие вены каналов,
И рты подворотен пусты.

В душе величаво и сиро.
Дворцами усыпано власть

Пространство приневского мира,
Огромного города власть.

В удушливом мире дворов,
Где вряд ли есть место для кошки,
Царит темнота — будь здоров!
И рвёт тишину писк гармошки.

Закат по карнизам кровит.
Бьёт пыль с торопливостью ветра.
И редкая тень норовит
Шагнуть в глубину дальше метра.

Как душу свою не мурыжь,
В словах я не выражу точных
Все ржавые шёпоты крыш,
Безмолвие труб водосточных.

Подъезды проворней воров.
У двери лишь хлопать потреба.
В удушливом мире дворов
С овчинку покажется небо.

Хвост Петропавловки — хвост золотой.
Ходит к Неве Петербург за водой.
Худо ли, бедно — такая напасть:
Там над Невею — гранитная пасть.

В доме моём протекли потолки.
Утро. Дворцовая. Дождь и полки
Короток век. Бесконечен парад.
В пасти пропал Петербург, Ленинград...

Хворост эпохи на Невском горит.
Питер изящно подстрижен, побрит.
В камне есть сила, в городе — власть.
Жизнь утекает в бездонную пасть.

Город пылает в чугунном огне.
Волны чугуны, и — побоку мне:
Город — небесной Невы водоём,
В пасти пропасть или в доме моём.

ЧУГУН

Ему на роду не написано было
Погрязнуть в бетонном болоте по грудь.
А сколько воды утекло. Сколько сплыло.
В Неве нет ни капли — чугунная ртуть.

Она разлилась и застыла навеки.
И стала привычной, как вид из окна.

Чугун превзошёл все гранитные
Мекки.

Он в город вошёл и пространству —
хана!

Чугун вяжет изгородь Летнего сада,
Идёт вдоль каналов походкой прямой.
Он красит дворец, подворотню фасада...
Цепями сковал непокорный прибой.

Его не сдержать — всюду лезет наружу.
Хозяин проспектов. Отец площадей...
Ему, как надёжному, верному мужу
Доверили рельсы, дома и людей.

Он льётся по улицам, входит на кухни,
Он пушки отлил, и кричит: Я рвану!
А ну-ка, дубина чугунная, ухни!
Очисти от швали родную страну.

У гениев разницы в возрасте нет.
Земные столетия и вечность — порука.
Роднится Чайковского радужный цвет
С есенинской лирою чистого звука.

Царь Пётр, ступая гранитной ногой,
Шёл гоголем. Плотником был и матросом.
Да разве он думал, что Гоголь другой,
Чуть позже оставит пол-Питера с носом.

Мечтал Достоевский — несчастный игрок.
Бедняга, за деньги закладывал строчки.
И пушкинский гений преследовал рок.
Некрасов проигрывал всё, до сорочки.

Творил Ломоносов миры для наук.
Он был Леонардо славянского дела.
Как много дано, для одних только рук.
Жизнь в этих руках, для России кипела.

Меж гениев разницы, в сущности, нет.
Служение их — строить
Храм мироздания.

Поэты, художники — титульный свет.
Как будто бы с совестью нашей свиданья.

Мой ангел, когда бы ни ты, я б не знал,
Как звукопись листьев шурушащих
прохладна.

Бежит к Монастырке Обводный канал,
Но ветер с Невы, и с погодой неладно.

Как знать, где сейчас полуголое небо
С ромашкой в зубах и пастушьим хлыстом.
А звёздам не надо ни зрелищ, ни хлеба.

Ни камня на камне, мой ангел, — зола.
Кирпич превращается в красную копоть.
Качается тонкая шея узла.
И надпись на русском
«Крылами не хлопать».

НОВОГОДНЕЕ

Бессонная ночь подводила итоги.
Такси по проспектам брели, как бараны.
Каналы поджали озябшие ноги,
А ветер облизывал окон экраны.

Я вышел на крышу, там голуби спали.
Был хобот рассвета набит облаками.
Я стал раздвигать горизонты и дали,
Я в мелкие клочья рвал тучи руками.

В гирляндах по грудь новогодние ёлки
Тянули остывшие звёзды губами.
Карнизы — железные ржавые чёлки
Нависли, как дым, над кирпичными лбами.

Салат оливье... а другого не надо.
В авоське вселенной — бутылъ Абсолюта.
И падали с неба к ногам Ленинграда
Метель конфетти и букеты салюта.

День отлалял своё по-собачьи,
Площадь — миска, он шум пьёт до дна.
Скоро кончатся игры ребячьи.
Ночь придёт непременно одна.

И протянет мне мягкую лапу,
И лизнёт мой карниз языком...
Ветер снимет незримую шляпу:
С этой ночью он с детства знаком.

Небо, молча набросит на плечи
Чёрный, в звёздный горошек платок.
Дождь начнёт свои долгие речи,
И распустится лунный цветок.

Вальс собачий мы с ночью сыграем
На гранитном рояле. Мосты,
Заливаясь лебёдочным лаем,
Задержат над Невою хвосты.

Петербург — моя нежность телячья!
Я охрип, восклицая «Ура!».
Воля вольная. Доля собачья.
Этот город — моя конура.

АНДРЕЙ ЦЫРУЛЬНИК

Украина, г. Дружковка

*Вольный перевод стихотворения
Марля Бодлера «Рассвет души»*

Рассвет духовный, в бело-красных он
тонах
Является сквозь тайны мстительные,
всё же, —
Зверь спит, в нём ангел просыпается, о,
Боже! —
Кто-то реально видит это, кто во снах.

Небес духовных недоступна нам лазурь,
Жаль... — Человечество мечтает
и страдает, —
Здесь, на Земле ещё его сколь ожидает
И пропастей коварных, и внезапных бурь?

К тебе, Богиня ясности и чистоты,
Я обращаюсь: снисходительной будь ты,
Обломки оргий дымных, их забыть-то нужно.

Душа сияющая — к солнцу: мол, привет,
Всепобеждающим пускай же будет свет
Твой, о, бессмертное, — и жить с тобой
нам дружно...

L'AUBE SPIRITUELLE

Quand chez les débauchés l'aube blanche
et vermeille
Entre en société de l'Idéal rongeur,
Par l'opération d'un mystère vengeur
Dans la brute assoupie un ange se réveille.

Des Cieux Spirituels l'inaccessible azur,
Pour l'homme terrassé qui rêve encore
et souffre,

S'ouvre et s'enfonce avec l'attirance
du gouffre.
Ainsi, chère Déesse, Être lucide et pur,

Sur les débris fumeux des stupides orgies
Ton souvenir plus clair, plus rose,
plus charmant,

A mes yeux agrandis voltige incessamment.

Le soleil a noirci la flamme des bougies;
Ainsi, toujours vainqueur, ton fantôme
est pareil,
Ame resplendissante, à l'immortel soleil!

Charles BAUDELAIRE (1821-1867)

ВОСПОМИНАНИЯ

О ПОЕЗДКЕ НА ПАРОМЕ

(По мотивам стихотворения

Эдны Сент-Винсент Милей

«Память»)

Мы очень устали, но было так весело нам, —
В поездке всю ночь на пароме,
туда и обратно,
Светло и пустынно здесь, будто по пенным
волнам
Неслись вдаль, и, помнится,
пахло конюшной — отраднo...
Вдвоём на вершине холма мы...
Селена привет
Нам слала, огни, свистков звуки, —
уже вот рассвет...

Мы очень устали, но было так весело нам, —
В поездке всю ночь на пароме,
туда и обратно,
Я яблоко ела, ты — грушу, мне помнится, там,
Купили по дюжине фруктов, —
ушло безвозвратно
То время, увы, — ностальгия... —
Прохлада с утра,
Рассвет бледный, — вот уж и лучиков
солнца игра...

Мы очень устали, но было так весело нам, —
В поездке всю ночь на пароме,
туда и обратно,
«Приветствуем, мама! — Мы к ней,
улыбаясь, — бедлам, —
Да не было, же, не воспринимай всё
превратно...» —
Газета в руке, слёзный шёпот: «Пусть Бог
вас хранит!» —

Ей сдачу вернули в метро мы, —
паром как магнит...

RECUERDO

We were very tired, we were very merry —
We had gone back and forth all night on
the ferry.

It was bare and bright, and smelled like a
stable —

But we looked into a fire, we leaned across
a table,

We lay on a hill-top underneath the moon;
And the whistles kept blowing, and the
dawn came soon.

We were very tired, we were very merry —
We had gone back and forth all night on
the ferry;

And you ate an apple, and I ate a pear,
From a dozen of each we had bought
somewhere;

And the sky went wan, and the wind
came cold,
And the sun rose dripping, a bucketful
of gold.

We were very tired, we were very merry,
We had gone back and forth all night
on the ferry.

We hailed, «Good morrow, mother!» to
a shawl-covered head,
And bought a morning paper,
which neither of us read;
And she wept, «God bless you!»
for the apples and pears,
And we gave her all our money
but our subway fares.

Edna St. Vincent Millay (1892-1950)

ЛЮБЛЮ Я ВАС..

(По мотивам сонета

Данте Алигьери,

Рифмовка: *abbc abbc cddc ee*)

Ах, ожиданье! — Душу рвёт оно, —
В плену же моё сердце пребывает
У Ваших чувств, увы, — вот так бывает:
Нет сострадания, безразличны Вы, —

Шепчу я горько, — ведь не всё одно,
Жива и вера, всё ж, не унывает,
И за любовь бороться призывает
Меня, — нет, не склоню я головы

В бессилии, ну, а до той молвы,
Что в спину мне порой, и дела негу,
Надеюсь на счастливую монету, —
Подбросил вверх её вот... — Таковы

Реалии... — Вручить себя-таки
Как жажду Вам я, — тлею от тоски...

«LO MEO SERVENTE CORE...»

Lo meo servente core
vi raccomandi Amor, [che] vi l'ha dato,
e Merze d'altro lato
di me vi rechi alcuna rimembranza;
che del vostro valore

avanti ch'io mi sia guari allungato,
mi tien gia confortato
di ritornar la mia dolce speranza.
Deo, quanto fie poca addimoranza,
secondo il mio parvente!

che mi volge sovente
la mente per mirar vostra sembianza:
per che ne lo meo gire e addimorando,
gentil mia donna, a voi mi raccomando.

Dante Alighieri (1265-1321)

НЕ ТРЕБУЮ НАГРАДЫ Я...

(Вольный перевод баллады

«Перчатка»

Иоганна Фридриха Шиллера)

Король Франциск перед своим зверинцем
С баронами сидел, с наследным принцем,
С высокою балкона, ожидая
Смертельной схватки, что должна начаться
Меж хищниками. — Суждено встречаться
Увы, им было тут. — Сидел, гадая,

Весь королевский двор, — ах, как забавно!
Кто победит: лев, тигры?.. —

Будет славно, —

Шептали кавалерам дамы томно, —
И кто-то там смеялся шаловливо,
А кто молчал, взирая годеливо
На них, — мол, как ведут себя нескромно...

Король дал знак, и отворились двери,
И вот уже являться стали звери:
Косматый лев с огромной головою,
В молчаньи лёг, лениво потянувшись,
На тигра даже и не оглянувшись,
За ним что вслед, песком, а не травую

Шёл мягко так, рыча тихонько грозно,
И рядом с тигром лёг, — весьма курьёзно,
Примокли даже на балконе дамы
И кавалеры, а потом явились
Два барса снежных, было порезвились
Вначале, а потом... — Развязки драмы

Все зрители так ждали, —
не сбылось же... —

Какое-то волнение, о, Боже:
Перчатку дама, прямо вдруг с балкона
И к хищникам нечаяно обронила,
Картинно сразу так себя казнила,
Потом же: «Эй, Делорж, я ль не икона

Для вас? — Вернуть перчатку соизвольте
Возлюбленной своей, коль нет — увольте,
Не каждому дано быть храбрецом...»
Делорж спокойно к хищникам спустился,
Подняв перчатку, снова возвратился
На своё место с каменным лицом.

Поражена поступком дерзновенным
Вся публика была. — Проникновенным
Смотрела на него красотка взглядом,
Сказал, перчатку бросив ей в обличье:
«Не требую награды я, двуличье
Понятно Ваше, — взор насыщен ядом...»

*ПЕЧАЛЬ МОЯ,
СО МНОЮ ЗДЕСЬ ОНА...
(Вольный перевод стихотворения
Роберта Ли Фроста
«Ноябрьская гостья»)*

Печаль моя, со мною здесь она,
Осенний день, о нём всё её думы:
Слегка притих дождь, и — опять стена,
Деревья оголённые угрюмы,
Ещё соломы мокрая копна.

Ей по сердцу картина эта, да,
Довольна, что и птицы улетели,
Что серое вокруг всё, и вода
С небес, вон... — Небось, скоро и метели,
Пока же туман липкий иногда...

Ой, нет, совсем не радуют меня
Угрюмые пейзажи, настроенья
Нет никакого. — Сколько же огня
В глазах её, ах, сколько восхищенья
Такою вот погодой. — Болтовня

Печали раздражает, но, увы... —
К ноябрьским дням любовь у неё, явно,
В захвате от морозной синевы

Она, и шепчет всё: мол, как же
славно:
Дождь, ключья порыжевшей, вон, травы...

MY NOVEMBER GUEST

My Sorrow, when she's here with me,
Thinks these dark days of autumn rain
Are beautiful as days can be;
She loves the bare, the withered tree;
She walks the sodden pasture lane.

Her pleasure will not let me stay.
She talks and I am fain to list:
She's glad the birds are gone away,
She's glad her simple worsted gray
Is silver now with clinging mist.

The desolate, deserted trees,
The faded earth, the heavy sky,
The beauties she so truly sees,
She thinks I have no eye for these,
And vexes me for reason why.

Not yesterday I learned to know
The love of bare November days
Before the coming of the snow,
But it were vain to tell her so,
And they are better for her praise.

Robert Frost (1874-1963)

*СВЕТ ДИВНЫЙ ОТ НЕЁ ИСХОДИТ...
(Вольный перевод сонета
Гвидо Гвиницелли
«Сущность любви»)*

Звезды сияние, Дианы, видел я,
Да, новый день уже вон робко расцветает.
Фигура женщины — фантазия моя, —
Великолепна просто, будто бы витает

Она. Из глаз её как будто бы струя
Любви исходит. — Белоликая, мечтает
О страсти нежной иль о трелях соловья,
Быть может, — ах,
иллюзий всяких-то хватает...

А христианка ли она? —
Не верю, нет,
Вздыхаю лишь, но прямо говорить об этом
Я не могу с ней. — О любви своей сонет

Вновь для неё, Дианы... —
Кто же мне советом
Поможет, а? — Звучат и лира, и кларнет, —
Озарена её фигура дивным светом...

Vedut' ho la lucente stella diana,
ch'apare anzi che 'l giorno rend' albore,
c'ha preso forma di figura umana;
sovr' ogn' altra me par che dea splendore:

viso de neve colorato in grana,
occhi lucenti, gai e pien' d'amore;
non credo che nel mondo sia cristiana
si piena di biltate e di valore.

Ed io dal suo valor son assalito
con si fera battaglia di sospiri
ch'avanti a lei de dir non seri' ardito.

Cosi conoscess'ella i miei disiri!
che, senza dir, de lei seria servito
per la pieta ch'avrebbe de' martiri.

Guido Guinizzelli (1230-1276)

ТЫ ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА МОЯ...

(Вольный перевод сонета

Мигеля Эрнандеса «*Mis ojos...*»)

Мои глаза без твоих глаз, пусты они,
Моим рукам без твоих рук, ох, как несладко,
Шипы же будто вместо них, —

не всё так гладко,

Да. — Ты по нраву мне, считаю ночи, дни

До нашей встречи. — Ты меня уж извини,
Твои уста всё предо мною... —

Просто гадко

С тобой повёлся, — тут не выскажешься
кратко, —

Переживаю так, страдаю, — не гони,

Прошу, скучаю за твоим акцентом я,
Ты путеводная звезда моя, знай это, —
Ай, голос мой, охрип от вздохов

он печальных!

Как аромат пьянит твой, лапушка моя!

Следы твои перед глазами, —

здесь, не где-то,

Всё перезвон колоколов звучит
венчальных...

Mis ojos, sin tus ojos, no son ojos,
que son dos hormigueros solitarios,
y son mis manos sin las tuyas varios
intratables espinos a manojos.

No me encuentro los labios sin tus rojos,
que me llenan de dulces campanarios,

sin ti mis pensamientos son calvarios
criando nardos y agostando hinojos.

No sé qué es de mi oreja sin tu acento,
ni hacia qué polo yerro sin tu estrella,
y mi voz sin tu trato se afemina.

Los olores persigo de tu viento
y la olvidada imagen de tu huella,
que en ti principia, amor, y en mí termina.

Miguel Hernández (1910-1942)

А МОЁ МНЕНИЕ...

(Вольный перевод стихотворения

Эмили Дикинсон

«Я рассуждаю так...»)

А моё мнение: земная жизнь не вечна,
Да и страданий абсолютных ведь полна,
И болей, это так, — она не безупречна,
Всяк свою чашу выпить должен же
до дна...

Да, моё мнение: реальность —
смертны все мы,

А жизнь земная — один раз дана она,
Сколь атакуют человечество проблемы, —
Всяк свою чашу выпить должен же
до дна...

Да, моё мнение: Рай, он же не для всех-то, —
В Аду кого-то встечать будет Сатана,
С грехами в Рай попасть-таки? —

На это — вето, —

Всяк свою чашу выпить должен же
до дна...

I REASON, EARTH IS SHORT...

I reason, earth is short,
And anguish absolute,
And many hurt;
But what of that?

I reason, we could die:
The best vitality
Cannot excel decay;
But what of that?

I reason that in heaven
Somehow, it will be even,
Some new equation given;
But what of that?

Emily Dickinson (1830-1886)

*Александр Райн
(Россия, г. Владимир)*

НАМЁКИ

— Ань, подскажи, как мне намекнуть молодому человеку, что я от него без ума и сгораю от страсти? Только так, чтобы это не выглядело, будто я ветреная или что-то в этом роде. В общем, всё должно выглядеть естественно. Он сам должен сделать первый шаг.

— А чем он занимается? Ну, работа у него какая, в смысле.

— Ну... Он строитель или что-то в этом роде.

— Строитель? — поморщилась Аня. — Ну ты и выбираешь, конечно. Хотя... рукастые нигде не пропадут. Да и намеки им делать проще.

— Расскажи!

— А чего рассказывать? Попроси его дома у тебя что-нибудь сделать. А сама там чай, кофе, обед, кино — разберешься по ходу пьесы.

— А это не слишком — сразу в дом приглашать?

— Так причина-то не интимного характера. Ну подумаешь, он — одинокий мужчина с умелыми руками, а ты — одинокая женщина с красивыми ногами. Что тут такого? Это же еще ничего не значит. У вас могут быть исключительно деловые отношения. А что уже там дальше получится... На то воля судьбы, в общем.

— Слушай, спасибо, я попробую.

— Отзвонись только — мне же интересно.

— Конечно.

— Привет, Ань, — прозвучал грустный тихий голос в трубке.

— О, Вик, привет. Ну чего у вас там, срослось?

— Не совсем...

— Как это? Не приехал?

— Да приехал. Только вот...

— Не тяни kota за ата-та, рассказывай.

— В общем, позвонила я ему вчера и попросила повесить мне кронштейн для телевизора.

— Ого, а попроще нельзя было чего придумать? Ну там — крючок прикрутить или батарейки в пульт вставить? Ладно, не суть. Как всё прошло?

— Ну как... Я подготовилась: квартиру отмыла, купила вина, закуски там, рыбу запекла, думала, он минут за пятнадцать всё сделает, и я ему предложу посидеть поболтать.

— Не вышло?

— Ну, в общем, он приехал: в одной руке чемодан с дрелью его этой огромной, в другой удлинитель тридцатиметровый, весь в глине. Начал

его разматывать, пол весь в земле. Попросил карандаш, я ему дала свой, для глаз. Хороший, дорогой, чтоб он не думал, что я лохушка какая. А он его ножом хрясь, а потом еще раз — у меня чуть сердце не встало. Ну ладно, думаю, цель оправдывает средства. Начал размечать. Я ему чаю предлагаю, кофе, а он только бубнит, что надо сначала дела сделать. Наметил. Вставил штепсель в розетку — не работает. Ну, думаю, слава богу, сейчас он всё соберет, и мы на кухню пойдем. Я ему так и сказала, что ничего страшного, в следующий раз доделаете, пойдемте, семгу попробуете.

— А он? — нетерпеливо подгоняла подругу Аня, ожидая пикантных откровений.

— Попросил у меня отвертку или что-нибудь острое.

— А ты?

— Ну, дала ему свои маникюрные ножницы. Он ими начал свой штепсель разбирать. Потом удлинитель. Эх, знала бы... Когда проверял всё это дело оголенными проводами, вырубил свет у целого подъезда. Ну это ладно, сам разобрался с автоматами. Потом собрал всё обратно, начал сверлить.

— Настырный какой.

— Ага. Только бетон тоже настырным оказался. Ань, я впервые видела, как человек со стеной ругается и бьёт ее. Он минут пятнадцать сверлил. То, говорит, в арматуру попал, то сверла ему напарник плохие подсунул, то метка ушла. В общем, обои мне теперь переклеивать однозначно.

— Ну просверлил хоть?

— Просверлил, — тяжело вздохнула Аня. — Потом достал из пакета анкерные болты (я теперь знаю, как это называется) и долго, но очень громко молчал, глядя то на них, то в окно. Я ему предложила вина, чтобы успокоиться, но он рукой так махнул, что у меня аж комплексы развились.

— Нервный какой фрукт. Ну и что дальше было?

— Ну что дальше. Поехал в магазин покупать другие. У него сверла, оказывается, меньшего диаметра были, а сверлить он больше не хотел.

— Купил?

— Ох, купил, приехал, вставил...

— Так-так, с этого места поподробнее...

— «Не держатся», — говорит.

— Чего не держатся? — удивилась Аня.

— Анкера эти проклятые не держатся!

— А... Анкера...

— Крутит их ключом, крутит, а они никак. Я его успокаиваю, предлагаю бросить это дело, а он молчит и крутит.

— И что, бросил?

— Бросил. Поехал опять в магазин другие покупать, с гайкой. А у меня уже всё остыло, понимаешь? И семга, и страсть...

— Не впускала его больше?

— Да как это. Он же помочь хотел, да и надежда всё еще была. В общем, вставил опять, а там ключ теперь не подходит, а другого у него нет.

Вернее, был, но он его в порыве злости в окно выкинул. Я думала, что он меня пошлет с моим телевизором.

— Не послал?

— Нет. Со мной он нормально общался, даже уважительно, на вы... Чтоб его, с этой воспитанностью!

— Ну и чего дальше-то? Я уже переживаю.

— Да ничего. Согласился вина выпить немного. Потом просиял, достал из внутреннего кармана пассатижи и прикрутил все эти проклятые болты, гайки, шмайки...

— Ну слава богу.

— Да нет, это только начало было.

— Что еще?

— Телевизор-то у меня огромный. Мы его вместе крепить начали. Он телек держал, а я болтами в отверстия попадала.

— И как, попала в отверстия?

— Попала. В одно. А во второе — никак. Сама психовать начала. Ору на телевизор, на болты эти, что мне весь вечер обломали, обещаю всё сжечь вместе с квартирой. В итоге он меня успокаивать начал, даже солнышком назвал.

— Ой, как романтично, — вздохнула Аня.

— Я тоже сперва так подумала. В итоге мы поменялись. Телек я держала, а он попадал в отверстия.

— Вик, ну будет в этой истории счастливый конец-то?

— Будет. Оказывается, я вообще не тот кронштейн купила — крепления к телеку не подходят. Короче, он ушел. Сказал, что надо ехать на работу перфоратор отдавать с удлинителем, потому что его бригаде в ночь работать.

— А конец-то счастливый где?

— Сегодня вместе едем менять кронштейн, а потом, как закончим, он предложил вместе поужинать.

— Ой, Вик, ну поздравляю, вот видишь, всё в итоге получилось же!

— Ну да, получилось вроде. Только я сдуру ляпнула, что поужинать можно у меня, а потом добавила, что с утра как-то микроволновка гудела странно, и греть еду в духовке придется. В общем, он уже смотрит ролики по ремонту бытовой техники. У тебя, кстати, паяльника нет?

БЫВАЮТ ЖЕ ЧУДАКИ...

— Слушай, давай кухню поменяем, — обратился Макс к жене за завтраком. — Фасады вон у пола немного облупились, ручка у шкафа болтается, цвет меня уже тоже бесит... Как считаешь?

— Да я давно хотела предложить. У меня одна девочка знакомая — дизайнер, она подобрала нам несколько вариантов и даже 3D-модель сделала, вот. — Жена положила телефон на стол, так чтобы обоим было видно, и начала водить пальцем по экрану, показывая картинки. — Она с кру-

тым производством работает, если заказать у них замер и монтаж, то за две недели напилят и установят.

— Ну супер, чё. Мне вот эта нравится, — взяв телефон в руки, муж вернулся к одной из картинок.

— Это самая дорогая модель.

— Ну и ладно, для себя же заказываем, — улыбнулся он и, положив телефон, схватил чашку с кофе.

— Ну я тогда заказываю?

— Ага. А со старой кухней что будем делать? На помойку? — провел он рукой по столу, за которым они завтракали.

— А давай в интернете выложим объявление: «Отдаем бесплатно, самовывоз». Заодно на грузчиках сэкономим.

— Да кому она нужна? — удивился Макс. — Это же надо, чтобы размер подходил, дизайн. Да и кухня уже не новая, — поковырял он ногтем угол, где только начинала отходить краска.

— Заберут, поверь. Я выложу, не парься, — улыбнулась жена и, закончив с едой, ушла собираться на работу.

— Ну-ну, вот увидишь, никто не придет.

За пару дней до приезда мастера по установке нового гарнитура супруга выложила объявление о самовывозе старой кухни. Не прошло и часа, как раздался звонок. Задорный мужской голос требовал отдать кухню именно ему и слёзно умолял дождаться, так как ему добираться аж с другого конца города.

— Только никому больше не отдавайте, я уже обуваюсь! — тревожно звучал голос в динамике.

— Ну вот видишь! А ты говорил, никому не нужна, — чуть ли не смеялась жена, держа телефон на расстоянии от уха.

— Да уж. Есть же чудачки...

Спустя полтора часа в дверь настойчиво позвонили.

— А вы что, один? — удивился Макс, глядя на усатого дядьку с огромным инструментальным ящиком в руках.

— Ну да, сейчас быстренько разберу и буду грузить.

— А как потом собирать без инструкции? Вы тоже кухнями занимаетесь?

— Не-е-е, я натяжные потолки устанавливаю. Ничего, разберемся, — оптимистично подмигнул он.

— Хах, ну смотрите, дело ваше, — удивляясь такому нездоровому энтузиазму, Макс впустил мужчину в квартиру.

— Ба, вот так богатство... И сколько за него хотите? — раздалось через секунду с кухни.

— Нисколько, главное — вывезите. До вечера управитесь?

— Я за час управлюсь, — уверенно заявил мужчина и вытер потное лицо. — Только как-то неудобно бесплатно-то, давайте, может, хотя бы тысяч за пять?

— Шútите? Забирайте так и не переживайте!

— Ну, хозяин — барин, — пожал мужчина плечами и, вооружившись шуруповертом, с жаром набросился на гарнитур.

— Видала чудака? — улынулся Макс, войдя в комнату, где сидела жена. — Радости полные штаны.

— А я тебе говорила!

Жужжание шуруповерта не умолкало минут сорок. Потом усатый начал носиться быстро, как пацан, из квартиры на улицу с деталями мебели под мышкой.

— Ну чудак, ну чудак, — повторял без конца Макс.

Выглянув в окно, он заметил, что дядька грузит его разобранную кухню в обычный универсал.

— Слушайте, так ведь там ручки отходят, фасад кое-где уже облупился, зачем оно вам? — спросил Макс, когда усатый выносил последнюю дверцу.

— Да ерунда всё это, — махнул тот рукой. — Подкручу, подмажу, подкрашу, подрежу — будет как новое.

Дверь захлопнулась, и наступила тишина, в которой Макс слышал собственные мысли: «Есть же чудачки».

Прошло полгода с тех пор, как семья поменяла кухню. История эта стерлась из памяти, как и любое другое малозначимое событие. Близился день рождения Макса, и его супруга всю голову сломала с выбором подарка.

— Нашла! Я нашла! — разбудила она его одним субботним утром.

— Ты чего толкаешься, я же сплю...

— Я нашла подарок для тебя!

— Здорово, покажешь потом...

— Это то, что ты давно хотел. Альбом этих твоих «Электрочайников».

— «Электросамоваров»? — Макс резко повернулся, моментально забыв про сон.

— Ну вот да, этих самых, про которых ты мне со свадьбы талдычишь. Есть один экземпляр, причем в нашем городе.

— Быть не может! — чуть ли не задохнулся от счастья Макс и, расцеловав жену, попросил у нее номер телефона продавца.

— Алло, я по поводу «Электросамоваров», еще не продали? — давась слюнями от волнения, кричал Макс в трубку.

— Да нет, не продали. Уже тридцать лет пластинка валяется, приезжайте забирайте.

— Скоро будем! Только никому не отдавайте, могу вам аванс скинуть на карту!

— Не нужно. Приезжайте и забирайте.

Забыв про чистку зубов и не тратя времени на завтрак, Макс вытащил жену из квартиры ненакрашенной, за что чуть не получил развод и, нарушая скоростной режим, домчал до другого конца города за рекордные пятьдесят пять минут.

— Добрый день, вы не представляете, сколько лет я искал этот альбом! — чуть ли не ворвался в чужую квартиру Макс.

— Да ради бога, проходите забирайте, там целая коробка этого хлама, — удивился хозяин, пропуская Макса внутрь.

— Хлам? Да это же просто сокровище!

Не веря свои глазам, Макс копошился в коробке, где, помимо желанного винила, нашел и другие вещи, имеющие, по его мнению, невероятную ценность: открытки с автографами, футболки, выпущенные в год единственного тура группы, значки.

— Вам не жалко со всем этим расставаться?

— Нисколько. В антикварном за это ничего не дают. Я выкладывал на цифровых аукционах, но там всего пятнадцать просмотров за год.

— Да просто люди не понимают!

«Вот чудак», — думал про себя хозяин пластинки.

— Откуда у вас всё это? — не успокаивался возбужденный Макс.

— Так их барабанщик — муж моей двоюродной сестры, они всем тогда раздавали это добро.

— Быть не может, — шепотом произнёс Макс. — Никогда не думал, что буду так близок к звездам. Мы берем всё!

— А у вас есть на чём слушать-то? Хороший проигрыватель сейчас поискать нужно. Да и стоят они недешево. Есть ли смысл покупать ради одного альбома?

— Найдем, купим, одолжим, — махнул рукой Макс. — Сколько с нас?

— Да я не знаю... Ничего не нужно. Забирайте так, раз у вас это столько радости вызывает, — развёл мужчина руками. — Я цену поставил лишь потому, что сайт требовал.

— Ну как это... Так нельзя, давайте хотя бы за пять тысяч.

«Ну чудак, ну чудак», — повторял без конца про себя мужчина.

— Забирайте так, мне не жалко.

— Спасибо большое, сейчас всё заберем! Извините за наглость, а можно у вас водички попросить? Горло от волнения пересохло.

— Да, конечно, проходите на кухню, — мужчина показал Максу дверь.

Супруги вошли в маленькую кухню, где оба тут же впали в легкий ступор: на них смотрел их бывший гарнитур. У окна стоял стол, за которым они полгода назад обсуждали покупку новой мебели. Облезший угол был аккуратно подкрашен. Жена Макса машинально потянулась к ручке навесного шкафа, что постоянно болталась и, подергав за нее, убедилась, что та хорошо закреплена. Удивительно, но всё тут находилось на своих местах, да и сам гарнитур был удачно подогнан под габариты кухни и хорошо отреставрирован.

— У вас же раньше усы были, да? — спросил Макс, когда хозяин протянул ему стакан с водой.

— Были, да. А мы с вами знакомы?

— Не уверен, — соврал Макс, делая глоток. — Ну ладно, мы пойдем, спасибо еще раз!

«Ну чудак», — подумал про себя в очередной раз хозяин квартиры, глядя в окно кухни на удаляющихся гостей.

Я шёл домой с работы ужасно злой и уставший, одним глазом рассматривая новости в своём смартфоне, а вторым стараясь следить за дорогой. День выдался отвратительный: что ни клиент, то истеричка. Видимо, весеннее обострение сказывается.

У самой подъездной двери меня окрикнул какой-то мужчина:

— Стойте, подождите, пожалуйста! — бежал он ко мне аж с детской площадки.

Повернувшись к нему лицом, я не заметил, как дверь подъезда открылась и выбила телефон из рук. «Твою ж...» — выругался я про себя.

Странный тип на вид лет пятидесяти выглядел довольно нелепо: свитер с высоким горлом, спортивные штаны, резиновые сапоги и шапка с помпоном. Ансамбль дополнял большой выцветший пакет, из которого торчала сетка с картошкой.

— Здравствуйте! — протянул руку запыхавшийся и раскрасневшийся мужчина. — Костя.

Я молча пожал руку.

— Вы ведь из этого подъезда? Да? — поинтересовался он.

— Да. А что, собственно, случилось?

— Ничего-ничего! Всё отлично! Просто хочу с вами познакомиться, — улыбнулся он добродушно. — Я только вчера переехал к вам из области, посёлок Васильково. Знаете, может? — тараторил новоиспечённый сосед, никак не отпуская мою руку.

Я пожал плечами и кое-как вырвал свою пятерню из потных лап мужика.

— Так, а вас как зовут? — не отставал настырный Костя.

— Лёша, — выдал я нехотя.

«Совсем дурной, зачем ему со мной знакомиться?» — подумал я про себя, а сам начал искать телефон на земле.

— Я на четвёртом этаже живу! — не унимался мужчина.

— Здорово, — без энтузиазма ответил я, подумав: «Только этого чудика не хватало на моём этаже».

— А вы на каком? Мне так непривычно, когда я никого не знаю, страшно очень!

— Я тоже на четвёртом, — еле слышно ответил я, надеясь, что он меня не расслышит. — Бояться нечего, тут все довольно тихие и приветливые.

На самом деле я понятия не имел, какие здесь люди. Если бы этот мужчина не сказал, что живёт на одном этаже со мной, я бы даже не заметил, что у меня появился новый сосед. Люди меняются чаще, чем цены в магазине: одни выезжают, другие заезжают, покупают квартиры, продают, снимают — я даже лиц их запомнить не успеваю.

Пока мы стояли у двери, Костя поздоровался со всеми, кто входил и выходил из подъезда, и я вынужден был делать то же самое, чтобы не выглядеть невежей на его фоне.

— А хотите, пойдём ко мне в гости? — предложил он то, чего я больше всего боялся. — Я вас кофе угощу, поболтаем, расскажете о том, какие тут люди, о своей работе, а я расскажу о себе! У меня столько всего интересного, — перешёл он на заговорщический шёпот, словно собирался поведать мне какую-то важную тайну. — Представляете, у меня своя пасека, — захихикал он так, словно говорил о золотых приисках. — Знаете, какой мёд обалденный? Не знаете, конечно, но не переживайте, я вас угощу!

— Спасибо, давайте в другой раз, я устал и хочу отдохнуть, — ответил я как можно вежливее и, убрав в карман свой телефон, который нашёл с минуту назад, поспешил войти в подъезд.

— Договорились! — крикнул мужчина напоследок, а потом я услышал, как он поймал следующую жертву и снова начал процесс принудительного знакомства.

«Ну и надоеда. Только таких «дружелюбных» мне не хватало», — с этими мыслями я зашёл в лифт.

На следующий день наша встреча с Костей произошла на лестничной площадке. Я надеялся обойтись кивком вместо приветствия и идти дальше по своим делам, но для отчаянно решившего во что бы то ни стало завести дружеские отношения соседа этого оказалось недостаточно.

— Лёша, здравствуйте! Вы вчера так быстро убежали, а я даже не узнал, кем вы работаете? — Костя глядел на меня щенячьими глазами, а в руке у него был пакет каких-то костей.

— У меня шиномонтаж, — ответил я и поспешил к лифту, но сосед перегордил мне дорогу.

— Как интересно! А ещё я вижу, что вы женаты! — он опустил взгляд на моё обручальное кольцо.

— Ага. А зачем вам кости? — решил я отвлечь его от разговоров о себе.

— Ну я же Костя, вот и ношу кости, — залился смехом сосед, но шутка показалась мне чересчур наивной, и я воздержался от смеха. — Тамаре Ивановне несуг.

— Кому? — переспросил я.

— Тамаре Ивановне, у которой лабрадор белый, Боссом зовут, — он смотрел на меня так, словно я должен был знать, о ком идёт речь. — С седьмого этажа соседка. Вы тоже недавно тут живёте? — спросил он немного извиняющимся тоном.

— Уже двенадцать лет.

— А она — пятнадцать. Вы же должны знать, о ком я говорю.

Я лишь в очередной раз пожал плечами.

— Как же так? — искренне удивился Костя. — У неё ещё внук Вадик на первом этаже, ну тот, который пару лет назад с Урала приехал.

— Ах, эта... — я сделал вид, что понял. — Передавайте привет.

— Обязательно! — кивнул Костя и поспешил на лестницу.

Весь день у меня не выходил из головы новый житель нашего дома. Зачем кому-то знать так близко своих соседей? Может, у них там в Васильково, где пятьдесят жителей на всю деревню, каждая корова — лучший друг, а всех мух зовут по именам, но тут это не имеет никакого смысла. Даже соль просить необязательно: в каждом втором доме есть круглосуточный магазин продуктов, где не то что приправу в час ночи купишь, но и камчатского краба, если сильно приспичит.

Вечером я пришёл домой в своём привычном состоянии: уставший и злой, а ещё и желудок сводил с ума изжогой. На работе в сезон не то что поесть — стакан воды не всегда успеваешь выпить. Повезло, что по пути я хотя бы не попался на глаза назойливому соседу.

«Лёш, можешь забрать у меня сумки? Лифт не работает, а у меня руки отваливаются», — написала мне сообщение жена, когда я уже успел размякнуть на диване.

Рита выглядела бледной и очень уставшей. Новая диета плохо сказывалась на её внешнем виде — круги под глазами пугали своей чернотой. Но Рита и слышать ничего не хотела о том, чтобы прекратить свои эксперименты. Поднимаясь по лестнице, мы привычно жаловались друг другу на работу и коллег. Я шёл с пакетами впереди, а жена замыкала нашу многочисленную колонну.

Когда я вставил ключ в скважину замка и повернул, раздался глухой стук. Что-то тяжёлое рухнуло прямо у меня за спиной. Я обернулся и увидел, что моя жена лежит, распластавшись на грязной плитке нашей площадки. Сердце ушло в пятки, а пакеты выпали из рук. Зазвенело разбитое стекло, и воздух наполнился запахом огуречного рассола.

— Рита, Рита! — закричал я, подскочив к жене. Она лежала без сознания.

Пошарив по карманам, я понял, что забыл телефон дома. Я хотел было вскочить, чтобы вбежать в квартиру, где заряжался мой смартфон, но тут на шум вышел наш новый сосед из Васильково, обряженный в домашний халат. На его лице застыла привычная идиотская улыбка.

— Что с ней?! — спросил он встревоженно, заметив неподвижное женское тело.

— Отдыхает! — нервно съязвил я, чувствуя, как закипаю от одного только вида этого идиота. — Что вы стоите? Вызовите скорую! — гаркнул я на соседа и тот, выйдя из оцепенения, моментально среагировал.

— Сказали, что как только будет свободная машина, сразу же отправят, — отчитался Костя.

Рита тем временем уже начала приходить в себя, пытаюсь открыть глаза и, кажется, не понимая, где находится и что случилось.

— Лежите! Не вставайте! Я сейчас сбегая за Петром Аркадьевичем! — крикнул суетливый сосед.

— Какой ещё, к черту, Пётр Аркадьевич?! — я не мог сдержать раздражение. — Какой-то лентяй или пенсионер, который готов болтать с незнакомыми людьми?

— Нет. Он врач! — послышалось уже с лестницы, куда умчался Костя.

Через минуту эти двое появились на нашей площадке. Петра Аркадьевича я узнал. Мы много раз встречались в лифте: угрюмый высокий мужчина с густой бородой всегда пугал меня своим тяжёлым взглядом. Расстегнув верхние пуговицы на одежде Риты, чтобы дать возможность свободно дышать, и проверив её на возможный инсульт, Пётр Аркадьевич приказал перенести Риту на диван и положить её ноги на возвышение, чтобы помочь крови прилить к жизненно важным органам.

Я сидел с Ритой, а Костя по рекомендации врача приготовил сладкий чай с мёдом.

— По-хорошему, померить бы ей давление, — сказал Пётр Аркадьевич, и Костя снова исчез за дверью, а уже через пять минут принёс тонометр.

— Вот, одолжил у тёти Любы с одиннадцатого, она гипертоник, — передал он аппарат доктору, и тот принялся за дело.

Затем Костя позвонил по нескольким номерам и попросил жильцов убрать свои машины со двора, чтобы «скорая» смогла спокойно проехать.

— Откуда вы так много знаете обо всех жильцах? — спросил я у странного соседа, когда он в очередной раз появился на пороге, держа в руках какое-то из лекарств, названных Петром Аркадьевичем.

— А как же иначе? — удивился Костя. — Если не знать имени соседа и чем он занимается, можно ведь оказаться в страшной ситуации — и никто не поможет вовремя. Надо знать своих соседей.

Я молчал. Это было так очевидно, что спорить не было никакого смысла.

Врач скорой сказала, что это был голодный обморок, до которого Рита довела себя своей диетой.

— Вы терапевт? — спросил я у Петра Аркадьевича после того, как засыпал его благодарностями, уже сидя на кухне.

— Нет, гастроэнтеролог, — ответил мужчина, попивая травяной чай с мёдом, которым нас всех угостил Костя.

— Правда? А я уже полтора месяца не могу записаться с желудком...

— Так не проблема, давайте я вас приму хоть завтра, — сказал мужчина, а потом вдруг вспомнил: — Нет, завтра не получится. Мне резину поменять нужно, а сейчас очереди по четыре часа на шиномонтажах. Боюсь, что не успею вас вне расписания принять.

— Так у Лёшки как раз шиномонтаж! Он вам и поменяет! — радостно завопил Костя, который знал всё обо всех.

— Да! Приезжайте в любое время, примем вас без очереди! — согласился я.

Костя поражал своей осведомлённостью. Этим же вечером он познакомил Риту с Наташей, нутрициологом, которая всего две недели назад сняла квартиру на первом этаже. Девушка охотно взялась дать моей жене несколько советов по корректировке питания и смогла составить неболь-

шую программу для похудения. Рита же, будучи главным бухгалтером, взамен пообещала помочь ей с налоговыми вычетами и навести порядок в документах.

Никогда ещё я не видел, чтобы на одной кухне решались проблемы, из-за которых обычно людям приходится мотаться по всему городу, стоять в очередях, тратить нервы и силы. Оказалось, что в нашем подъезде живут практически все необходимые в жизни специалисты — надо только постучать в нужную дверь.

Через пять лет я знал каждого соседа по имени, каждого пса — по кличке, каждую муху — по размеру крыла и траектории полёта.

А потом мы с Ритой переехали в другой город...

— Стойте, подождите, пожалуйста! — крикнул я молодому человеку в свой первый день в новом доме. — Меня Лёша зовут, я ваш новый сосед, — представился я и протянул руку.

— Олег, — недоверчиво произнёс мужчина и хотел было уже скрыться за дверью.

— А вы на каком этаже живёте? А чем занимаетесь? А приходите на чай с мёдом! — улыбался я, глядя на смущенного парня.

И чего он так меня боится? Я же просто познакомиться, по-соседски...

*Александр Железов
(Россия, г. Ярославль)*

ОХОТА НА ЯГУАРА

Рассказ Люциуса Шепарда «Охотник на ягуаров»

Эстебан Каакс не показывался в городе уже почти целый год и отправился туда только потому, что его жена задолжала Онофрио Эстевесу, торговцу аппаратурой и предметами быта. Больше всего на свете Эстебан ценил уклады спокойной деревенской жизни. Неторопливые заботы крестьянского дня только придавали ему сил, а вечера, проведённые за разговорами у костра или рядом с Инкарнасьон, его женой, доставляли огромное удовольствие.

Однако, в то утро выбора у Эстебана не было. Инкарнасьон без его ведома купила у Онофрио в кредит телевизор на батарейках, и теперь торговец грозился забрать в счёт невыплаченных восьмисот лемпир (лемпира — денежная единица Гондураса) трёх дойных коров Эстебана. Взять телевизор назад Онофрио отказывался, но передал, что готов обсудить и другой вариант оплаты. Если бы Эстебан потерял коров, его доходы опустились бы значительно ниже прожиточного минимума, и тогда ему пришлось бы вернуться к старому занятию, ремеслу гораздо более обременительному, чем фермерство.

Инкарнасьон всегда отличалась легкомысленностью, он знал это, ещё когда женился на ней. Но телевизор стал теперь своего рода вершиной барьера, который возник между ними с тех пор, как выросли дети. Инкарнасьон принялась строить из себя солидную дуэньку с изысканным вкусом, начала смеяться над деревенскими манерами Эстебана и постепенно вошла в роль предводительницы небольшой группы пожилых женщин, в основном вдов. Каждый вечер они собирались у телевизора, стремясь перещеголять друг дружку тонкостью и остротой суждений по поводу американских детективных фильмов. В таких случаях Эстебан выходил из хижины и сидел снаружи, погружаясь в мрачные раздумья о семейной жизни. По его мнению, Инкарнасьон, начав активно общаться со вдовами, таким образом давала ему понять, что она тоже не прочь приобрести чёрную юбку и чёрную шаль и что теперь, выполнив свою функцию отца, муж стал для неё помехой. В сорок один год (Эстебану исполнилось сорок четыре) интимные отношения почти уже перестали интересовать Инкарнасьон; теперь супруги довольно редко радова-

ли друг друга ласками, и Эстебан считал одной из главных причин того обиду жены на то, что время отнеслось к нему значительно добрее. Он по-прежнему выглядел молодо, словно индеец из древнего племени патука: высокий, точёные черты лица, широко посаженные глаза, медного цвета кожа почти без морщин, иссиня-чёрные волосы. У Инкарнасьон пепельные пряди появились уже давно, а чистая красота её тела постепенно растворялась в неопрятной дряблости. Эстебан понимал, что жена не может остаться красавицей на всю жизнь, и пытался уверить её, что любит ту женщину, которой она стала, а не ту девушку, какой она когда-то была. Но эта женщина умирала, поражённая той же болезнью, что и весь Пуэрто-Морада, и, возможно, любовь Эстебана умирала тоже.

Пыльная улица, на которой располагался магазин, проходила позади кинотеатра и отеля, и, двигаясь по дальней от моря стороне улицы, Эстебан хорошо видел две колокольни храма святой Марии Ондской, торчавшие над крышей отеля, словно рога огромной каменной улитки. Будучи молодым, Эстебан подчинился желанию матери, мечтавшей, чтобы сын стал священником, и три года провёл в этом храме, словно в заточении, готовясь к поступлению в семинарию под присмотром старого отца Гонсальво. Об этом этапе своей жизни Эстебан жалел более всего, потому что академические дисциплины, которые он постиг, словно бы остановили его на полпути между миром индейцев и современным миром: в глубине души он сохранял наставления предков — верил в таинства колдовства, помнил историю своего племени, стремился к познанию природы — и в то же время никак не мог избавиться от чувства, что подобные взгляды либо отдают суеверием, либо просто не имеют в этом мире никакого значения.

Дальше по улице размещался бар «Атомика» — пристанище обеспеченной молодёжи городка, а напротив стоял магазин, где продавалась аппаратура и предметы быта, — жёлтое одноэтажное оштукатуренное здание с опускающимися на ночь жалюзи из гофрированного железа.

Когда Эстебан вошел в магазин, за прилавком, подбоченясь, стоял Раймундо Эстевес, бледный молодой человек с пухлыми щёками, тяжёлыми набухшими веками и презрительным изгибом губ. Он ухмыльнулся и пронзительно свистнул. Через несколько секунд в торговом зале появился его отец, похожий на огромного слизня и ещё более бледный, чем Раймундо. Остатки седых волос липли к покрытому пятнами черепу, накрахмаленная рубаха едва вмещала нависающий над ремнём живот. Онофрио заулыбался и протянул руку.

— Как я рад тебя видеть! — сказал он. — Раймундо, принеси нам кофе и два стула.

Хотя Эстебан всегда относился к Онофрио неприязненно, сейчас он был не в том положении, чтобы проявлять свои чувства, и пожал протянутую руку. Раймундо, разозлившись, что его заставили прислуживать индейцу, надулся, принёс и с грохотом поставил стулья, потом нарочно пролил кофе на блюдца.

— Почему ты не хочешь, чтобы я вернул телевизор? — спросил Эстебан, садясь, и тут же, не в силах удержаться, добавил: — Или ты решил больше не обманывать мой народ?

Онофрио вздохнул, словно сокрушаясь, до чего же трудно объяснять простые вещи такому дураку, как Эстебан.

— Я придумал способ, который позволит тебе оставить телевизор без дальнейших выплат и тем не менее погасить задолженность.

Спорить с человеком, обладающим такой гибкой и эгоистичной логикой, было просто бесполезно.

— Чего ты хочешь? — спросил Эстебан.

Онофрио облизнул губы, напоминающие сырые сосиски, и сказал:

— Я хочу, чтобы ты убил ягуара из Баррио-Каролина.

— Я больше не охочусь.

— Говорил же я тебе, что индеец испугается, — сказал Раймундо, встав за спиной отца.

Онофрио отмахнулся от него и снова обратился к Эстебану:

— Это неразумно. Если я заберу коров, тебе так и так придётся охотиться на ягуаров. Но если ты согласишься, тебе нужно будет убить только одного ягуара.

— Который убил уже восьмерых охотников. — Эстебан поставил чашку на стол и поднялся. — Это особенный ягуар.

Раймундо презрительно рассмеялся, и Эстебан впился в него уничтожающим взглядом.

— Правильно, — сказал Онофрио, льстиво улыбаясь, — но никто из охотников не пользовался твоим способом.

— Прошу меня извинить, дон Онофрио, — с издёвкой произнёс Эстебан. — У меня много других дел.

— Я заплачу тебе пятьсот лемпир и прошу долг, — сказал Онофрио.

— С чего бы это? — спросил Эстебан. — Извини, я как-то не верю, что ты начал заботиться о людях. — Эстебан увидел, что лицо Онофрио потемнело, жирные складки на горле задвигались: — Впрочем, это неважно. Такой суммы всё равно недостаточно.

— Хорошо. Тысячу лемпир. — Онофрио старался говорить спокойно, но голос выдавал его волнение.

Ситуация заинтересовала Эстебана, и он, решив ради любопытства выяснить, насколько важно для Онофрио это предложение, сказал наугад:

— Десять тысяч. Вперёд.

— С ума можно сойти! За эти деньги я смогу нанять десяток охотников! Два десятка!

Эстебан пожал плечами.

— Но ни один из них не знает моего способа.

Несколько секунд Онофрио сидел, нервно выламывая переплетённые пальцы рук. Он словно бы истово молился о чём-то, потом произнёс сдавленным голосом:

— Хорошо. Десять тысяч.

Неожиданно Эстебан догадался о причинах столь сильной заинтересованности Онофрио в ягуаре из Баррио-Каролина. Он понял, что эти десять тысяч, возможно, мелочь по сравнению с той прибылью, которую получит Онофрио. Но Эстебана захватила мысль о том, что могут дать десять тысяч ему само-

му: стадо коров, маленький грузовичок, чтобы возить продукцию фермы, или — он осознал, что это, может быть, наиболее удачная, близкая сердцу мысль — маленький оштукатуренный домик в Баррио-Кларин, который давно облюбовала Инкарнасьон. Возможно, если у них будет домик, она даже смягчится и станет добрее к мужу...

— Я подумаю, — бросил Эстебан через плечо. — Ответ будет завтра утром.

В тот вечер по телевизору показывали детектив под названием «Нью-Йоркский отдел расследования убийств» с каким-то лысым американским актёром в главной роли. Вдовы расселись, скрестив ноги, по всему полу и заняли хижину настолько основательно, что гамак и угольную печурку пришлось вынести на улицу. Эстебану, остановившемуся в дверях, показалось, что его дом заняла стая больших чёрных птиц в капюшонах, которые прислушивались к зловещим инструкциям, доносившимся из серого магического кристалла с мелькающими тенями. Без всякого энтузиазма он протолкался между вдовами, добрался до полок, подвешенных к стене за телевизором, и достал сверху длинный предмет, завёрнутый в несколько промасленных газет. Краем глаза Эстебан заметил, что Инкарнасьон наблюдает за ним, изогнув тонкие губы в улыбке, и эта улыбка, похожая на шрам, уязвила его в самое сердце. Инкарнасьон знала, что собирается делать Эстебан, и это её радовало! Она абсолютно не беспокоилась! Может быть, она знала о планах Онофрио убить ягуара, а может быть, устроила мужу ловушку вместе с Онофрио. Охваченный яростью, Эстебан выбрался на улицу, расталкивая вдов, которые тут же возмущённо загомонили, и отправился к своей банановой плантации, где уселся на большой камень, лежавший в гуще посадок. Признавая, что он, может быть, не самым лучшим образом оправдал надежды Инкарнасьон на замужество, Эстебан всё же никак не мог понять, что он сделал такого, что вызвало на её губах эту полную ненависти улыбку.

Он развернул газеты и достал из свёртка мачете с тонким лезвием — из тех, которыми срубают банановые грозди. Эстебан использовал его для охоты на ягуаров. Взяв мачете в руку, он тут же почувствовал, как возвращаются к нему уверенность и сила. Последний раз он охотился года четыре назад, но чувствовал, что не потерял сноровки. Его называли самым великим охотником провинции Нуэва-Эсперанца, как когда-то называли его отца. И охотиться Эстебан перестал не из-за возраста или потери сил, а из-за красоты ягуаров. Причин убивать ягуара в Баррио-Каролина у него тоже не было: зверь не угрожал никому, кроме тех, кто охотился на него, кто посягал на его территорию. Смерть ягуара будет выгодна только бесчестному торговцу да ворчливой жене и лишь ускорит заражение Пуэрто-Морада. А кроме того, это чёрный ягуар.

— Чёрные ягуары — создания Луны, — говорил Эстебану отец. — Они принимают разные формы, и мы не должны вмешиваться в их магические замыслы. Никогда не охоться на чёрных ягуаров!

Отец не утверждал, что чёрные ягуары живут на Луне, просто они используют её могущество. Но, когда Эстебан был ещё ребёнком, ему приснился

сон, в котором среди лесов из слоновой кости, по серебряным лугам стремительно, словно чёрный поток, текли ягуары.

Он рассказал об этом отцу, и тот заметил, что эти сны — отражение истины, рано или поздно Эстебан узнает скрывающуюся в них правду.

Но, размышляя о предстоящей охоте, Эстебан пришёл к выводу, что, убив ягуара, он, возможно, разом решит все свои проблемы. Он пойдёт против наставлений своего отца, убьёт свои сны, своё индейское восприятие мира и тем самым, может быть, сумеет воспринять мир своей жены. Эстебан долго стоял на перепутье между двумя мирами, и теперь пришло время выбирать. Хотя на самом деле выбора ему не оставили. Он жил в этом мире, а не в мире ягуаров, и если для того, чтобы принять как истинные радости жизни телевидение, поездки в кино и оштукатуренный домик в Баррио-Кларин, требуется убить магическое существо, что ж, он уверен в своём способе охоты...

Эстебан разбудил Инкарнасьон рано утром и заставил пойти с ним к магазину. Мачете в кожаном чехле раскачивалось у него на боку, в руке он нёс джутовый мешок с запасом еды и травами, необходимыми для охоты. Инкарнасьон молча семенила рядом, спрятав лицо под шалью. Придя в магазин, Эстебан заставил Онофрио отгиснуть на квитанции штемпель «Оплачено полностью», затем передал квитанцию и деньги Инкарнасьон.

— Если я убью ягуара или ягуар убьёт меня, — сказал он сурово, — это твоё. Если не вернусь через неделю, можешь считать, что я уже никогда не вернусь.

Инкарнасьон отступила на шаг, и на её лице отразилась тревога, словно она увидела мужа в новом свете и впервые осознала последствия своих действий. Но, когда Эстебан двинулся к двери, она даже не попыталась остановить его.

Район Баррио-Каролина лежал за мысом Манабике, ограничивающим залив с юга. К морю выходила пальмовая роща, здесь был лучший во всей провинции пляж — изогнутая полоса белого песка, полого спускающаяся к мелким зелёным лагунам. Сорок лет назад там размещалось правление экспериментального хозяйства фруктовой компании. Проект был задуман с размахом — вокруг хозяйства вырос небольшой городок: ряды белых каркасных домов с черепичными крышами и зелёными террасами, наподобие тех, что можно увидеть в журналах на фотографиях, изображающих сельскую Америку. Компания называла проект «ключом к будущему страны» и обещала вывести высокопродуктивные сорта сельскохозяйственных культур, которые навсегда искоренят голод. Однако, в 1947 году на побережье разразилась эпидемия холеры, и город оказался заброшенным. А к тому времени, когда паника, вызванная эпидемией, утихла, компания уже заняла прочное место в национальной политике, и необходимость поддерживать в сознании публики прежний образ щедрой и доброжелательной организации отпала. Проект забросили окончательно, отведённые под него территории постепенно пришли в запустение, и наконец, земли скупили люди, планировавшие построить там крупный курорт. Случилось это в тот год, когда Эстебан перестал охотиться. Тогда и появился ягуар. Хотя он не убил ни одного рабочего, но навёл на них такой ужас, что подрядчики отказались от строительства. В джунгли пошли охотники, и ягуар их убил. Последняя группа взяла с собой автома-

тические винтовки, но ягуар подстерг их поодиночке и расправился со всеми. В конце концов и этот проект забросили, а потом прошёл слух, что земли снова перепроданы (теперь Эстебан знал — кому) и что идея создания курорта возрождается.

Дорога от Пуэрто-Морада оказалась долгой, жаркой и утомительной. Добравшись до места, Эстебан устроился под пальмой и съел несколько холодных банановых оладий. Белые, словно зубная паста, волны разбивались о берег, но здесь не было мусора, оставляемого людьми, — только мёртвые ветки, щепки да кокосовые орехи. Все дома, кроме четырёх, стоявших ближе к морю, поглотили джунгли, да и эти четыре лишь выглядывали из зарослей, словно догнивающие ворота в чёрно-зелёной стене растительности. Даже при ярком солнечном свете они выглядели так, будто там водятся привидения: сорванные, поломанные ставни, серые от времени и влаги доски, лианы, оплетающие фасады. В одном месте манговое дерево проросло прямо сквозь крыльцо, и на его ветвях, поедая плоды, рассиживали дикие попугаи. Последний раз Эстебан бывал здесь в детстве: тогда руины напугали его, но сейчас они даже показались ему привлекательными — яркое свидетельство торжества природы и её законов. Эстебана угнетало то, что он помогает уничтожать эту природу. Если он справится с задачей, то в скором времени попугаи здесь будут прикованы цепочками к насестам, от ягуаров останется только рисунок на скатертях, везде понастроят бассейнов и некуда будет ступить от туристов, которые понаедут, чтобы высасывать через трубочки кокосовые орехи.

Подкрепившись, Эстебан отправился в джунгли и вскоре обнаружил дорогу, по которой ходил ягуар, — узкую тропку, петлявшую между опутанными лианами пустыми оболочками домов, а затем выходящую к Рио-Дульсе. Река, извивавшаяся среди стен джунглей, казалось, несёт зелёную воду ещё более тёмного оттенка, чем морская. По всему берегу на песке отпечатались следы ягуара. Особенно много следов зверь оставил на бугристом холмике, возвышающемся метра на полтора над самой водой. Эстебана это несколько удивило, но, решив, что ответа на эту загадку ему всё равно не найти, он пожал плечами и спустился на пляж, а поскольку ночью собирался устроить наблюдение, то прилёг под пальмой поспать.

Через несколько часов, уже во второй половине дня, Эстебана окликнули. Он проснулся. Высокая стройная женщина с отливающей медью кожей, в платье тёмно-зелёного цвета, почти такого же, как стена джунглей, шла прямо к нему. Платье до половины открывало высокую грудь, а когда женщина подошла ближе, Эстебан разглядел её лицо; хотя оно и обладало чертами, характерными для народа папуа, но отличалось редкостной для людей его племени красотой и тонкостью.

Словно прекрасная точёная маска: щёки с нежными ямочками, полные резные губы, тонкие брови из эбенового дерева, глаза из чёрного и белого оникса, — но всему этому придана живость человеческого лица. Мелкие капельки пота блестели на её груди. Одинокiй локон чёрных волос лежал на плече столь изящно, что, казалось, уложен так специально. Женщина опустилась рядом с охотником на колени, бесстрастно взглянула на него, и Эстебана буквально поглотила окружающая её горячая аура чувственности. Морской бриз

донёс её запах — сладковатый, мускусный, напоминавший аромат плодов манго, оставленных дозревать на солнце.

— Меня зовут Эстебан Каакс, — произнёс он.

— Я слышала о тебе, — сказала она. — Охотник на ягуаров. Ты пришёл, чтобы убить ягуара, живущего здесь?

— Да, — ответил он и устыдился собственного признания.

Она набрала горсть песка, потом пропустила его между пальцами.

— Как тебя зовут? — спросил Эстебан.

— Если мы станем друзьями, я скажу тебе своё имя, — ответила она. — Зачем ты хочешь убить ягуара?

Эстебан рассказал ей про телевизор, а потом вдруг, к своему удивлению, начал рассказывать о трудностях с Инкарнасьон, объяснять, как он собирается приспособиться к её миру. Это было не совсем то, что принято обсуждать с незнакомыми людьми, но Эстебана почему-то потянуло на исповедь. Ему казалось, что между ним и незнакомкой есть что-то общее, и это заставляло рисовать семейную жизнь более мрачными красками, чем на самом деле. Ему никогда не случалось изменять Инкарнасьон, но сейчас такую возможность он, наверное, только приветствовал бы.

— Здесь живёт чёрный ягуар, — сказала женщина. — Ты, вероятно, знаешь, что это не обычные звери и мы не должны вмешиваться в их магические замыслы.

Эстебан вздрогнул, услышав из уст незнакомки слова отца, однако, решив, что это просто совпадение, ответил:

— Может быть. Но ведь это не мои замыслы.

— Ошибаешься, — сказала женщина. — Ты просто решил не замечать этого. — Она снова набрала горсть песка. — Как ты собираешься охотиться? У тебя даже нет ружья. Только мачете.

— У меня есть ещё вот что, — сказал Эстебан. Он достал из мешка маленький пакетик с сушёными травами и передал женщине.

Она открыла пакет и понюхала.

— Травы? Ты хочешь усыпить ягуара...

— Не ягуара. Себя. — Он взял у женщины пакет. — Эти травы замедляют сердцебиение, и кажется, что человек умер. Охотник впадает в транс, но от него можно избавиться мгновенно. Я пожую трав, потом лягу около того места, где ягуар ходит на ночную охоту. Он подумает, что я мёртв, но не станет есть, пока не убедится, что моя душа покинула тело. А чтобы определить это, ягуар должен усесться на меня и почувствовать, как отлетает дух. Когда он начнёт усаживаться, я сброшу транс и всажу мачете ему между рёбер. Если моя рука не дрогнет, он умрёт мгновенно.

— А если дрогнет?

— Я уже не боюсь этого — я убил почти пятьдесят ягуаров, — сказал Эстебан. — Таким способом охотились в моём роду на ягуаров ещё во времена древнего народа патука, и этот способ никогда, насколько я знаю, не подводил.

— Но чёрный ягуар...

— Чёрный или пятнистый — не имеет значения. Все они подчиняются инстинктам и похожи один на другого, когда дело касается пищи.

— Что ж, — сказала женщина, вставая и отряхивая платье. — Я не могу пожелать тебе удачи, но зла тебе тоже не желаю.

Эстебан хотел попросить её остаться, но гордость не позволила ему это сделать, и незнакомка рассмеялась, словно прочитала его мысли.

— Может быть, мы ещё увидимся и поговорим, Эстебан, — сказала она. — Будет жаль, если не удастся, потому что у нас есть о чём поговорить.

Быстрой походкой она удалилась по берегу. Сначала превратилась в маленький чёрный силуэт, а затем просто растворилась в дрожащем горячем воздухе.

В тот вечер Эстебан долго искал место, откуда мог бы вести наблюдение. Наконец, взломал сетчатую дверь одного из коттеджей и пробрался на террасу. Бросились по углам хамелеоны, с заржавленного шезлонга, затянутого паутиной, соскользнула игуана и скрылась сквозь дыру в полу. В доме царил неприятный полумрак, и только из ванной с обвалившимся потолком сквозь сито из лиан сочился серо-зелёный свет. В треснувшем унитазе была лужица дождевой воды, где плавали мёртвые насекомые. Мучимый предчувствиями, Эстебан вернулся на террасу, смахнул с шезлонга паутину и сел.

Небо и море сливались на горизонте в серебристо-сером мареве. Ветер утих, пальмы стояли неподвижно, будто изваянные. Несколько пеликанов вереницей пролетели над самой водой, словно чёрная строчка из какого-то непонятого текста. Но чарующая красота окружающей природы не трогала Эстебана. Он никак не мог забыть незнакомку. Воспоминание о том, как перекатывались под платьем её бедра, когда она уходила по берегу, снова и снова всплывало в мыслях, а когда Эстебан пытался сосредоточиться на деле, картинка вспыхивала ещё ярче и призывнее. Эстебан не мог понять, почему женщина так подействовала на него. Может быть, думал он, его задели слова незнакомки в защиту ягуара, её способность вызывать в памяти то, что он хотел оставить позади... Но тут пришло понимание, и Эстебану почудилось, будто его окутал ледяной покров.

В племени патука верили, что одинокого человека, которому вскоре суждено неожиданно умереть, должен навестить посланник смерти и, заменив семью и друзей, подготовить его к этому событию. Теперь Эстебан не сомневался, что незнакомка и есть такой посланник и её обманчивая прелесть предназначалась именно для того, чтобы привлечь внимание Эстебана к его неизбежной судьбе. Он снова рухнул в шезлонг, оцепенев от неожиданной догадки. И то, что женщина знала о словах отца, и её странные речи, и признание, что им о многом ещё надо поговорить, — всё это в точности соответствовало древним верованиям. Посеребрив пески побережья, поднялась луна в три четверти, а Эстебан, прикованный страхом перед смертью, всё ещё продолжал сидеть неподвижно.

...Несколько секунд он смотрел прямо на ягуара, прежде чем осознал, что видит перед собой. Вначале Эстебану показалось, будто на песок вдруг опустилась полоска ночного неба. Потом она шевельнулась, повинувшись порывистому бризу. Но вскоре охотник понял, что это ягуар, зверь медленно двигался, словно подкрадывался к жертве, затем высоко подпрыгнул, изворачиваясь в воздухе, и принялся носиться взад-вперёд по пляжу: озерцо чёрной

воды, стремительно переливающееся по серебристому песку. Никогда раньше Эстебан не видел играющего ягуара, и одно это уже изумляло, но больше всего охотник поразился тому, как точно воспроизвелись в жизни его детские сны. Словно он видел перед собой серебристую лужайку Луны и подглядывал за одним из её волшебных созданий. Зрелище развеяло страх, и, как ребёнок, Эстебан прижался носом к сетчатой двери, стараясь не моргать, чтобы не пропустить ни единого мгновения.

Спустя время ягуар наигрался и, крадучись, двинулся вдоль пляжа к джунглям. По его ушам и походке Эстебан определил, что зверь отправляется на охоту. Ягуар остановился у пальмы в пяти метрах от дома, поднял голову и принялся. Лунный свет, струившийся сквозь листья пальмы, играл жидким блеском на его боках. Жёлто-зелёные глаза сверкали, словно маленькие окна, манящие в другое огненное измерение. От красоты ягуара — самого воплощения совершенства — замирало сердце, и Эстебан, сравнивая эту красоту с бледным убожеством своего работодателя, с теми уродливыми принципами, что заставили его взяться за работу, начал сомневаться, что он когда-либо убьёт этого зверя.

Весь следующий день Эстебан спорил сам с собой и надеялся, что женщина вернётся. Он уже отверг мысль, будто незнакомка — посланница смерти, и решил, что само это заблуждение было вызвано таинственной атмосферой, царившей на побережье. Эстебан чувствовал, что, если женщина снова начнёт защищать ягуара, он, пожалуй, позволит убедить себя. Однако, незнакомка не появилась, и Эстебан, сидя на песке и наблюдая, как солнце, играющее на волнах невероятными бликами, опускается сквозь тёмные слои оранжевых и лиловых облаков, снова осознал, что выбора у него нет.

Охотник дождался, когда взойдёт луна, принял снадобье и лёг под пальмой, где предыдущей ночью в последний раз видел ягуара. В траве рядом с ним шелестели ящерицы, на лицо вспрыгивали песчаные блохи — он почти ничего не замечал, всё глубже и глубже погружаясь в оцепенение, даруемое снадобьем. Пепельно-зелёные в лунном свете листья пальмы колыхались и шуршали над головой, а звёзды, видимые в просветах, тревожно мерцали, словно бриз раздувал угольки. Эстебан растворялся в окружающем, впитывал запахи моря и гниющих листьев, разносимые ветром по пляжу, вживался в этот ветер, но, услышав мягкие шаги ягуара, весь превратился во внимание. Сквозь щели полуприкрытых глаз он увидел зверя, сидевшего всего в дюжине футов от него: могучая тень, вытягивающая шею в его сторону. Потом ягуар принялся ходить кругами — каждый круг чуть меньше предыдущего, — и когда он исчезал из поля зрения, Эстебан с трудом останавливал в себе ручеек страха. Ягуар в очередной раз прошёл со стороны моря — теперь уже совсем близко, — и Эстебан вдруг уловил его запах — сладковатый мускусный запах, напомнивший аромат плодов манго, оставленных дозреть на солнце.

Страх взметнулся в охотнике. Эстебан попытался заглушить его, уговаривая себя, убеждая, что этого не может быть. Ягуар зарычал, и звук острым лезвием вспорол мирный шёпот ветра и прибора. Поняв, что ягуар почуял его страх, Эстебан вскочил на ноги и взмахнул мачете. Стремительно повернувшись, он увидел, как зверь отпрыгнул назад. Закричав и снова

взмахнув мачете, Эстебан бросился к дому, откуда вёл наблюдение прошлой ночью. Проскользнув в дверь, он, шатаясь, вбежал в гостиную. Позади раздался треск, и, обернувшись, Эстебан успел заметить огромную чёрную лапу, вырывающуюся из путаницы лиан и порванной сетки. Эстебан метнулся в ванную, сел спиной к унитазу и упёрся ногами в дверь.

Грохот у входа затих, и охотник подумал, что ягуар сдался.

Но тут верхняя панель двери буквально взорвалась от удара чёрной лапы. Прогнившие щепки полетели Эстебану в лицо, и он закричал. С рычанием в дыру просунулась гладкая морда ягуара: сверкающие клыки, бархатистая красная пасть. Почти парализованный страхом, Эстебан ткнул в сторону двери мачете. Ягуар отпрянул, но потом протянул в дыру лапу, стараясь уцепить охотника за ногу. Лишь по чистой случайности Эстебану удалось задеть ягуара, и чёрная лапа исчезла. Охотник услышал, как зверь рассерженно урчит в гостиной, потом, через несколько секунд, что-то тяжело ударило в стену за спиной Эстебана, и над краем стены появилась голова ягуара: он повис на передних лапах, пытаясь взобраться наверх, чтобы потом спрыгнуть в комнатушку. Эстебан вскочил на ноги и бешено замахал над головой мачете, рассекая лианы. Ягуар с мяуканьем отпрыгнул. Какое-то время он ещё бродил, урча, вдоль стены, потом наступила тишина.

Когда сквозь лианы пробилось, наконец, солнце, Эстебан вышел из дома и направился берегом в Пуэрто-Морада. Он шёл, опустив голову, и в отчаянии размышлял о мрачном будущем, ожидающем его после того, как он вернёт Онофрио деньги; об Инкарнасьон, которая с каждым днём становится всё ворчливее и ворчливее; о не столь знаменитых ягуарах, которых ему придётся убивать, чтобы заработать хотя бы немного денег. Эстебан настолько погрузился в свои угрюмые мысли, что заметил женщину, только когда она его окликнула. Женщина в просвечивающем белом платье стояла, прислонившись к пальме, всего в десяти метрах от него. Эстебан вытащил мачете и сделал шаг назад.

— Почему ты боишься меня, Эстебан? — спросила женщина, приближаясь.

— Ты обманом выведала мой секрет и пыталась меня убить, — ответил охотник. — Разве этого недостаточно, чтобы испытывать страх?

— Когда я перевоплотилась, я уже не знала ни тебя, ни твоего метода. Знала только, что ты охотишься на меня. Но теперь, когда охота закончена, мы можем быть просто мужчиной и женщиной.

— Кто ты? — спросил Эстебан, не опуская мачете.

Она улыбнулась.

— Меня зовут Миранда. Я из племени патука.

— У людей из племени патука не бывает чёрной шкуры и клыков.

— Я из древних патука, — сказала женщина. — Мы обладаем способностью перевоплощаться.

— Не подходи! — Эстебан занёс мачете над головой, и она остановилась всего в нескольких шагах, но чуть дальше, чем охотник был в состоянии дотянуться.

— Ты можешь убить меня, Эстебан, если пожелаешь, — женщина развела руки в стороны, и ткань платья на её груди натянулась. — Ты теперь сильнее. Но сначала выслушай меня.

Он не опустил мачете, однако, страх и злость в нём постепенно уступали перед более спокойными эмоциями.

— Давным-давно, — сказала Миранда, — жил великий целитель, который предвидел, что когда-нибудь папука потеряют своё место в мире. С помощью богов он открыл дверь в другой мир, где племя могло бы жить, процветая. Но многие люди из племени испугались и не последовали за ним. Однако, дверь осталась открытой для тех, кто пожелает прийти позже. — Женщина махнула рукой в сторону разрушенных домов. — Дверь эта находится как раз в Баррио-Каролина, и ягуар приставлен охранять её. Но скоро сюда придёт лихорадка, уже охватившая почти весь мир, и дверь закроется навсегда. Хотя наша охота закончилась, другим охотникам, их алчности не будет конца. — Миранда шагнула к охотнику. — Если ты прислушаешься к голосу своего сердца, то поймёшь, что я говорю правду.

Эстебан частично верил ей, но одновременно верил и в то, что её слова скрывают какую-то ещё более горькую правду, укладывающуюся в первую так же аккуратно, как входит в ножны мачете.

— Что-то не так? — спросила женщина. — Что-то беспокоит тебя?

— Я думаю, ты пришла подготовить меня к смерти, — ответил Эстебан. — Твоя дверь ведёт только к смерти.

— Тогда почему ты не бежишь от меня? — Миранда указала в сторону Пуэрто-Морада. — Смерть там, Эстебан. Крики чаек — это смерть. И когда сердца любящих останавливаются в момент величайшего наслаждения — это тоже смерть. Этот мир не более чем тонкий покров жизни на фундаменте смерти, словно мох на камне. Может быть, ты прав, может быть, мой мир лежит за смертью. Здесь нет противоречия. Но если я для тебя — смерть, Эстебан, тогда ты любишь именно смерть.

Он отвернулся в сторону моря, чтобы женщина не видела его лица.

— Я не люблю тебя, — сказал он.

— Любовь ждёт нас впереди, — возразила Миранда. — И когда-нибудь ты последуешь за мной в мой мир.

Эстебан снова взглянул на неё, собираясь сказать: «Нет», — но от неожиданности промолчал. Платье её скользнуло на песок. Миранда улыбалась. Гибкость и совершенство ягуара отражались в каждой линии её тела. Женщина шагнула ближе, отстранив мачете. Ладони её обхватили лицо Эстебана, и он, ослабев от страха и желания, словно утонул в её горячем запахе.

— Мы одной души, ты и я, — сказала Миранда. — У нас одна кровь и одна правда. Ты не можешь отвергнуть меня.

Шли дни — Эстебан даже не очень хорошо представлял себе, сколько их было. Чередование дней и ночей служило как бы незаметным фоном, лишь окрашивающим их с Мирандой любовь то солнечным блеском, то призрачным светом луны. Тысячи новых красок добавились к ощущениям Эстебана, — никогда раньше он не испытывал подобного блаженства. Порой, глядя на обветшалые фасады домов, Эстебан начинал верить, что они действительно

но скрывают тенистые аллеи, ведущие в другой мир, но, когда Миранда пыталась убедить его следовать за ней, он отказывался, не в силах преодолеть страх и признаться даже самому себе, что любит её. Он пробовал сосредоточиться на мыслях об Инкарнасьон, надеясь, что это разрушит чары Миранды и позволит ему вернуться в Пуэрто-Морада, однако, обнаружил, что не может представить себе жену иначе как в образе сторбленной чёрной птицы, сидящей перед мерцающим серым кристаллом. Впрочем, Миранда тоже казалась ему временами совершенно нереальной. Однажды, когда они сидели на берегу Рио-Дульсе, Миранда указала на плавающее в воде отражение почти полной луны и произнесла:

— Мой мир почти так же близко, Эстебан, он так же доступен. Ты, может быть, думаешь, что луна реальна только наверху, а здесь всего лишь отражение, но на самом деле реальнее всего и показательнее вот эта поверхность, что даёт иллюзию отражения. Больше всего ты боишься пройти сквозь эту поверхность, хотя она столь бесплотна, что ты едва заметишь переход.

— Ты похожа на священника, который обучал меня философии, — сказал Эстебан. — Его мир и его рай — тоже философия. А твой мир? Это просто идея, воображение? Или там есть птицы, реки, джунгли?

Лицо Миранды, наполовину освещённое луной, и голос не выдавали никаких эмоций.

— Так же, как здесь.

— Что это означает? — рассерженно спросил Эстебан. — Почему ты не хочешь дать мне ясный ответ?

— Если бы я стала описывать тебе мой мир, ты просто решил бы, что я ловко лгу. — Женщина опустила голову ему на плечо. — Рано или поздно ты сам поймёшь. Мы нашли друг друга не для того, чтобы испытать боль расставания.

Как-то в полдень, когда солнце светило столь ярко, что нельзя было смотреть на море не прищуриваясь, они доплыли до песчаной отмели, которая с берега казалась узкой изогнутой полоской белизны на фоне зелёной воды. Эстебан барахтался и поднимал брызги, зато Миранда плавала, словно родилась в воде: она подныривала под охотника, хватала за ноги, щекотала и каждый раз успевала ускользнуть, прежде чем ему удавалось дотянуться до неё. Они бродили по песку, переворачивали ногами морских звёзд и собирали моллюсков-трубачей, чтобы сварить на обед. Потом Эстебан заметил под водой тёмное пятно шириной в несколько сот метров, движущееся за песчаной косой, — огромный косяк макрели.

— Жалко, что у нас нет лодки, — сказал он. — Макрель на вкус гораздо лучше, чем моллюски.

— Нам не нужна лодка, — ответила Миранда. — Я покажу тебе один старинный способ рыбной ловли.

Она вычертила на песке какой-то сложный рисунок, затем отвела Эстебана на мелководье и повернула к себе лицом, встав на расстоянии полутора метров от него.

— Смотри на воду между нами, — сказала она. — Не поднимай глаз и не двигайся, пока я не скажу.

Миранда затянула незнакомую песню со сложным ломаным ритмом, который показался Эстебану похожим на неровные порывы задувающего с моря ветра. Слов он по большей части разобрать не мог, но некоторые оказались из языка племени патука. Через минуту Эстебан почувствовал странное головокружение, словно его ноги стали длинными и тонкими и он смотрел на воду с огромной высоты, дыша при этом разреженным воздухом. Потом под водой между ним и Мирандой возник крошечный тёмный силуэт, и ему вспомнились рассказы дедушки о древних патука, которые в считанные мгновения могли с помощью богов уменьшать мир, чтобы перенести врагов поближе. Но ведь боги умерли, и их сила оставила этот мир... Эстебан хотел оглянуться на берег и посмотреть, действительно ли они с Мирандой превратились в меднокожих гигантов ростом выше пальм.

— Теперь, — сказала женщина, обрывая пение, — ты должен опустить руку в воду — так, чтобы косяк оказался между ней и берегом — и медленно пошевелить пальцами. Очень медленно! Поверхность воды должна оставаться спокойной.

Но, начав наклоняться, Эстебан потерял равновесие и ударил рукой по воде. Миранда вскрикнула. Подняв голову, охотник увидел катящуюся на них зелёную стену воды, испещренную мечущимися силуэтами макрели. Прежде чем Эстебан успел сдвинуться с места, волна перекатилась через косу, накрыла его с головой, протащила по дну и выбросила в конце концов на берег. На песке тут и там лежала, дёргая хвостом, макрель. Миранда смеялась над ним, плескаясь на мелководье. Он тоже засмеялся, но только чтобы скрыть вновь нахлынувший страх перед этой женщиной, которая обладала могуществом ушедших богов.

Во второй половине дня, когда Эстебан чистил рыбу, а Миранда отправилась собирать бананы для гарнира — маленькие сладкие бананы, что росли на берегу реки, — со стороны Пуэрто-Морада появился «лендровер». Подпрыгивая, он мчался по пляжу, и на его ветровом стекле танцевали отблески оранжевого огня от заходящего солнца. Машина остановилась около Эстебана, с пассажирского сиденья слез Онофрио. На его щеках играл нездоровый румянец, лоб вспотел, он принялся вытирать его носовым платком. С водительского сиденья сошёл Раймундо. Прислонившись к дверце машины, он бросил на Эстебана взгляд, полный ненависти.

— Прошло уже девять дней, а от тебя ни слова, — угрюмо произнёс Онофрио. — Мы думали, тебя уже нет в живых. Как идёт охота?

Эстебан положил на песок рыбину и встал.

— У меня ничего не вышло, — сказал он. — Я верну тебе деньги.

Раймундо насмешливо фыркнул, а Онофрио проворчал, словно сказанное его удивило:

— Это невозможно. Инкарнасьон потратила их на дом в Баррио-Кларин. Ты должен убить ягуара.

— Я не могу, — сказал Эстебан. — Деньги я как-нибудь выплачу.

— Индеец испугался, отец. — Раймундо плюнул на песок. — Разрешите, мы с друзьями устроим охоту на этого ягуара.

Представив себе, как Раймундо и его бестолковые друзья ломаются через джунгли, Эстебан не смог удержаться от смеха.

— Ты бы вёл себя поосторожнее, индеец! — Раймундо хлопнул ладонью по крыше автомашины.

— Осторожнее следует действовать вам, — сказал Эстебан, — потому что скорее всего случится наоборот: охоту на вас устроит ягуар. — Он поднял с земли мачете. — Впрочем, тот, кто захочет поохотиться на ягуара, будет иметь дело ещё и со мной.

Раймундо наклонился к водителскому сиденью, потом обошёл машину и встал у капота. В руке у него блестел автоматический пистолет.

— Я жду ответа, — сказал он.

— Убери! — Онофрио сказал это таким тоном, словно разговаривал с ребёнком, угрозы которого едва ли стоит принимать всерьёз, однако, в выражении лица Раймундо проступали совсем не детские намерения. Пухлая щека его нервно подёргивалась, вены на шее вздулись, а губы искривились в некоем подобии безрадостной улыбки. Эстебан как зачарованный наблюдал за этим превращением: на его глазах демон сбрасывал личину. Фальшивая мягкая маска переплавлялась в истинное лицо, худое и жестокое.

— Этот ублодок оскорбил меня! — Рука Раймундо, сжимавшая пистолет, дрожала.

— Ваши личные разногласия могут подождать, — сказал Онофрио. — Сейчас дело важнее. — Он протянул руку. — Дай мне пистолет.

— Если он не собирается убивать ягуара, какой от него толк? — спросил Раймундо.

— А вдруг нам удастся переубедить его? — Онофрио улыбнулся Эстебану. — Ну, что скажешь? Может, разрешить сыну отомстить за свою честь, или ты всё-таки выполнишь уговор?

— Отец! — обиженно произнёс Раймундо, на секунду взглянув в сторону. — Он...

Эстебан бросился к стене джунглей.

Рывкнул пистолет, раскалённая добела когтистая лапа ударила охотника в бок, и он полетел на землю. Несколько мгновений Эстебан даже не мог понять, что произошло, но затем ощущения постепенно начали возвращаться к нему. Он лежал на раненом боку. Рана пульсировала яростной болью. Корка песка облепила губы и веки. Но упал он, буквально обняв мачете, всё ещё сжимая в кулаке рукоять. Откуда-то сверху донеслись голоса. По голове Эстебана прыгали песчаные блохи, но, совладав с желанием стряхнуть их рукой, он продолжал лежать без движения. Пульсирующую боль в боку и его ненависть питала одна и та же сила.

— ...сбросим его в реку, — говорил Раймундо, и голос его дрожал от возбуждения. — Все подумают, что его убил ягуар.

— Идиот! — сказал Онофрио. — Он, может быть, ещё убил бы ягуара, а ты мог бы устроить себе и более сладкую месть. Его жена...

— Эта месть достаточно сладка, — ответил Раймундо.

На Эстебана упала тень, и он почувствовал дыхание Раймундо. Чтобы обмануть этого бледного, рыхлого «ягуара», склонившегося над ним, не нуж-

ны были никакие травы. Раймундо принялся переворачивать охотника на спину.

— Осторожнее! — крикнул Онофрио.

Эстебан позволил перевернуть себя и тут же взмахнул мечете. Всё своё презрение к Онофрио и Инкарнасьон, всю свою ненависть к Раймундо вложил он в этот удар, и лезвие, со скрежетом задев кость, утонуло в боку Раймундо. Тот взвизгнул и, наверное, упал бы, но Эстебан крепко держал мечете. Руки Раймундо порхали вокруг мечете, словно он хотел передвинуть лезвие поудобнее, в широко раскрытых глазах застыло неверие в происходящее. По мечете пробежала дрожь, и Раймундо упал на колени. Кровь хлынула у него изо рта. Потом он ткнулся лицом в песок и так и остался стоять на коленях, словно мусульманин во время молитвы.

Эстебан выдернул мечете, опасаясь, что на него нападёт Онофрио, но торговец уже втискивался в «лендровер». Двигатель завёлся сразу, колёса прокрутились, потом машина рванула с места, развернулась, слегка заехав в воду, и помчалась к Пуэрто-Морада. Оранжевый отблеск вспыхнул на заднем стекле — словно дух, который заманил машину на побережье, теперь гнал её прочь.

Пошатываясь, Эстебан поднялся на ноги и отодрал рубашку от раны. Крови натекло много, но оказалось, что это скорее царапина. Не оборачиваясь к Раймундо, он прошёл к воде и остановился, глядя на море. Мысли его перекатывались, как волны, — не мысли даже, а приливы эмоций.

Миранда вернулась с наступлением сумерек, неся целую охапку бананов и диких фиг. Выстрела она не слышала, и Эстебан рассказал ей о происшедшем, Миранда тем временем сделала ему повязку из трав и банановых листьев.

— Это пройдёт, — сказала она о ране. Потом кивнула в сторону Раймундо. — А вот это нет. Тебе надо уходить со мной, Эстебан. Солдаты убьют тебя.

— Нет, — сказал Эстебан. — Они придут сюда, однако, они все из племени патука... Кроме капитана, но это пьяница, одна оболочка от человека. Я думаю, ему даже не станут сообщать. Солдаты выслушают меня, и мы договоримся. Что бы там Онофрио ни выдумывал, его слово против их не потянет.

— А потом?

— Может быть, мне придётся сесть на какое-то время в тюрьму или уехать из провинции. Но меня не убьют.

С минуту Миранда сидела молча. Только белки её глаз светились в наступивших сумерках. Затем она встала и пошла прочь.

— Куда ты уходишь? — спросил Эстебан.

Она обернулась.

— Ты столь спокойно говоришь о том, что мы расстанемся...

— Но это не так!

— Не так? — Она горько усмехнулась. — Может быть, и не так. Ты настолько боишься жизни, что называешь её смертью. Ты даже готов предпочесть настоящей жизни тюрьму или изгнание. До спокойствия тут далеко. — Миранда продолжала смотреть на него — на таком расстоянии трудно было понять выражение ее лица. — Я не хочу терять тебя, Эстебан.

Она снова двинулась вдоль берега и на этот раз, когда он позвал её, уже не обернулась.

Сумерки сменились полутьмой. Медленно надвигающиеся серые тени превратили мир в негатив, и Эстебан чувствовал, как такими же серыми и тёмными становятся его мысли, перекатывающиеся в такт тупому ритму отступающего прилива.

Поднялась полная луна, пески загорелись серебром. Вскоре прибыли на джипе четверо солдат из Пуэрто-Морада — маленькие меднокожие мужчины в форме цвета ночного неба, без украшений и знаков различия. Хотя они и не были близкими друзьями, Эстебан знал всех четверых по именам: Себастьян, Амадор, Карлито и Рамон. В свете фар труп Раймундо — удивительно бледный, с засохшими в сложном рисунке ручейками крови на лице — выглядел экзотическим существом, выброшенным на берег из моря, и то, как солдаты обследовали место преступления, походило скорее на удовлетворение любопытства, чем на поиски вещественных доказательств. Амадор поднял пистолет Раймундо, взглянул вверх ствола на джунгли и спросил Района, сколько, тот думает, пистолет может стоить.

— Возможно, Онофрио даст тебе за него хорошую цену, — сказал Рамон, и все засмеялись.

Они разожгли костёр из плавника и скорлупы кокосовых орехов, расселись вокруг, и Эстебан рассказал о происшедшем. О Миранде и её родстве с ягуаром он говорить не стал, потому что эти люди, оторванные от племени правительственной службой, стали консервативны в своих суждениях. Ему не хотелось, чтобы они сочли его сумасшедшим. Солдаты слушали, не перебивая. Огонь костра окрашивал их лица в красно-золотой оттенок и блеснул на стволах ружей.

— Если мы не станем ничего делать, Онофрио подаст в суд в столице, — сказал Амадор, когда Эстебан закончил рассказ.

— Он может сделать это в любом случае, — возразил Карлито, — и тогда Эстебану придётся несладко.

— А если в Пуэрто-Морада пришлют инспектора и он увидит, как тут идут дела при капитане Порталесе, они заменят капитана кем-нибудь другим, и тогда нам тоже придётся несладко.

Глядя на огонь, солдаты долго рассуждали о возникшей проблеме. Эстебан спросил у Амадора, жившего на горе неподалёку от него, не видел ли тот Инкарнасьон.

— Она очень удивится, узнав, что ты жив, — ответил Амадор. — Я видел её вчера у портного. Она примеряла там перед зеркалом чёрную юбку.

Мысли Эстебана словно окутало чёрным полотном юбки Инкарнасьон. Опустив голову, он принялся чертить своим мачете линии на песке.

— Придумал! — воскликнул Рамон. — Бойкот!

Никто ничего не понял.

— Если мы не будем покупать у Онофрио, то кто тогда будет? — спросил Рамон. — Он потеряет дело. Если ему этим пригрозить, он не станет обращаться к властям и согласится, что Эстебан действовал в порядке самообороны.

— Но Раймундо у него единственный сын, — сказал Амадор. — Может быть, в этом случае горе перевесит его алчность.

Снова все замолчали. Эстебана перестало волновать, к чему они придут. Он начал понимать, что без Миранды в его будущем не будет ничего интересного. Взглянув на небо, Эстебан заметил, что звёзды и костёр мерцают в одном и том же ритме, и ему представилось, что вокруг каждой звезды сидят кругом маленькие меднокожие люди и решают его судьбу.

— Придумал! — сказал Карлито. — Я знаю, что надо делать. Мы всей ротой придём в Баррио-Каролина и убьём ягуара. Алчный Онофрио не устоит против такого искушения.

— Этого нельзя делать, — сказал Эстебан.

— Почему? — спросил Амадор. — Может быть, мы его и не убьём, конечно, но, когда нас будет так много, мы уж, по крайней мере, прогоним его отсюда.

Прежде чем Эстебан успел ответить, раздалось рычание ягуара. Зверь подкрадывался к костру — подвижное чёрное пламя на сверкающем песке. Уши ягуара были прижаты к голове, в глазах горели серебряные капли лунного света. Амадор схватил винтовку, встал на одно колено и выстрелил: пуля взметнула песок метрах в трёх слева от ягуара.

— Стой! — закричал Эстебан и сшиб Амадора на землю.

Но остальные тоже начали стрелять, и в конце концов кто-то попал в ягуара.

Зверь подпрыгнул высоко вверх, как в ту первую ночь, когда он играл, но на этот раз упал без всякой грациозности, рыча и пытаясь укусить себя за лопатку. Потом вскочил и двинулся к джунглям, припадая на правую переднюю лапу. Окрылённые успехом, солдаты пробежали несколько шагов за ним и снова начали стрелять. Карлито припал на одно колено, тщательно целясь.

— Нет! — крикнул Эстебан и швырнул в Карлито мачете в отчаянной попытке помешать ему. Охотник уже понял, какую ловушку приготовила для него Миранда и какие последствия его ожидают.

Лезвие полоснуло Карлито по ноге. Солдат упал на землю и закричал. Амадор, увидев, что случилось, выстрелил не целясь в Эстебана и крикнул остальным. Эстебан бросился к джунглям, стремясь добраться до тропы ягуара. Сзади грохотали выстрелы, пули свистели прямо над головой. Каждый раз, когда он спотыкался на мягком песке, залитые лунным светом фасады домов, казалось, бросались ему наперерез, стремясь преградить дорогу. И уже у самой стены джунглей в Эстебана всё-таки попали.

Пуля толкнула его вперёд, но он удержался на ногах. Шатаясь, Эстебан бежал по тропе, с шумом вдыхая и выдыхая воздух, его руки мотались из стороны в сторону. Листья пальм хлестали по лицу, лианы путались под ногами. Боли Эстебан не чувствовал, была только странная усталость, пульсирующая где-то в пояснице. Ему представлялось, как открываются и закрываются, словно рот актинии, края раны. Солдаты выкрикивали его имя. Эстебан понимал, что они, конечно, пойдут за ним, но осторожно, опасаясь ягуара, и решил, что сумеет пересечь реку, прежде чем солдаты нагонят его. Однако, у самой реки он увидел замершего в ожидании зверя.

Ягуар сидел на бугристом холмике, вытянув шею к воде, а внизу, в четырёх метрах от берега, плавало отражение полной луны — огромный серебряный круг чистого света. На плече ягуара адела кровь, выглядевшая как приколотая свежая роза, и от этого зверь ещё больше походил на воплощение божества. Ягуар спокойно поглядел на Эстебана, низко зарычал и нырнул в реку, расколов отражение луны и скрывшись под водой. Через какое-то время вода успокоилась, на ней снова появилась луна. И там, в отражении, Эстебан увидел фигурку плывущей женщины — с каждым взмахом руки она становилась всё меньше и меньше, пока не превратилась в крохотный силуэт, будто вырезанный на серебряной тарелке. Он увидел, как вместе с Мирандой уходят от него таинство и красота, и понял, что был слеп, что не разглядел правду, скрытую в правде смерти, которая, в свою очередь, скрывалась в правде о другом мире. Теперь ему всё стало ясно. Правда пела ему его собственной болью, каждый удар сердца — один слог. Правду описывали угасающие круги на воде и качающиеся листья пальмы. Правдой дышал ветер. Правда жила везде, и Эстебан всегда знал её: если ты отвергаешь таинство — даже в обличье смерти, — ты отвергаешь жизнь и будешь брести сквозь дни своего существования, словно призрак, которому не суждено узнать секреты беспредельности чувств — глубины печали и вершины радости...

Странное ощущение, что боль, расцветающая в спине, проходит, породило новую фантазию — словно бы во все его члены потянулись маленькие тонкие щупальца. Крики солдат становились всё громче. Миранда превратилась в крошечную чёрточку на фоне серебряной бесконечности. Ещё мгновение Эстебан не мог решиться — вернулся страх, — но потом в его памяти возникло лицо Миранды, и все чувства, которые он подавлял девять дней, вырвались, сметая страх, наружу. Серебристые, безупречной чистоты чувства, кружащие голову и поднимающие в небо. Словно слились воедино и закипели у него в душе гром и огонь. Необходимость выразить это чувство, перелить в форму, достойную его мощи и чистоты, буквально ошеломила Эстебана. Но он не был ни певцом, ни поэтом. У него остался лишь один способ выразить себя. Надеясь, что он ещё не опоздал, что дверь в мир Миранды ещё не закрылась навсегда, Эстебан нырнул в реку, разбив отражение полной луны, и с закрытыми после удара о воду глазами поплыл из последних своих сил.

ЛЕВ У ВОДОПОЯ

Рассказ Джека Коупа «Лев у водопоя»

Лев повернул голову, чтобы посмотреть, что там, сзади... И в тот же момент — «Хлоп! Хлоп!» — два выстрела вспороли фонтанчиками плотный слой красного спёкшегося песка впереди него — как будто неожиданно выросли два пучка мёртвой травы там, где ударились пули. Рядом с ним тяжело осела на ноги раненая львица. Там, откуда раздались выстрелы, появился серо-голубой предмет — грузовик. Те, кто стрелял из него, боялись вылезти наружу. Лев тоже был очень напуган. И разъярён.

Люди в грузовике убили одну львицу, двух уже подросших львят и ранили вторую львицу; сейчас они преследовали её и в особенности льва. Они стреляли по нему из машины, которая кружила по песчаному насту меж дюн, и попасть в цель было трудно.

Раненая львица и лев преодолели подъём с другой — подветренной — стороны дюны. Перед львами была широкая пепельно-серая песчаная ложбина, а за ней поднимался красный горб следующей большой дюны, уходящей двумя отрогами к неверному мерцающему свету горизонта, дюна за дюной — бесконечный песок до самого дальнего края пустыни. Ни дерева — одни низкорослые холмики верблюжьей колючки, соляного куста и реденькие пятна-кочки луговника — пепельные, серебряные и голубые в свете заходящего солнца. И в самом центре этого тускловатого песчаного наста одинокое, притягательно зелёное пятно растительности — кустарник трасси (трасси — растение из семейства кипрейных), плотный и достаточно высокий, чтобы надёжно спрятаться в нём.

Львы поплелись к этим кустам — единственному на видимом пространстве укрытию, если не считать призраков — тенистых деревьев пустынного миража. Львица волочила своё отяжелевшее тело, не чувствуя кустарниковых колючек: они царапали кожу на боках, вырывали клочки шерсти. Сзади тяжело продирался сквозь буш лев; он опустил морду, чтобы не поранить её, и колючки потрескивали в его густой, тяжёлой гриве, прочёсывая её. Глубоко в зарослях львица обнаружила в сплетении ветвей пустой муравейник и упала в него на бок. Лев лёг рядом и стал лизать её рану.

Когда грузовик перевалил через дюну, люди догадались, что их добыча могла спрятаться только в одном на много миль вокруг прибежище. Но было

слишком опасно выманивать разъярённого льва из трасси-буша. Они боялись вылезти из машины, боялись охотничьих патрулей и боялись наступавшей темноты. Поэтому решили некоторое время покружить около зелёного островка. Один из них залез на крышу кабины, пытаясь разглядеть что-нибудь оттуда, но безуспешно. Каждый раз, когда грузовик замедлял ход на повороте, этот человек поднимал к плечу винчестер и палил по кустам. Но кусты не отвечали — ни звуком, ни движением.

У людей в грузовике времени оставалось в обрез. Солнце ушло далеко на запад. Они отчаялись заполучить оставшихся львов. Началась игра в «американские горы» по красным ребрам пустыни: им нужно было успеть дотемна удрать в Ботсвану. Вначале яростная атака всеми четырьмя ведущими колёсами машины на крутой склон дюны, потом маленький крен на вершине и плавный спуск с наветренной стороны. В кузове лежала убитая львица и два львёнка-подростка.

Уже не было времени останавливаться и свежевать их; они сделают это ночью или на рассвете, а туши оставят гиенам или зароят в песок. Шкуру львицы продадут туристам долларов за сто, а те, что поменьше, пойдут по шестьдесят. Большой лев мог бы принести значительный куш. Он был огромный, «призёр», как говорят, больше не бывает, а львы Калахари и без того считаются самыми большими в Африке.

Лев облизывал мёртвую львицу всю ночь. И время от времени подталкивал её носом под бок, чтобы она встала. Львы охотятся ночью, и он не хотел идти один, без неё. В такое время оставаться долго на одном месте нельзя. Что заставляет целое стадо газелей-прыгунов, всех одновременно с опущенными вниз головами сгрудиться и начать раскатываться медленной волной по своему треку? Маленькие и большие антилопы, страусы и крылатые птицы, голубые гну и жирафы — все знают, когда нужно уходить из пустыни. Уходить, чтобы выжить, спастись от голода. Львы тоже это знают. Большой лев, его две подруги и «подростающее поколение» уже много дней уходили из дикой, покинутой животными пустыни, по спёкшемуся песку, сквозь колючие кусты, через дюны. Львов было больше вначале, но все остальные пали от пуль браконьеров на долгом треке, пока не осталась только эта семья.

Львица окоченела, и уже маленькие беспокойные насекомые стали подбираться к её телу; мухи, несмотря на ночь, учуяли запах смерти и медленно и беспорядочно летали, подобно искрам, в лунном свете. Лев поднялся и, опустив голову, издал мрачный и глухой рёв — вопль одиночества. Он продрался сквозь тернистые кусты к краю буша и выглянул. Кулик маленькой стрелой взлетел кверху, оставив шлейф мгlistой пыли на лунной дорожке. Облака, похожие на чешуйки рыбьего бока, отсвечивали первыми лучами рассвета. Утренняя звезда, большая и близкая, плыла в притихшем небе.

Лев тронулся в путь один.

На рассвете между двумя красноватыми отрогами дюн появился зелёный грузовичок охотничьего патруля. К борту кузова наклонился бушмен и хлопал по стальной обшивке кабины. Машина остановилась. Бушмен спрыгнул, и вслед за ним два обугленных солнцем объездчика в хаки и фетровых

шляпах с зелёными кокардами. Они увидели чужую автомобильную колею на песке; бушмен прошёл немного вдоль колеи вперёд, потом вернулся.

— Давние следы, Хенрик? — спросил его старший объездчик.

— Вечерние, — ответил бушмен.

Они ехали вдоль колеи примерно с полчаса до того места, где браконьеры повернули к открытой границе. Преследовать их уже не было смысла, и патрульные вернулись по той же колее назад — не найдут ли они ещё каких следов... Бушмен Хенрик залез в буш и почти у края кустов обнаружил свежий след льва.

— Кгам'ма! — воскликнул он. — Лев!

Остальные подошли и молча смотрели на след.

— Это царь всех львов, — сказал, наконец, Хенрик на африкаанс.

— Ты знаешь его?

Бушмен удивлённо покачал головой и с восхищённой улыбкой измерил своей маленькой ладонью отпечаток огромной лапы.

— Кгам'ма, оубаас ван ди ле-еус! (Царь всех львов!) — повторил он.

Они нашли недалеко меньшие и более старые следы львицы и сгустки крови, и Хенрик по запаху учуял её мертвое тело в зарослях. Извиваясь змейей, он полез с буксирным тросом в чащобу, и львицу вытащили на открытое место. Пуля прошла через лёгкие вверх и застряла под самой шкурой в ключице. Барнабас, молодой объездчик, выковырнул её оттуда ножом — она была только слегка сплющена.

— Па, винчестер 309, — сказал он старшему объездчику, своему отцу, передавая пулю. — Я догадываюсь, кто это сделал. Гады!

Хенрик пошёл по следу Кгам'мы. Потом он сбросил зелёный мундир и ботинки и побежал вприпрыжку вперёд. Грузовичок катил следом, повизгивая и буксуя на крутых склонах рыжевато-красных дюн. Милую за милей бушмен бежал без передышки. Солнечные лучи жгли его бронзовую с золотистым отливом кожу и редкие прядки волос на голове. Следы большого льва привели в высохшее русло реки — мелкое, засоренное столетними наносами, с несколькими серебристыми деревьями терновника и соляными кустами. Хенрик остановился и со словами «Он близко» залез в грузовик.

— Ясно, — сказал Симеон, старший объездчик. — Он идёт со стороны Ботсваны — «пасёт» травоядных на их «треке жажды» и, как мне кажется, держит путь сейчас к Нособскому водопою (Нособ — высохшая река на западе пустыни Калахари в Южной Африке).

— Хотел бы я повстречаться с ним... — сказал сын.

— Повстречаешься, когда придёт время. Не волнуйся.

Они покружили по пескам ещё немного, но в тот день Кгам'мы так и не увидели. И никто больше пока не видел его. Пустыня огромна, и лев мог легко раствориться, исчезнуть в её нехоженных просторах, прячась днём в кустах и одиноко бродя под звёздным полотном ночами, а то и «на пару» с пыльным смерчем или грозой.

Однажды человек из Рамахоелы заблудился в безумной попытке пересечь пустыню пешком и, прикорнув вечером на корнях верблюжьей колючки, ус-

нул; а когда проснулся, увидел рядом с собой льва. Человек подумал, что он бредит или уже стал духом, и зажмурил глаза, чтобы прогнать видение. Бушмен Хенрик там и нашёл его — крайне испуганного, и стоило большого труда убедить беднягу, что тот на самом деле видел льва. Лев убил бейзу — быка, насытился, а остатки уже растащили гиены и шакалы — кости валялись на пятьдесят ярдов вокруг. Лев ушёл дальше, но его следы, по словам бушмена, «больше других подходят на следы Кгам'мы».

Три недели спустя Симеон взял с собой Хенрика — одного — в очередную патрульную поездку. Они работали вместе давно, ещё с тех пор, когда река Нособ была полноводной — тому лет тридцать. У старшего объездчика были два врага: воры, браконьеры и живодёры — это внешний враг, и засуха — «внутренний». Симеон правил своей территорией — уголком пустыни, не меньшим, чем, скажем, Ирландия, — со всей справедливостью. Ему всё живое было одинаково дорого: и большая антилопа, и бейза, и канна, и маленький дукер, и воинственный орёл, и птица-ткач, и черепаха, и древесная змея, и ящерица, и гиена, и лев. В первозданной природе пустыни человек — разрушитель, звери глядят расширенными от удивления глазами на странный предмет — движущийся грузовичок — до тех пор, пока человек не вылезет из него и не станет самим собой, со знакомым запахом убийства, и тогда они узнают его.

И сейчас, как только два человека вылезают из машины у водооя, антилопы-бейзы вскакивают и, откинув назад свои сабли-рога, с развевающимися тёмными хвостами, словно флагами на горячем ветру, несутся прочь, оставляя цепочки следов на твёрдом песке; страусы подаются вперёд на своих длинных ногах-ходулях, и стервятники, подобно грязным нищим, ждущие своей последней очереди у водооя, то и дело приподнимаются в воздухе. Симеон подходит к выводной трубе источника и пробует воду, накачиваемую скрипучим ветряком. Она была солоноватая и горькая, почти непригодная для человека, однако, животворная для обитателей пустыни. И её здесь много.

Потом они оба отходят от водооя в разные стороны — читать следы. Симеон оставляет свою винтовку в машине, как он всегда делает в таких случаях, и бушмен тоже безоружен. Над ложем реки возвышается известняковая гряда, вся исчервлённая дикими пчёлами, устроившими здесь свои ульи, и с норами, где днём спят гиены или устраивают логовища леопарды. Симеон и Хенрик с разных концов взбираются на эту гряду — оттуда далеко видны заросли серо-голубых кустов и рябь песчаных дюн, подобно морским волнам уходящих в бескрайний красноватый океан. Они идут вдоль гряды, отмечая про себя всё интересное: и состояние растительности около водооя, и малейшие следы на песке, и клочок жёсткой, как проволока, общипанной травы, и пупырчатые горькие огурцы, и плотный кустарник «три колючки», почти безлистный, но съедобный, а рядом и вокруг — сонмище птиц, пауков и всякой другой мелкой живности, соседствующей здесь под общим горнилом солнца.

Хенрик вдруг окликнул Симеона, и тот остановился. Бушмен сигнализировал скорее назад! Не оборачиваясь, Симеон начал пятиться в его сторону. И тут он увидел, в чём дело... Среди соляных кустов и стелющихся ветвей вер-

блужьей колючки укрылись, почти невидимые со стороны, львы — не более чем в двухстах ярдах от людей. Львы лежали, разомлевшие от полуденной жары, но Хенрик отступал со всей быстротой, на какую был способен, к машине. Оба пригнулись и старались двигаться бесшумно, пока звери не исчезли из глаз. На всякий случай укрылись в известковой норе, а потом стремительно перемахнули через каменный гребень в ложбину.

— Ты чего так напугался? — спросил Симеон.

— Кгам'ма... — бушмен произнёс это слово так, что сомнений не осталось. Симеон взял в машине бинокль и, взобравшись на безопасном расстоянии на гребень, снова стал внимательно наблюдать. Там, где они увидели зверей, остались две львицы, а самец уже вылез вперёд, ближе к людям, и припал к земле у карликового кустика. Он ждал их.

— Он к нам подкрадывается! — сказал Симеон.

— Ого!

— У нас считанные секунды — надо сматываться быстрее. — Симеон снял шляпу и поднял её над головой — лев изготавился к прыжку, пригнув голову...

Они скатились с обрыва и побежали к грузовику. Бушмен уже ничего не говорил. И так было ясно, насколько опасен сейчас Кгам'ма. Он нашёл себе новых подруг, намерен защищать их... и, кажется, не хочет покидать водопоя.

Небольшое стадо каракулевых овец, содержащихся на мясо для стойбища и окрестных бушменских семей, паслось на выгоне за высохшим руслом. Каждые два дня пастух приводил их в стойбище на водопой. Ночи этот пастух коротал у костерка, пристроившись под кустиком верблюжьей колючки. И в самое жаркое время дня он дремал там, а овцы, сгрудившись, прятали от жары головы под брюхом друг у друга. Спустя неделю после того, как вновь был обнаружен Кгам'ма, пастух ночью крепко уснул, а костерок его потух. Лев забрался в гурт и разогнал-расшвырял овец в разные стороны. Пастух — ни жив ни мёртв — слышал страшный львиный рык, хруст костей и топот копыт разбежавшихся овец. На рассвете он побежал за помощью на стойбище.

Симеон отправился с охотниками на место происшествия. Стадо рассеялось в радиусе восьми миль, и из семидесяти трёх овец примерно треть была убита. Съел лев только одну. Хенрик прошёлся немного по следу.

— Ну?

Бушмен покачал головой.

— Это большой лев.

— Тот же самый?

— Как будто он, Кгам'ма. Но хромой на одну ногу.

Симеон не знал, как ему быть. Такое яростное избиение домашнего скота — случай беспрецедентный в его жизни. Он тоже подозревал, что это сделал Кгам'ма, но полной уверенности у него пока не было.

— Ты думаешь, что его нужно стрелять, па? — спросил у него сын Барнабас.

— Не хотелось бы. Я не убивал зверей уже тридцать лет. Но этот зверь особый. Его нужно стеречь, если это тот самый.

— Хотел бы я увидеть его, па...

Старый объездчик сощурил свои пронизательные синие глаза от солнца и достал курительную трубку:

— Ты его увидишь.

Лев кусал, лизал и грыз колючку, застрявшую в подушечке передней лапы. Лапа уже так распухла, что нужно было держать её всё время на весу, и приходилось ходить, прихрамывая, на трёх лапах. Ещё нужно было прогонять других самцов от своих двух новых львиц, а он теперь в невыгодном положении. Слишком стар, и большая лапа сделала его слабым. Каждый день львицы убивали у водоёма голубого гну или большую бейзу, и он ел, хотя сытости от этой еды ни разу не почувствовал. И однажды ночью, когда боль усилилась и пошла по всей ноге, он решил уйти. И он оставил водоём с горькой водой и увёл обеих львиц с собой, хромя и свирепо рыча на них. И они пошли с ним. Они огрызались на его свирепые рыки, но были слишком покорны, чтобы сопротивляться или ослушаться. Они будут его подругами столько, сколько он пожелает. И поэтому они пошли за ним от высохшего русла к рассвету, к жизни. Ночь была лунная, и ветер кончился, а ветер мог бы замести их следы...

Они спали днём, а потом шли дальше. Львицы высматривали добычу, но они ведь далеко ушли от красных песков, и здесь не было больших антилоп. Они убили газель-прыгуна и пили её кровь. Но крови было мало для Кгам'мы, и он томился жаждой. Третью ночь они уже никого не убивали. И четвёртую. Три зверя лежали рядом в призрачной тени серо-голубой древовидной акации, с опущенными головами и, наострив уши, ждали...

Кгам'ма поднял голову, и львицы тоже насторожились. Они услышали слабый, чужой звук в отдалении, и шесть прижмуренных глаз повернулись туда, откуда этот звук шёл. На краю дюны в слепящем солнечном свете появилась на двух лапах фигура, остановилась и вдруг побежала назад, кгам'ма опустил голову и подобрал задние лапы. Львицы поднялись и затрусил прочь. Незнакомый шум усилился, и большая тень пересекла поверху дюну, там, где появилась незнакомая фигура, и оттуда надвигалась прямо на них, на львов... Львицы первыми пустились наутёк. За ними потрусил и Кгам'ма. Ослабевший и хромящий на одну ногу, он кое-как перепрыгнул через кусты и влез на ближайшую дюну. Оттуда стал высматривать, где бы спрятаться, но вокруг ничего подходящего не было. Только в небе над ним победно кричал большой ястреб — творение воздуха и поднебесья, серебряная грудь и серебристо-чёрные крылья, он был свободен, он кружил над землёй и нырял в глубину неба.

Львицы вприпрыжку пересекли ложбину между дюнами, а Кгам'ма плёлся сзади. Грузовик стал преследовать его, машина взвизгивала, урчала и кренилась на крутых подъёмах и убыстряла ход на пепельно-серых настах. Кгам'ма резко отклонился от курса, и грузовик крутанул за ним. Автомобиль повис у своей жертвы на хвосте, изматывая её.

Симеон вёл грузовик, а Барнабас с обоими бушменами-следопытами стоял во весь рост в кузове. Одной рукой он ухватился за поручень, а в другой держал наготове самострел, заряженный коротенькой стрелой. Грузовик

стал сближаться со львом: шестьдесят, сорок, тридцать ярдов... Затем Симеон замедлил ход, давая сыну выстрелить... Тот поднял самострел к плечу и, почти не целясь, нажал на спуск. Стрела с анестезирующим зарядом попала льву в плечо.

Симеон круто развернул машину и дал полный газ. Кгам'ма тоже повернулся к своим преследователям для последнего прыжка. Расстояние между ними ещё сократилось, и лев издал могучий рёв-рык убийства. Бушмены сбросили с грузовика ему под ноги несколько грубых мешков.

Кгам'ма бросился на один и распорол его, рыча и катаясь в пыли. Ровно через двенадцать секунд после выстрела огромное тело льва обмякло, и «возмутитель спокойствия», наконец, утихомирился.

Люди оставили Кгам'му там, где он лежал, и погнались за львицами, которых благополучно успокоили тем же способом...

Кгам'ма растянулся на полу грузовичка во всю его длину, и казалось, даже сейчас, в бессознательном состоянии, глаза его смотрели на людей с вечной, неистребимой враждебностью. Люди измерили его в длину — от носа до «кисточки», осмотрели его зубы и очистили от клещей уши. Барнабас вскрыл ланцетом загноившуюся подушечку на передней лапе, вытащил колочку и дренировал рану, потом в подрагивающее мускулами бедро ввёл «львиную дозу» пенициллина. Напоследок поставил на крестец железным клеймом опознавательный номер — «17».

Одиннадцатью часами позже все трое львов очнулись в сухом русле реки Авоб. Две газели-прыгуна были застрелены и оставлены для них. Кгам'ма постоял, шатаясь, на ногах, потом начал медленно лизать шершавым языком заживающую рану на лапе.

Он со львицами остался здесь, не уходя далеко от пресноводного источника. Он ждал. Обе львицы в положенное время принесли по три лъвёнка. Каждый день они убивали бейзу или голубого гну. Обездчики заметили Кгам'му один раз, да и то на далёком расстоянии в бинокль, и бушмены несколько раз узнавали его следы. Потом лев однажды ночью снялся с места и втайне от всех двинулся снова к старому водопою с горькой водой в русле Носова. И всё семейство увёл с собой.

Симеон шёл рядом с сыном. Они разговаривали и смеялись, отчего синие глаза Симеона превратились в две совсем маленькие щёлки. Он был безоружен, как обычно, а Барнабас нёс свой скорострельный винчестер на сгибе локтя. Хенрик немного отстал от них и шёл левее. Соляной куст и верблюжья травка росли по всему высохшему руслу, а бледные ветки смородины были усыпаны жёлтыми и красными ягодами. Недавно прошли дожди, и кусты тёмно-красного геймсбокграсса (геймсбокграсс — растение, особенно любимое антилопой геймсбок) были полны семян, похожих на большие пятна крови в пепельно-серой пыли.

Хенрик негромко прищёлкнул языком, и в тот же момент отец и сын увидели торчащие над кустарником львиные уши у ствола павшего терновника. Примерно в двадцати ярдах.

— Обойдём, — сказал Симеон. — Я хочу посмотреть на него. Он не нападёт.

— Оубаас (царь зверей), Кгам'ма! — сказал бушмен.

— Он не станет нападать на нас. Уйдём спокойно.

Хенрик и Барнабас стали медленно пятиться. Барнабас взял ружьё наизготовку, не выпуская льва из поля зрения и бросая быстрые взгляды на отца. Они спасли льва от смерти, и всё же он был очень опасен.

— Не лучше ли убить его, па? — спросил он тихо.

— Нет, сохраним ему жизнь. Он даже не шевельнулся.

Симеон снял шляпу, чтобы лев кинулся на неё в случае чего. Он долго не мигая смотрел прямо в жёлтые зрачки льва, и тот отвёл глаза. Оба спутника Симеона под прикрытием пыльной завесы медленно отходили назад.

Лев вдруг отвернулся, поднялся на ноги и медленно вихляющей походкой пошёл в противоположную сторону. Симеон смотрел, как он уходит. Потом вынул носовой платок, отёр лицо и надел шляпу. Лев прошёл тридцать шагов или около того и скрылся за кустами.

— Всё в порядке. Теперь быстро назад! — повернулся Симеон к своим спутникам. Когда он обернулся через мгновение, то снова увидел Кгам'му, который поднялся вдруг из-за кустов и скачками двигался на них. Он напал...

— Осторожнее, Барнабас! — Симеон приготовился отскочить в сторону. Челюсть льва отвисла в устрашающем рыке — рёве убийства.

В тот же момент Барнабас выстрелил — через отцово плечо...

Они долго молчали. Бушмен подождал, пока мускульная дрожь у льва прекратится, и тогда подошёл осторожно к мёртвому телу. Он присел на корточки на расстоянии вытянутой руки от Кгам'мы и потрогал его за ухо. Выдернул несколько волосков из длинной рыжевато-коричневой гривы и наматал их на палец.

— Эх ты, горемыка. Зачем опять сюда пришёл?.. — сказал он тихо.

Валерий Неудахин
(Россия, г. Бийск)

ФАСОЛИНЫ

Однокомнатная квартира. Мы сидим с бабой Таей, пьем чай и водим беседы. Комната украшена рукоделием старой женщины: на кровати вышитые подушки и покрывало. Старенькая мебель, отполированная ежедневными прикосновениями рук, заботливо украшена салфетками, связанными крючком. Самотканые коврики и дорожки. Шитые замысловатым узором Ришелье занавески. В этой комнате не найти места, где не прикоснулась заботливая хозяйка, даже в простенках картины, шитые крестиком, тесно располагаются на свободном пространстве. В этой красоте спокойно и радостно! Сколько же труда и времени положено на это великолепие? Сама старушка в расшитом платье, фартук украшен шитьем больших и красочных цветов. Платок на голове, покрывающий волосы, и тот в бережной славянской вышивке.

Познакомились мы случайно, хотя и живем в одном подъезде. В наше время сложилось так, что совместное пребывание в одном пространстве ни к чему не обязывает. Мы здороваемся при встрече, улыбаемся и не более того. Держимся на расстоянии, словно опасаемся сближения, вдруг это чему-то обяжет. Кругом знакомые лица, а добрых соседских отношений не наладилось. Жена знакома со всеми жителями, к ней часто обращаются. Старые люди вообще ее стихия. Они подкарауливают ее и закупают разговоры, приглашают в гости, угощают чаем. А за разговором раскрывают тайны, обращаются с просьбами.

Бабе Тае мне довелось чинить розетку. Открутил и снял крышку, зачистил контакты и надежно их закрепил. Ничего сложного, но с тех пор прослыл знающим человеком, умеющим «неисправность наладить». Привезли как-то грунт на газон у подъезда, все заняты и в делах, разбрасывал чернозем с женщинами, тут же и старая соседка с ведерком не могла пройти мимо общественного труда. Зато теперь у подъезда цветник, радует глаз разнотравьем.

На этом уровне и складывались наши соседские отношения, не более того. Три дня тому назад приехала «скорая помощь», всегда происходит подобное ночью. У бабы Таисии сердце прихватило. Комната превратилась в приемную врача: народу битком, все знающие люди. Рассказов и случаев припомнилось не один, а вот заботу проявить... Поставили укол, выписали лекарства, посоветовали обратиться к участковому терапевту. Настаивали родным сообщить, чтобы дня три понаблюдали ее. Тогда и открылось, что старушка одна в этом городе, и вообще у нее нет родственников. Никого!

Разговор проходил в подъезде. Странно смотреть, как обеспокоенные соседи изображали крайнюю озабоченность и под предлогом занятости

на работе разошлись по своим квартирам. Вызовом врача, покупкой лекарств и продуктов занялась жена. На второй день налила фасолевого супа в банку и попросила отнести старушке. Баба Тая уже неутомно передвигалась по квартире, несмотря на рекомендации отлежаться.

— Бабушка, суп покушайте. Свежий, фасолевый.

И осекся. Женщина отказалась от супа, под предлогом, что не ест фасоль. Она морщилась, сиюсь показать радость от посещения ее соседом, но что-то мешало ей. По щекам, изрезанным морщинами прокатились две слезинки, затерявшиеся в складочках кожи. А она пыталась промокнуть их носовым платком и уже всхлипывала, как маленький ребенок, не в силах остановиться. Перетрухнул я сильно, сердце-то больное. Чем нечаянно довел до рыданий старушку?

— Не обращайтесь внимания. Тяжелые воспоминания молодости, не более того. Вашей вины в том нет, расскажу как-нибудь, почему так отреагировала.

И вот мы пьем чай, я слушаю рассказ замечательной русской женщины, на судьбу которой выпали испытания войной. Только сегодня узнал, что соседка наша воевала, прошла войну медсестрой.

— Росла я в детдоме, оказалась в нем уже большой девочкой, лет пяти от роду. Отец с матерью жили в Сибири, в крепкой рабочей семье. Но что-то не сложилось в их жизни, смутно помню об этом из разговоров детства. Опасаясь ареста, молодая семейная пара вынужденно переехала в город на Волге, родители устроились на Сталинградский тракторный завод. Снимали угол у одной семьи, тесно и голодно доводилось. Но проработали недолго. Арестовали их то ли по доносу, состряпанному органами здесь, то ли пришли документы со старого места жительства, в таких тонкостях маленькая Таисия не могла разобраться.

Постучали ночью, маленькую девочку забрала тетя в форме, а родителей посадили в машину и увезли. Так и оказалась в детском доме. После этого жизнь проходила в казенном учреждении, без ласки, без материнской заботы, без надежной отцовской защиты. Даже лица родителей не помнила, только крепкие, пропахшие машинным маслом руки отца и полеты к небу. Он любил подбрасывать дочку по возвращении с работы. А она запомнила навсегда замиранья сердца от высоты, надежность рук и этот запах.

Жилось голодно, преследовал холод, но не одна оказалась здесь, и вместе с подругами и друзьями поднималась и выравнивалась. Началась война, Тае исполнилось шестнадцать лет. Первый год работала на заводе. Но вот враг решил ударить на юге и уже в июле первые самолеты появились в небе над городом. Собрали девчонок из рабочей молодежи и направили на курсы медсестер. Думалось: неужели все так страшно и опасно? Но запоминали, что говорилось и чему обучали. Как же ей пригодились эти знания, с ними она прошла всю жизнь.

Занимались в школе: ученики на каникулах, классы оказались наилучшей аудиторией. Еще слышался изредка смех в коридорах. Но все чаще он прерывался сигналом воздушной тревоги. Враг бомбил все, что попадало на глаза. Казалось, поставили задачу перед собой снести с лица земли го-

род. Разбомбить все здания и жителей превратить в прах. Растереть все живое по руинам разрушенных зданий, стереть память! Самая страшная бомбежка началась 26 августа в шестнадцать двадцать местного времени, массированная бомбардировка превратила в руины большую часть города. Вспыхнули пожары, казалось, огонь везде. От жары трещали волосы, волдырями покрывалась кожа. Инструктор, старый дядька, проводивший занятия с девочками, собрал их на футбольном поле. Вскоре стены школы обрушились, облака пыли накрыли группу и, они спаслись тем, что превратились в серые фигуры от кирпичной крошки и штукатурки, неразличимые на сталинградской земле.

Должно быть, ад продолжался вечно, от города остались одни развалины. Пожар возникал от лепестков фольги, смазанных фосфором. На воздухе состав вспыхивал, горел ярким и жарким пламенем. При попадании на кожу прожигал ее до кости и, погасить такой огонь казалось невозможным. Два часа девочки не смели оторваться от земли, только причитали и звали маму в невысказанном грохоте и хаосе. Звала и Тая, ту, которой давно не помнила. А защитить просила! Наконец, подгоняемые криками педагога, поднялись, стряхнули пыль, и с санитарными сумками побежали к установленному месту сбора. Повторяли движения взрослого дядьки, прошедшего Гражданскую войну здесь же в Царицине, так тогда город назывался. Учитель пригибался к земле, петляя между кучами битого кирпича. Она не помнила, сколько пробежали таким образом, остановил крик женщины в белом некогда халате. Нижняя половина тела была прижата большим осколком плиты, из-под которой набежала лужа крови. Медичка сквозь грохот молила о помощи.

Роддом, находившийся в здании, превратился в руины. Свободная часть серой от пыли улицы усыпана крупными белыми фасолинами в красную крапину. Среди них ходила молодая женщина и причитала тонким высоким голосом. Тая не поняла первоначально ничего, только отпрянула в сторону: стошнило подружку. И через секунду ее согнуло в поясе и вывернуло от самого желудка от понимания того, что они видят. Взрывом выбросило из палаты народившихся запеленатых деток и тут же посеколо осколками. Санструкторы бегали и собирали в одно место свертки, не понимая, стряхивали с них пыль и укладывали в ряд. Один новорожденный пикнул, когда стряхнули пыль, потом заплакал во весь голос. Обезумевшая женщина перехватила ребенка и с криком: «Мой», — прижала к груди. После чего беспечно побрела, оберегая «фасолину».

Остаток дня получившие боевое крещение санитарки металась по развалинам и оказывали помощь оставшимся в живых. К вечеру собрались на берегу реки и без сил повалились в горячий песок. Инструктор принес булку хлеба и несколько крупных помидоров. При их виде у девочек вновь началась тошнота: разве до еды после увиденного? Ночью не бомбили, группа привела себя в порядок: умылись, постирали одежду.

Наутро Таю отправили сопровождать детей, группу с Кавказа, которых не успели эвакуировать и переправить на другой берег. На баржу погрузились жители города, дети и раненые бойцы. При подходе катера к берегу в небе появилась очередная партия самолетов. Началась бомбеж-

ка. Высадку организовывать некому, взрывной волной разворотило рубку, посеколо осколками и из экипажа никого в живых не осталось. Раненые отталкивали девушек: идите к детям, им помощь оказывайте, их спасайте. А самолеты заходили на бреющем и посылали очередь за очередью, пока не закончились боеприпасы. Берег запестрел белыми рубашками и красными галстуками убитых детей. Живые взрослые собирали мальчишек и девчонок и отводили в сторону от уреза воды.

Казалось, не выдержит сердце, разорвется и расколется на куски от этой жуткой реальности войны. Да жизненная сила против врага держала, не давала опускать руки. Город держать и людей спасать — других мыслей не допускали до себя.

Она не могла не вернуться. Вскоре оказалась зачисленной в штат подразделения, соврала про возраст: документов все равно нет. Исполняла обязанности медсестры, трудностей хватало. Направляли в такие места, где взрослый мужик пройти не мог. Худенькая и ловкая, она пробиралась во все щели. Приходила и оказывала помощь тем, кто и надежду уже потерял. Бывало, не может протиснуться, так снимет с себя телогрейку и ватные штаны, разденется до исподней рубашки и протиснется между торчащих арматур. А враг, он тоже не дурак, заметит белое и наблюдает, чтобы пулю пустить. Видит, подлец, девчонка ползет, но отличиться стремится. Говорят, им отпуск давали за убитых. Супротив девушки с санитарной сумкой конечно сподручнее воевать, чем с вооруженным противником.

Так и проползала в развалинах, в снегу всю кампанию сталинградскую. Затем смотрела на немцев, вели их пленных по тому месту, где они детей погибших собирали, не успевших пожить, не сделавших полноценного вдоха, не успевших мать криком порадовать. Потом выносила бойцов с передовой, несколько раз была ранена, легко, Бог миловал от тяжелых. Получала награды, серьезно ранило в конце войны в пригороде Берлина, так что Победу встретила в эвакогоспитале, который вез ее в родную Сибирь.

Попала на лечение да словно судьбу выбрала. На ноги поднялась, помогать медсестрам принялась. Пригласили остаться, согласилась, и вскоре работала в городской больнице. Со временем перешла в «Скорую помощь» и до ухода на пенсию разъезжала по городу и оказывала первую медицинскую помощь. Звали замуж, девка-то боевая, не смогла. Только закроет глаза — белые фасолы в красную крапину. Работала на износ, думала, забудется. Нет!

Каждый год 26 августа ездила в детский дом и возила подарки. Ночь — нет, да вскрикнет, причудятся свертки с новорожденными среди развалин.

— Вот потому и не люблю фасоль. Ты уж не обессудь, больно мне на нее смотреть.

Чай вкусный у бабушки Таи. Травяной! Храни ее Бог, девочку — санитарку, прошедшую ад войны.

ТЕПЛЫЙ СНЕГ САКСОНИИ

Светлый праздник Рождества пришел на Саксонскую землю. В этом году очарование и волшебство события украсила природа. Второй день идет, не прекращаясь, снег. Он засыпал тротуары и тропинки, превратил дороги в непроходимые участки. Службы не справлялись с обилием снегопада, и вскоре ряд направлений закрыли для движения. Жизнь замерла и остановилась среди огромных сугробов, указывая дымами местоположение домов и поселков, кемпингов и баз отдыха. Среди белого безмолвия усердно прокапывали дорожки жители, пытаясь убедить приехавших на праздник отдыхающих, что живы и беспокоятся об установленном порядке.

Горнолыжные трассы не в состоянии принять катающихся на лыжах, простаивали в ожидании схода лавин. Но даже при такой погоде смельчаки поднимались в горы, чтобы увидеть местные красоты и каким-то образом скрыть бездействие. Огромные ели, усыпанные снегом, склонились головами вниз и соединились макушками, принимая новые порции зимних осадков. Возникли тысячи арок, украшая волшебный лес невидимыми доселе переходами в гуще деревьев. Казалось, возникли тоннели в царственном великолепии снега, льда и хвои.

Старый Фриц Рехберхер сидел в кресле-качалке, укутанный пледом, толстые шерстяные носки бережно согревали ноги. Мирно покачивался с полузакрытыми глазами, изредка брал в руки бокал с вином и делал небольшой глоток. Добрый табак в трубке издавал аромат, напоминая о поездке на теплые острова Америки, состоявшейся прошедшим летом. Любовь к старому особняку, с большим холлом на первом этаже, нескончаемым количеством комнат влекла в такие моменты, напоминая каждым элементом о богатой истории дома и семьи. Но Фриц предпочитал библиотеку, где уютные шкафы и стеллажи для книг из темного прочного дуба пристроились под потолок, храня в своих недрах старые и удивительные фолианты возрастом свыше ста лет. Большой камин, прокопченный внутри, с жарким пламенем горящих дров, согревал и придавал уют и необычность окружающему пространству.

В задумчивости хозяин пошевелил дрова. Холодный воздух проник под плед и напомнил о снегопаде. Пришлось пошевелиться, чтобы подоткнуть плотнее ткань, но воспоминания вдруг заставили подняться, пройти по глубокому ворсу ковра к письменному столу. Повернулся ключ в замке, щелкнула задвижка, и выскочил небольшой потайной ящик стола. Фриц взял в руки фотографию, на которой запечатлен в военной форме, вместе с любимой Эльзой в далеком 1941 году. Они несколько дней, как обвенчались. И вскоре он убыл на восточный фронт, который сулил большие перспективы для тех, кто оказался в армии.

Эту фотографию он не любил показывать родственникам, слишком личной казалась она ему. Скрывала некую тайну, в которую не хотелось никого пускать. Лишь в дни воспоминаний, когда память возвращала его в заснеженные развалины, доставал и вновь переживал те ужасные ощущения,

что испытал на далекой земле в царстве русской сумасбродной, поглощающей пространство и время, зимы.

Вновь утонул в глубине кресла, держа фото в руке. Потянувшись, взял бокал и сделал два больших глотка. Закрыв глаза и словно шапкой снега обрушились воспоминания молодости. Не столь безоблачной, как мечталось. Дунул ветер на улице, загудел дымоход камина, ярче вспыхнули дрова. Стыло и пусто в душе, неосознанно больно от воспоминаний. Но никуда их не деть. Что прожито, всегда приходит, будоража память и тревожа сердце. Особенно допущенные в прошлом ошибки, пусть и не по своей вине.

Они попали в огромный котел, который захлопнулся далеко на западе. Перед ними лежали руины города, разрушенного до основания. Разрушенного ими. Что они окружены, пока не знали. Связи со своими штабами так и не было. Втроем их, солдат роты связи, отправили на линию, чтобы восстановить линию, прерванную во время обстрела. Казалось обыденная задача для войны, но затянулась она на долгие годы потерянного безмолвия. Неисправность нашли и в телефонную трубку услышали нервную речь своих генералов, не скрывающих ужасного положения, в котором оказались соединения. Паники не чувствовалось, но какая-то безнадежность от долгого противостояния с противником, не желающим уступать своих позиций, присутствовала.

Рядовым солдатам дела до этого нет, их обязанность выполнять функционал в строго отведенном уставами направлении. Но что-то изменилось в действиях противника, это видно и на самой низшей ступеньке армейской иерархии. Усилились обстрелы и бомбежки, повысилась активность разведывательных групп, да и всей пехотной братии. Пружина, которую сжимали с лета от степей Дона к Волге, достигла критического состояния и начала распрямляться в обратную сторону. Отойти бы, сил поднакопить и вновь ударить. Только амбиции высшего руководства не позволяли и думать о шаге назад.

Возникали трудности со снабжением. Не хватало питания, теплых вещей. Русская зима выбивала нутро из крепкой германской машины, отлаженной некогда до тонкостей. Заклинивало стрелковое оружие, смазка не выносила низких температур и не желала работать. Труднее запускалась техника, а длительные ночные прогревания двигателей приводили к перерасходу топлива, которое и без того в дефиците. Некогда brave солдаты выглядели разношерстной массой, так как утеплялись вещами, спасаясь от низких температур. Офицеры понимали ужас положения и закрывали глаза на ухищрения подчиненных, которые укутывали промерзшее насквозь тело гражданскими вещами.

Свернув оборудование, собрались возвращаться. Но новый обрыв — новые поиски и устранение неисправности. Так повторилось несколько раз, а при очередной попытке возвращения их накрыло мощным артналетом. Они спрятались в небольшом подвале разрушенного частного дома. Отсюда просматривалась местность, и расстояния до возникающих обрывов короче. Им не приказывали остаться, но рухнула стена, прикрывающая путь возвращения, любая попытка движения к своим прерывалась стрельбой противника.

Надежно спрятались в углублении. Сверху прикрывали конструкции дома, они словно провалились в неизвестность. Ими никто не интересовался: противник потерял их из вида и не тревожил. Свои давно позабыли, наверное списали на боевые потери. Одного из них тяжело ранило. Фриц с Куртом трое суток поддерживали в обездвиженном теле жизнь. Но в конечном итоге потеряли товарища, пришлось труп вынести ночью на поверхность и оставить до лучших времен. Придут ли они, эти времена?

Собранные в развалинах вещи, перенесли в убежище, устроив самое настоящее логово. Укутавшись в тряпье, лежали на матрасе, укрывшись одеялом, спина к спине, чтобы сохранить тепло. Холод пробирался под одежду, сковывал подвижность мышц. Дрожь организм не испытывал, слился с бесконечной снежной пустыней развалин города и казался одной температуры с ним. Русские морозы больно обжигали легкие, а с ними остывал организм. Начинались покалывания мелкими иголками пальцев рук и ног, затем онемение поднималось выше и казалось, ничто не может заставить шевелиться.

Нашли небольшой запас керосина, который использовали в самые сильные морозы. Хуже обстояло дело с продовольствием. Тщательно выверенные порции пайка, расходовались максимально экономно. Но и эта отдушина вскоре закончилась. Удалось протянуть дольше благодаря пайку погибшего товарища. Храни его Бог. Запасливым оказался, и они протянули еще три дня.

После очередной попытки прорваться к своим, они свалились в укрытие, тяжело дыша и понимая, что дальше уже не протянут. Посреди «постели» сидел рыжий кот. Тоже опаленный войной: разодранное и уже поджившее ухо выдавало боевую историю животного. Как его еще не подстрелили, он так ярко выделялся и на фоне снега и на фоне развалин. Может животное жалели и он протянул долго в этом всепоглощающем царстве осколков и пуль. Шкура, однако, чистая и ухоженная, снегом отмытая до блеска. Они не ожидали увидеть друг друга: два изможденных уставших солдата непобедимой Германии и русский кот, давно одичавший в отсутствии хозяев, да и вообще каких-либо людей. Они перекрыли животному пути к отступлению, но попытка поймать его не увенчалась успехом. Что могут два обессиленных человека против изворотливого кота. Сбежал, но оставил на матрасе пойманную и задушенную крысу. Преодолевая тошноту и отвращение, они как смогли, сварили ее, и блаженно замерли, утолив голод.

С благодарностью подумали о животном. Этот кот несколько раз появлялся рядом с укрытием и заглядывал внутрь, проверяя живы ли люди. Они привыкли к этой усатой наглой роже, видимо, хозяину бывшего жилища, и отдали ему пальму первенства в жилище, как неизбежность их жизни в этих условиях. Не предпринимали попыток поймать живое существо, слишком слабы оказались. Пусть превратится в молчаливого свидетеля гибели двух солдат Вермахта. Фриц с Куртом даже улыбались приходящему в гости, на разговоры сил не хватало.

Как оказалось, кот этот сыграл большую роль в их дальнейшем спасении. Они и представить не могли, насколько сообразительным окажется животное. В ту счастливую для них ночь, когда самолеты кружили в небе,

привычно улеглись и провалились в сон. Думалось, что пришел их час расставания с жизнью. Настолько подступило отчаяние. Фрицу снилась Эльза, с которой они едва успели оформить отношения перед отправкой на фронт. Она улыбалась и гладила по небритой щеке мужа.

Легкие и мягкие прикосновения разбудили. Оказалось, это кот, который пробрался внутрь и терся боком о его голову. Увидев, что человек открыл глаза, громко замяукал и направился к выходу. Теряя силы, они с Куртом выглянули в ночь.

Непривычно белый свет напугал их. Парашют. Ткань может выдать их местоположение. И принялись из последних сил тянуть ткань в убежище. Все теплее — будет, чем укрыться. Но купол зацепился и не желал поддаваться. Курт выбрался наружу, дополз до видимого препятствия и заплакал от счастья. Они знали, что самолеты сбрасывали на парашютах багаж с продуктами и оружием для подразделений своих войск. Страшная мысль пронзила мозг: вдруг оружие, а не продукты. Обмороженными пальцами тянули щелк и боялись обмануться в надеждах. Им повезло! Ящик тушенки, спасены! Спасибо коту, что разбудил их и спас жизнь.

Первую банку открыли сразу, вонзив в нее штык, как в противника. От запаха закружилась голова, сохраняя самообладание, приступили к поеданию свинины, которая манила, проглядываясь аппетитными кусочками через белый жир. Жира много. Это после войны Фриц узнал, что предприятия пищевой промышленности специально закладывали больше жира. Он лучше утолял голод, давал больше калорий. Но в тот момент, глубоко под землей в русском городе, они не могли унять своей радости и восторга. Стоило большого труда призвать самообладание и разум, чтобы остановиться на одной банке. Главное не переедать, они столько дней провели голодными.

Разбудили Фрица странные звуки. Он понял, что его товарища рвет в дальнем углу укрытия. Ночью Карл открыл тушенку, не сумев остановиться, и желудок не справлялся с количеством жирной пищи. На полу лежали две вскрытые банки. Не смог устоять товарищу перед соблазном. Теперь согнувшись пополам, он не в силах остановить рвоты, не в состоянии сказать слова. Попросил воды. Кроме снега нечем утолить жажду.

Впоследствии Фриц винил себя, видимо не стоило давать снег, он сковал жир в желудке, что и породило сильные боли. Через два дня Курта не стало. Что мог сделать товарищу, не обладающий знаниями в области медицины?

Ящик тушенки! При экономном расходе хватит надолго. Только бы не сорваться, не перегнуться в бессилии, как друг по несчастью. Вскоре каждый день начинался с ритуала: он открывал банку, выкладывал порцию для завтрака и, закрыв емкость, прятал ее в ящик. В дальнейшем жизнь напоминала борьбу. Голод толкал на то, чтобы взять очередную упаковку и поглощать пищу до отвала, пока не станет плохо. Разум призывал на примере товарища не рисковать своей жизнью. Две противоположности проводили в борьбе весь день, на ночь забрасывал ящик тряпками. Только не сорваться!

Через неделю он насытился и спокойно питался порциями, которые установил для себя. Он давно не выглядел наружу, какая разница,

что там происходит?! К нему заглядывал старый друг кот, теперь его можно подкармливать. Пищи животному выделял мало, неизвестно, сколько еще времени проведет в укрытии и когда кончится эта оказия. Смешно наблюдать, как кот вальяжно поглядывал на выделенную пищу и словно нехотя начинал пробовать. Знает себе цену.

Две недели Фриц барствовал с запасами, набираясь сил. Спустя время принялся присматриваться к обстановке снаружи укрытия. По необычному оживлению понял, что сопротивление прекратилось: стихли артобстрелы, не слышно стрелкового оружия. Вскоре ежедневно в укрытие просачивалась русская речь. Все! Только плен. Но Фриц не намерен отдавать своих съестных припасов. Он надежно закрыл все прорехи в укрытии, чтобы посторонний взгляд не смог рассмотреть присутствие человека. Вел себя тихо и незаметно, не выдавая места своего положения. Оставалось еще десять банок тушенки: пока не закончится провизия, он будет скрываться. А дальше? Как повезет, все лучше, чем голодная смерть.

Через две недели он выбрался из подвала и поднял перед первым русским руки. Сдался. В плен его взял юный солдатик и под удивленные взгляды горожан довел до сборного пункта. Дальше ждал плен, скитание по русским городам и работы по восстановлению хозяйства и, спустя время, освобождение с дальнейшей отправкой на родину. Его встречала любимая Эльза, которой он за всю долгую совместную жизнь так и не сумел поведать правды о последних днях военной службы. О страшном голоде и о том, как ему помог выжить русский кот.

Старая потертая фотография грела сердце. На душе спокойно и легко. Зачем они пошли войной на эту Россию? Так хороша и снежно загадочна его любимая Саксония! Рука непроизвольно опустилась вдоль кресла и рыжий кот Лорд, почувствовав минутную слабость хозяина, выгнулся дугой. Уперся в ладонь спиной, привычно заурчал, выпрашивая ласки. В камине загудел ветер и Фриц плотнее укутался в плед...

*Наталья Ульянова
(Россия, Санкт-Петербург)*

СПУСТЯ ГОДЫ

*77 лет назад, 30 апреля 1945 года,
Анечку Кузьмину и Владимира Попова
навсегда соединил штурм Берлина
Она родилась двадцать второго июня...*

В том, таком далеком теперь сорок первом выпускница Гатчинской акушерско-фельдшерской школы Аня Кузьмина всю ночь накануне дня рождения прогуляла с подругами в дворцовом парке. На рассвете, расставаясь, решили: «Чуток поспим и встретимся за праздничным столом...» Вместо праздничного стола встретились в парикмахерской: не сговариваясь, прибежали обрезать косы, стричься «под мужчин», а оттуда — в военкомат. В военкомате посоветовали поскорее сдать экзамены, а уж потом принести заявления...

Последний экзамен Аня сдала двадцать четвертого июля и сразу отправилась по знакомому адресу. Оставив заявление военкому, шла обратно по парку. Вдруг навстречу — девушки в гимнастерках, пилотках, а через плечо — сумки с красным крестом. Кто такие? Оказывается, санинструкторы из только что прибывшей дивизии.

— Подруженьки, очень хочу к вам! Подскажите, к кому обратиться...

Подсказали. Бросилась домой, принялась лихорадочно собирать вещи: «Ботики фетровые пригодятся... Платье маркизетовое — вдруг понадобится?.. И шубка — война-то может и до зимы продлиться...»

Так в 429-м саперном батальоне 265-й стрелковой дивизии появился новый санинструктор — старший сержант (в петлицах — три треугольничка!) Аня Кузьмина...

Скоро их эшелон отправился на Карельский перешеек, а там — и первый бой. Почем фунт лиха — это она сразу узнала сполна: раненых в том бою было столько, что не хватило перевязочных пакетов. «Потерпи, роденький...» — и тянула, тянула тяжелую плащ-палатку. «Потерпи, миленький...» — и снова волокла трудную ношу. Ползком, под огнем... Именно тогда заслужила медаль «За отвагу»...

Но зацепила пуля и Аню. В госпитале долго не задержалась: чуть подлечилась — и поспешила к однополчанам, которые в жестоком сражении у Лемболова окончательно остановили гитлеровцев.

Дальше — «Невский пятачок». Тот десант Анна Ивановна и много лет спустя не могла вспоминать без содрогания:

— Вода кипела, лодки разбивало в щепки. Но я почему-то больше всего боялась не снаряда, не пули, а того, что утону, — плавать-то не умею. Когда до берега оставалось несколько метров, пришлось выпрыгивать за борт. Вода обожгла — ведь октябрь... А сушиться негде, да и некогда: сразу — в бой...

Боев там — с октября по январь — хватило с избытком. А между боями их быт был таков, что и мужчина не всякий выдержит. Каково же было Ане? Не зря же как-то командир обнял ее:

— Девочка, мужики отвернутся... Не стесняйся... Мы же все понимаем...

Однажды, когда противник в очередной раз попробовал сбросить наш десант с левого берега и убило пулеметчика, девушка кинулась к «максимуму», ну а дальше все вышло, почти как в любимом фильме «Чапаев». Так она стала Анкой-пулеметчицей наяву...

А в феврале, подо Мгой, когда в дивизии развернулось снайперское движение, взяла в руки и снайперскую винтовку. Еще до рассвета выползала она в паре с опытным стрелком Сахиром Джураевым на нейтральную полосу и дотемна вела охоту. Долгими часами приходилось не шевелиться, чтобы не выдать себя на морозе, на ветру, а весь запас еды — три сухаря...

Случались снайперские дуэли. Во время одного такого поединка не поднялся Сахир. В полночь Аня притащила погибшего друга к своим. И потом мстила за него, доведя личный счет до двадцати семи гитлеровцев. Вручая Анечке орден Красной Звезды, комполка майор Надеждин обнял героиню:

— Спасибо, доченька.. И все же давай снайперское дело оставим мужчинам. Считай, что это — приказ...

Что ж, приказы надо выполнять. Только вместо медсанбата (по фронтовым понятиям, медсанбат — это почти тыл, ведь там уже оперируют) добилась назначения в стрелковый полк, на передовую, где медики оказывают первую помощь прямо на поле боя. Так, рядом с солдатами, вместе с солдатами, Аня прорывала проклятую блокаду, билась под Псковом, преодолевала «линию Маннергейма», вызволяла Прибалтику...

Накануне сокрушения вражеской обороны на Висле, под Варшавой, участвовала в дерзком поиске, из которого разведчики вернулись с очень важным «языком» — об этом событии напоминал ей потом орден Отечественной войны...

И снова — ранение, госпиталь...

Госпиталь располагался в польском городке, особое очарование которому придавало уютное озеро. Там, у озера, и встретились два человека — хоть и на костылях, но все равно молодые, красивые: волосы русые, в глазах синь... В разговоре быстро выяснилось, что она шла к Берлину от стен Ленинграда, а он — от стен Москвы. Лихой кавалерист Володя Попов в сорок первом сражался под началом легендарного Доватора, заслужил в тех битвах «Красное Знамя». Далее, по мере продвижения на запад, грудь отчаянного конника украсили еще три ордена. И вот теперь, перед самым тем Берлином, он, гвардии капитан, командир эскадрона из знаменитого 2-го гвардейского кавкорпуса, должен терять драгоценное время на госпитальной койке? Нелепость!

— Анечка, война заканчивается — обидно же! Давай сбежим!..

А ее и уговаривать не надо было. Лишь только постылые костыли стали ненужными, еще задолго до конца лечения, сбежали.

Своих конников Попов нагнал уже на подходе к Берлину. Привез Аню в родной 16-й кавполк, определил в санэскадрон (единственная женщина тут за всю войну!), мигом научил держаться на коне, а на завтра — в атаку! Увидев Володю в седле (бурка, кубанка!), Анюта от восторга аж задохнулась.

Однако долго любоваться своим избранником времени не было: началась жуткая заваруха — прорыв через Шпрее под кинжальным огнем, по разрушенному мосту. Одолели! А вот через день, 30 апреля, сражаясь в предместье Берлина, эскадрон Попова неожиданно попал в окружение. Узнав об опасности, грозящей Володе, Аня умолила командира полка позволить ей быть вместе с теми, кто бросился на выручку...

Горела земля. Горело небо. Перекрывая треск автоматных очередей, ржали раненые кони. Оглушенная Анечка едва успевала доставать из сумки бинты. И вдруг — удар в руку. Дальше из памяти всё исчезло...

Он искал ее почти месяц. Уже отпраздновали такую желанную Победу, уже вручили Володе полководческий орден Александра Невского, а следы Анечки все не обнаруживались. Наконец, нашел!

Девушка горько смотрела на любимого: кому она нужна такая? Без руки. Из легкого только что вынули осколок, который, как показал рентген, прошел всего в семнадцать миллиметрах от сердца. Попов с ординарцем осторожно положили ее на носилки, вынесли из госпиталя (врачам сказали: «Погулять!»), внизу быстро перегрузили Аню с носилок в машину — только их и видели!..

В другом городке, в другом госпитале, рядом с Володей, она быстро пошла на поправку. Там прямо в палате младшему лейтенанту медслужбы вручили второй орден Отечественной войны. Когда подошел срок выписки, первым делом примерила Володин подарок — ослепительно белую блузку. И отправились они к фотографу. Перед съёмкой специально встала чуть боком... Скоро Володина мама получила в конверте снимок сына с незнакомой девушкой. На обороте — надпись: «Это моя невеста»...

После войны они жили в Питере, работали в стройтресте.

Растили сына, дочь и четверых внуков. Когда в середине восьмидесятых я пришел в дом на проспекте Космонавтов, узнал, что у них вообще много общего. Например, у каждого — по три ранения, по шестнадцать орденов и медалей... Еще одна удивительная деталь. Как вы помните, родилась Анна Ивановна в самый черный для нашего народа день — двадцать второго июня. А вот Владимир Николаевич — в самый светлый: девятого мая. Увы, увидеть двух своих правнуков ему уже не довелось...

Лев Сидоровский

Годы спустя

Ольга Павлова
(Россия, г. Бийск)

Бийск 50—70-х в творчестве питерского писателя Глеба Горышина

Известный ныне литератор Глеб Горышин прибыл на целину Алтая одним из первых.

«В рассказах молодого автора приходит и уходит любовь, льют дожди, гонят по рекам плоты, валят лес и сажают яблони... Все обыденно, все просто. У героев Горышина есть цель. Хлеб и соль жизни. Показать пионеров Сибири еще необжитой, девственной — задача для писателя увлекательнейшая», — говорил мастер слова Юрий Казаков, отмечая, что ленинградский парень попросился в 50-е на целину, в наш край.

ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ, ЗРЕЛОСТЬ

Глеб Александрович Горышин родился 15 марта 1931 года в Ленинграде, в этот город из командировок он возвращался всю жизнь. Но местом своего рождения как писателя Г.А. Горышин всегда считал Алтай. Будущий известный литератор рос в семье Александра Ивановича Горышина, директора леспромхоза треста «Ленлес», который всю блокаду Ленинграда обеспечивал город древесиной. А мама работала врачом. Глеб с детства любил классическую литературу, потом начал сочинять рассказы, призывая сохранять и беречь родной лес и его обитателей. Подростком Глеб попал в страшную автокатастрофу. Он вспоминал: «Чуть меньше года я провалялся в больнице с переломами, сотрясением мозга и ранами, распятый на деревянном щите, с вдетыми в лямки руками и подвешенными к ногам гириями. Встав, оказался изрядно подросшим». А вскоре закончилась война.

Глеб Александрович выпускник отделения журналистики филфака ЛГУ 1954 года. А в 1954-1957 годы он — сотрудник газеты «Молодёжь Алтая» в Барнауле и Бийске. Вернулся в Ленинград — и опубликовал свой первый рассказ. В конце 1950-х — начале 1960-х годов Горышин бывал в Сибири как журналист и сотрудник геологических экспедиций. В Союзе писателей СССР он с 1960 года. Потом был секретарем правления Ленинградского отделения СП СССР (1970-1980). А с 1977 по 1982 годы — главный редактор журнала «Аврора». Горышин много странствовал — работал в Забайкалье, на Ангаре и Кольском полуострове. Отправлялся корреспондентом — на Сахалин, Камчатку, Курилы, Командоры. В рассказах писателя можно найти краски и приметы этих мест. Побывал Горышин в Англии и Франции, Италии и Греции, Испании и Финляндии, Польше и Венгрии, Чехосло-

вакии и Румынии... А также в Японии, Китае, Индии, Шри-Ланке...
Видел джунгли и саванну Западной Африки...

ДАМБА В БИЙСКЕ. 50-Е ГОДЫ

Глеб Горышин — один из первых, кто ввел в послевоенную русскую литературу городского жителя, отправляющегося осваивать пространства страны. Рассказ «Дамба» вошел в дебютную книгу «Хлеб и соль» 1958 года. Главный герой живет в районе Заречья Бийска. Моста еще нет. Люди переходят реку по временной дамбе, насыпали ее поперек Бии в январе.

«Мне каждый день приходилось пересекать Бию: я работал собкором краевой газеты по городу Бийску и жил в Заречье. Бийск — большой город, но когда я останавливался посреди реки и смотрел на него, все его дома и бийская гора казались малыми кочками в сравнении с массами голубого воздуха. И даже большая телевизионная мачта, поставленная на горе, была как крохотная заноза, воткнувшаяся в край неба», — писал Глеб Горышин. Но вот на реке дамбу уже взорвали в трех местах. Журналист побежал туда, где Бия сливается с Катунью, образуя Обь. По воде густо шла шуга. Парень на лодке перевез приезжего ленинградца, сказав: «По Бие не поплаваешь — жизни не узнаешь!»

В наши дни около тридцати книг питерского автора нашли своего читателя. Некоторые адресованы детям. Другие — взрослым.

В произведениях Глеба Горышина есть и документальные повести. Например, семейная хроника «Не только о погоде...». На берегу Телецкого озера уединенно жил с семьей наблюдатель поста гидрометеослужбы Николай Павлович Смирнов. На каменистом склоне горы он возделал сад — лучший в Сибири. С женою Дорой вырастил восемнадцать детей!

БЕГ ПО БИЙСКУ ОБЩЕУКРЕПЛЯЮЩИЙ

«Я жил на Алтае во второй половине пятидесятых годов. Одно время работал собкором «Молодежи Алтая» по Бийской группе районов и Горному Алтаю. У меня был номер в гостинице «Бия», в Бийске, — двенадцатый номер-полулюкс, с обязательством освободить его с приездом персоны более достойной полулюкса, чем я. Тогда я бежал в Заречье: переходил Бию по льду, дальше по Чуйскому тракту до бора; сворачивал влево, там есть такие улочки-боковушки, веточки на стволе тракта, — и бежал. На пробежки я выходил по вечерам, в глухое темное время. Бегающих не по делу, а из прихоти в ту пору, кроме меня, в Бийске не завелось. Не таков был город Бийск, чтобы по его улицам или даже в предместьях праздно мельтешить под ногами — очень сильный был трудовой накал: целинная эпопея, всесоюзная комсомольская стройка вблизи города», — делился с читателями Глеб Горышин. Тогда еще возраст не наступил для массовых пробежек трусцой, мысль не пришла никому в голову: убежать от инфаркта.

Парень стеснялся бежать открыто у всех на виду, маскировался, ходил в места пробежек в ратиновом, синем, сшитом к выпуску из университета

пальто, в ботинках, при шарфе, в ондатровой шапке с ушами. В этом одеянии он бегал по окраинным улочкам в Заречье. Бежалось ему тогда тяжело; он только что перенес ревматическую атаку, восемь месяцев провалялся в больницах, «съел, наверное, килограмм салицилки; других средств от суставного ревматизма не было». Выписался в последний раз с диагнозом: недостаточность митрального клапана. Горышин отболел, вернулся на Алтай, откуда уезжал лечиться в свой родной город на Неве, приступил к работе собкором в Бийске... Но донимали ангины, температура поднималась к вечеру — тридцать семь и три, четыре, пять... Стрептоцид, аспирин, кальцекус не помогали. Мороз жал под сорок; задувал буран. От суставного ревматизма, недостаточности митрального клапана, ангин, хронического ларингита можно было только убежать, другого лекарства не находилось. В первый раз Глеб пробежал сто шагов, не сразу, по пять, десять шажочков. От мороза ломило зубы, ресницы слипались от изморози. На обратном пути спина обрастала куржаком, становилась белая. Довел пробежку до тысячи — и убежал-таки, хворь отступила.

ХЛЕБОСОЛЬНЫЙ ЗАРЕЧЕНСКИЙ КОРПУНКТ

Весной ленинградский писатель искал себе жилище — корпус — на заречной стороне, поближе к бору. Люди тесно жили там в домишках, свободной площади для сдачи ни у кого не было. Глеб Горышин снял себе угол в доме неподалеку от моста через Бию (тогда он был понтонный) у парторга управления Чуйского тракта Анфисы Степановны, женщины лет сорока. Мужа ее убили на войне. В материнском доме жили два сына: старший, восемнадцати лет, работал на стройке, младший, шестнадцати, слесарил в совхозной мастерской. Парни садились к столу, умели все, что подавала им бабушка Степанида, мать Анфисы Степановны. Гостю отвели закуток против кухни, задернутый ситцевой занавеской; хозяйева помещались все в одной общей горнице, там и спали.

«Не помню, сколько я платил за угол. Но ежели бы посчитать, что мне перепало во вдовьем доме над Бией, то и цены нет такому добру. Семья садилась к столу — и меня приглашали: в русских домах такого не допустят, чтобы самим хлебать, а кому-нибудь слюнки глотать, хотя бы и за занавеской. Бывало, вернусь из командировки, иззябший, наголодавшийся, поступчусь в чужой дом над Бией, а там меня ждут. И пельмени слеплены, только кинь в кипяток, и грузочки соленые, и картошка разварилась, медового цвета, своя», — вспоминал журналист.

Теперь до бора было рукой подать, он бегал, а после играл с двухпудовой гирей, стоявшей в сенях. Парень становился все крепче, обрастал мускулами, сердце не шумело; в крепчающем теле здоровел и дух — для совершения какого-нибудь поступка. Весна на Алтае — серьезное дело, зима загоняет под теплый кров, чтобы не обжегся на морозе; весна вытаскивает из-под крова, порождает в душе желание, «как у жаворонка, взлететь под беспредельный синий купол, затрепыхаться от восторга»... Пора было предпринять и большую командировку: на выданных в редакции коман-

диловочных бланках юноша сам выбирал-проставлял пункты назначения, сам писал: прибыл-убыл.

ПО ЧУЙСКОМУ ТРАКТУ

Как-то вернулся Глеб Горышин домой в Заречье, на ступени крыльца сидит его товарищ Иван (имя изменено, он стал известным писателем). Погожим апрельским утром они вышли к воротам базы, откуда выезжают на Чуйский тракт ЗИЛы международных рейсов в Монголию; сели в кабину того шофера, к которому надлежало им сесть: заблаговременно договорились с секретарем парткома, хозяйкой Анфисой Степановной, через нее — с диспетчером...

Чуйский тракт потом вспоминался так: чайная с пельменями в Манжероке; в Шебалине у чайной слепой с гармонью — и песня; ее мелодии предстоит стать лейтмотивом в фильме Шукшина «Живет такой парень»: «Есть по Чуйскому тракту дорога, много ездит по ней шоферов...» Перевалы, еще укрытые снегом: Семинский, Чикет-Аман... а еще — беломраморный бом у селения Иня, прозванный Белым Бомом... Зеленоструйные, белопенные реки: Катунь, младшая ее сестра Чуя... В Чибите простились с чуйским водителем; ему править дальше — в Кош-Агач, Ташанту, а друзьям... Ночевка на руднике в Акташе, ночью написана Горышиным первая корреспонденция в газету о героическом труде шофера на Чуйском тракте, утром отправлена...

Идут друзья-писатели пешком по заснеженной горной дороге в Улаган. Их догоняют две машины. Они не садятся в них. Метет метель. На перевале одна из машин утонула в заносе. Другая — свалилась в расщелину, шофер остался жив. Они вновь идут по глубокому снегу, под лиственницами; теперь их пятеро: друзья, двое шоферов, девушка, едущая из Бийска проводить родителей в Улагане. Ночуют все в почтовой избушке, выстроенной для идущих пешком или едущих верхом почтарей; другой связи здесь нет. В Улагане писатели взяли коня Мухорку, он повезет поклажу: два заплечных мешка и ружье. Втроем они идут по горам и падым, по тальым снегам — к реке Чулышман. Ночуют в алтайской юрте — айле — с горящим посредине костром, в селенье Тужары. Мухорку на ночь привязывают к стогу сена. Утром Мухорки след простыл, но видны следы человеческих ног.

ВСТРЕЧИ НА ТЕЛЕЦКОМ

На Телецком озере вечером дует верховка, утром низовка. Писатели-ленинградцы обходят озеро по склону горы Тоолок, по чуть заметной тропе в кедровнике, делают засечки на кедрах, чтобы не сбиться на обратной дороге. В устье Кыги их встречает Николай Павлович Смирнов. Друзей определили жить в баню. Сын Николая Павловича Владимир наладился в горы искать волчье логово, и писатели с ним. Волчий след отыскался скоро; идут к логову. Владимир уходит вперед. Глеб остался вдвоем с Иваном в горной тайге.

По ночам трещат морозы, режут медведи. Парни палат костры. Перед рассветом в кедровых грибах токуют глухари. Глебу достаются на охоте два. Друзья плывут на моторке по Телецкому озеру, на север, в Яйлю. Горят они себе путь по береговым крутякам, прижимаю; до них здесь не хожено. В каждом глухаре по полпуда: на кедровом орехе стали тучные. Если бы Горышкин не тренировался раньше, то давно бросил бы отяжелевших птиц.

Зато в Бийске Глеб преподнес глухаря бабушке Степаниде, она в последний раз пробовала такое мясо еще до мировой войны, у нее мужик охотничал. Анфиса Степановна вообще не видывала эдаких птиц. Первая поездка в Горный Алтай подробно описана Глебом Горышкиным в повести «До полудня» в 1966 году. Если бы он не пробежал в первый раз сто шагов по опушке Бийского бора, то едва ли бы решился закатиться в тайгу.

За длительную самовольную отлучку Горышкина уволили из газеты. Отосланные с дороги корреспонденции остались ненапечатанными. Но в архивах писателя есть опубликованные очерки, например, посвященные постановкам Бийского драмтеатра 50-х годов или — «Мягкое золото» с авторскими фото о Бийском зверосовхозе.

ДЕБЮТ В ПРОЗЕ. БИЙСКИЕ ПЛОТОГОНЫ

«Прежде, помню, от Иогача до Бийска плотогоны сплавливались за трое суток. Была такая профессия на Бие — плотогоны. То есть за гребь мог взяться каждый, у кого хватало силенки (гребь вытесывалась из цельного пихтового хлыста). По праву славились бийские лоцманы — особая статья, детинушки на подбор. Дикие туристы напрашивались к лоцманам сплавливаться по Бие. У них екали сердчишки на порогах. Теперь кидают в Бию бревна, ведут молевой сплав. Что-то тонет, а что-то и доплывает. Плотогонство было искусством; смотреть загляденье, как несутся большие плоты по красивой реке, лоцманы у рулевых гребей командуют зычными голосами: «Ле-во! Пра-во!» Ни одна лесинка не тонула, не пропадала, не портила Бию» (из воспоминаний Глеба Горышкина).

Самый первый рассказ юного автора, напечатанный в 1957 году в журнале «Нева», назывался «Лучший лоцман». Он написан после сплава писателя по Бие на сплотке еловых хлыстов, с лоцманом и гребцами, от истока до Бийска. Бия в верхнем течении бурлит на порогах. И в самом разгонном месте поперек реки лежит камень — «Смиренная плита». Русло сужается тут, и если лоцман зазевался, то плот попадает в водоворот, начинает кружиться вместе с потоком, отброшенным огромным камнем. Тогда сплавщики говорят: «Повенчались...».

Вот так и случилось с Горышкиным. Их лоцман старался, пробовал выбраться, но тщетно. Тут показались на берегу плотогоны, командовал ими дед. Проводя свою сплотку через пороги, сплавщики теперь возвращались за другой. Дед поглядел, как мотается плот. И крикнул: «Гребись влево, лягуши болотные!» (За эту присказку и нарекли его Лягушей). Все разом ударили влево, плот высунул нос за «Смиренную плиту», здесь его подхватила стремнина и понесла. Вот и готовый рассказ, а в сердцевине его — талант человеческий. Реку давно обуздали, впрягли в работу. Она привела

людей к Телецкому озеру. В речной долине построили дорогу, от Бийска до Артыбаша. По реке провели теплоходы, пустили их в озеро — для туристов.

РОЛЬ В ФИЛЬМЕ ШУКШИНА

С Алтаем Глеб Горышин будет связан большую часть жизни. Здесь он познакомится с Шукшиным, и тот предложит ему сняться в эпизоде фильма «Живет такой парень». Главный герой Пашка Колокольников пытается познакомиться с молодой женщиной, выбивающей матрас. И тут в калитке появляется здоровенный, высоченный мужчина. Это и есть Горышин 1963 года, тогда уже автор нескольких книг.

Однажды писатель из Северной столицы ночевал в Бийске у Марии Сергеевны Шукшиной. Прошло три года с тех пор, как не стало Василия Макаровича. Мария Сергеевна говорила, что про ее сына критик Коробов хорошо написал, «по-человечески». А Лев Аннинский — наоборот. Простая крестьянка разобралась в хитросплетениях слов и мнений. О Шукшине у Горышина появились очерки «И машины по тракту кочуют» и «Где-нибудь на Руси...». Позднее он был частым участником Шукшинских чтений.

Про Бийск 70-х Горышин пишет, что город переменялся за двадцать лет, но что-то в нем сохранилось: запах сгоревшего в топках кузбасского угля, перемешанный с терпким привкусом тополиной смолки; тополя вымахали, заматерели; и чувствуется прохлада, снежная свежесть близких предгорий, и дыхание хлебных полей. В свой приезд на Алтай в 1976 году писатель привез на Телецкое озеро дочь. По словам Анны Гродецкой, ныне ведущего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, в последние годы ее отец все чаще писал стихи, включая их в прозаический текст. В 1990-е годы Глеб Горышин опубликовал несколько подборок стихов и издал — за свой счет — два поэтических сборника. Любовью и кротостью дышит поздняя проза Глеба Горышина. Ее первоначалом был Алтай. Глеб Александрович скончался в ленинградской больнице 10 апреля 1998 года.

Глеб Горышин и Валентин Распутин

Глеб Горышин. Кадр из фильма В. Шукшина «Живёт такой парень»

Глеб Горышин на Алтае

Глеб Горюнин. Путешествия

Глеб Горюнин. Юность

*Валентина Телухова
(Россия, г. Благовещенск)*

ШУРШАЛИ ГОЛУБИ НА КРЫШЕ (продолжение)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Как мы порой опрометчиво поступаем, когда предлагаем свою помощь там, где ничем помочь не можем.

В пять часов вечера Зинаида Алексеевна пришла в школу, а в классе уже ждал её Саша. Начали чтение с букваря. Зиночка открыла первую страницу и попросила Сашу прочесть простой текст: У Антона окуни. Он и прочел.

— У А-ти-ти о-ти-ти.

— У какого Атити? Какие отити? Так вот оно что, ты оказывается, если слог не можешь прочесть ставишь замену, слог «ти». Но мы же так не разговариваем! Мы же не говорим — ти-ти-ти-ти. Мы произносим разнообразные звуки. При чем тут твоё «ти»?

Зина попыталась подсказывать неузнаваемые Сашей слоги, но у него ничего не получалось.

— Послушай, а как ты по русскому пишешь. Ведь хоть и коряво, но пишешь?

— Я срисовываю буквы у соседки по парте. А дома мне мама на листочке пишет, а я с листочка срисовываю.

— Ну, знаешь! Ты меня удивил. А почему ты в первом классе не научился читать и писать?

— Мама меня в школу не пускала, заставляла с братиком нянчиться, а учительница обиделась и сказала, что не будет со мной отдельно заниматься. Пусть мама меня сама и учит. Она учила. Кричала и дралась больно, но я все равно ничего не понял.

— Иди-ка ты, Саша, сегодня домой, а я подумаю, как тебе помочь.

Саша горестно вздохнул, одел пальтишко, шапку и ушел, а Зина открыла книжный шкаф и стала искать нужную книгу. Вот она — «Методика обучения чтению в первом классе». Что же, читаем! Она считала, что ответы на все вопросы можно найти в книгах.

Она читала и час, и другой, узнала много нового для себя. В книге было написано, как возникли буквы, почему каждая буква имеет название. Оказывается, буква — это бывший рисунок целого слова. Когда мы пишем главную букву «А», мы рисуем лоб быка и два рога, «Алеф» — бык на другом языке, вот почему буква передает звук «А». А буква «М» — это волна. «Мем» — называется волна. Правда, похоже? Оказывается, нужно научиться в самом знаке, передающем звук на письме, отличать название буквы и звук, который он передает.

Чтобы научиться читать, нужно ещё, чтобы и в сознании совместились звуковой и письменный образ слова. Это — самое сложное. Зина ещё выяснила, что есть два способа обучения чтению. Старинный способ — слоговой, и сравнительно новый — звуковой. Можно выучить слоги — все слияния гласного и согласного звука и читать, а можно произносить очень быстро звуки и они сами собой обозначат слово.

После долгих раздумий Зина выбрала слоговой способ. Потом она открыла букварь и выяснила, что слогов в русском языке не так уж много. Не все гласные со всеми согласными образуют слоги. Особенно капризная гласная «э». Зинаиде Алексеевне пришла в голову замечательная идея: а что если она не станет читать с Сашей до тех пор, пока он не выучит все слоги! А как она заставит его читать слоги? Бессмысленное и скучное занятие! А если она с Сашей будет играть? Прочел Саша слог, пусть себе оставляет, не прочел — опять в общую кучку вниз буквами кладет. Так она будет знать, какие слоги выучил ребенок, а какие — нет.

По этой системе она и стала заниматься с Сашей. Дело двигалось очень медленно, до тех пор, пока в класс не зашел на огонек Петя. Подросток вначале с разрешения Зинаиды Алексеевны просто сидел в сторонке и наблюдал за ними, но на второй день он вдруг стал подсказывать Саше, называя слоги абсолютно правильно! Зина усадила его рядом с Сашей, и теперь они играли вдвоем, а Зина контролировала их ответы. Игра называлась: кто больше прочтет правильно слогов? Побеждал Петя. Сашу самолюбие заставило напрягать свою память и делать усилия, чтобы запомнить слоги правильно. Через три недели занятий Зинаида Алексеевна дала в руки мальчикам буквари и попросила прочесть текст.

— У Антона окуни.

Хором прочитали они. Приятнее этой фразы из букваря Зина давно не слышала. Замечательно! Антон наловил окуней, теперь, наверное, уши сварит или коту накормит. Как здорово!

Потом Саша и Петя листали букварь, открывали на любой странице и читали, читали. Такая радость, такое ликование переполнили сердце Зинаиды Алексеевны, что она, возвращаясь домой из школы, всю дорогу пританцовывала и пела.

— У Антона окуни! Тра-та-та! Тра-та-та! У Антона окуни! Тра-та-та! Тра-та-та!

Правильно утверждали древние философы, что счастье человека в борьбе и преодолении.

Петя читал медленно, и также медленно читал Саша. Однако качество чтения у новоявленных читателей было разным. Саша читал и пересказывал текст слово в слово, а Петя просто читал, почти не понимая прочитанного. Саша стал читать на уроках чтения. Пока ещё не так быстро, как другие дети, и всего одно-два предложения. Он проговаривал слог и переходил к проговариванию второго, а когда дочитывал слово, делал долгую томительную паузу. Можно было подумать, что Саша ползет по тексту, как черепаха. Зина опять пригласила его на дополнительные занятия. Они занимались без Пети, скорость чтения у мальчика никак не прибавлялась. Зиночка проконсультировалась у Веры Васильевны и выяснила, что в про-

цессе чтения дети «спят» на каждом слоге, если они узнают слог, и когда произносят его, взгляд их стоит на этом же слоге, а нужно, чтобы глазки у ребенка бежали по строчке. Оказывается, Саша этого не умел делать. Нужно было ещё и как-то пробудить у Саши желание научиться читать бегло. Как? Зина на переменке спросила Сашу, что он хочет попробовать на вкус? Может быть, какую-нибудь шоколадку или конфету?

— «Баунти». По телевизору все время говорят: «Райское наслаждение» — с тяжелым вздохом сказал ребенок, — но мама мне ни за что не купит. Говорит, что она очень дорого стоит, а у неё таких денег нет.

В сельском магазине под названием «Товары повседневного спроса» были совки и веники, были ведра и грабли, было мыло и порошки. Ежедневно в магазин завозили хлеб, была в продаже мороженая рыба и всякие консервы, были пряники, печенье и два-три сорта конфет. Шоколадных батончиков «Баунти» с мякотью кокоса не было. Зина позвонила в районный центр своей приятельнице Лене и попросила там посмотреть шоколадный батончик. В райцентре лакомства из рекламы тоже не было! Тогда Зинаида Алексеевна сделала заказ водителю почтовой машины. Он вначале сильно удивился, а когда понял, зачем нужен батончик, пообещал найти в кооперативных киосках эту сладость. Желанный батончик он привез через несколько дней.

Зина пригласила Сашу на дополнительные занятия, а «Баунти» положила на шкаф так, чтобы батончик был виден издалека.

Саша пришел вовремя, уселся за парту, открыл родную речь и стал читать про лягушку-путешественницу.

— Э-то я п-ри-ду-ма-ла! Я п-ри-ду-ма-ла!

Мальчик читал так уныло, что можно было подумать, что история про лягушку-путешественницу самая грустная история на всем белом свете. И печальнее истории и не найти. Бедная лягушка! Прямо плакать хочется!

— Саша! Что же ты спишь на каждом слоге? Ты глазками быстрее води! Узнал слог, произносишь его, а сам глазками на следующий смотри! А лучше всего держи в поле зрения все слово! У тебя тогда дело быстрее пойдет! Если ты сегодня научишься бегло читать, я тебе кое-что подарю!

— Что?

— А подарок мой здесь, в классе, на виду. Посмотри внимательно!

Саша без всякого интереса стал оглядываться по сторонам. Все в классе было привычно. Крашенный пол был свежевывытым, за окнами стоял голубоватый сумрак, потому что уже вечерело и солнце клонилось к закату, от протопленной печки веяло жаром, свет был уже включен и лампочки под потолком ярко освещали класс. В большом книжном шкафу за стеклянными дверцами ровными рядами стояли книги. А что там, на шкафу?

— «Баунти»! Это мне? Это мне? Точно мне?

— Тебе, но только батончик нужно заработать. Сосредоточься и прочти мне текст так быстро, как ты только можешь. Даже если ошибешься, я тебе не сделаю замечаний.

Саша сразу же воодушевился. Он широко открыл свои голубые глаза, набрал в легкие побольше воздуха, сосредоточился, сжал кулачки и... начал читать так быстро, что Зинаида Алексеевна едва успевала следить.

Читал Саша взахлеб, делал паузы в середине слов, чтобы перевести дыхание, но продолжал читать быстро. Стараясь получить желанный батончик-мечту, он ещё и повышал голос с каждым предложением. В конце концов он стал выкрикивать слова текста. Когда он дочитал все до конца, он уронил голову на книгу и так сидел неподвижно минуты две.

— Получай свой желанный подарок, ты заслужил!

Саша тут же развернул батончик и откусил кусочек, а потом ещё и ещё.

— Вкусно?

— Очень!

— А теперь порадуй меня ещё, прочти мне начало вот этой сказки.

Зинаида Алексеевна открыла перед мальчиком книгу «Русские народные сказки».

У Саши сразу же изменилось выражение лица. Радостная улыбка мгновенно погасла, ребенок начал уныло читать.

— В не-ко-то-ро-м ца-р-с-т-ве, в не-ко-то-ро-м го-су-да-р-с-т-ве...

— Достаточно! Завтра в это же время я жду тебя. До свидания!

Голос у Зинаиды Алексеевны был таким странным! Каким-то скрипучим! Таким говорят роботы в мультфильмах. Почему она так с ним разговаривала? Саша недоумевал! А по дороге домой он догадался: наверное, учительница тоже «Баунти» хотела, а он не поделился! Да! Нехорошо получилось!

А о чем думала Зинаида Алексеевна, когда возвращалась домой, мы рассказывать не будем. Иногда нужно просто сделать вид, что ты ничего не слышишь, а если и слышишь, то не понимаешь. А если и слышишь и понимаешь — никому не расскажешь. Зачем выдавать чужие тайны, тем более если они такие неприятные?

В деревне все обсуждали жгучую новость — Петя научился читать! Все хвалили Зинаиду Алексеевну, а старая бабушка Флёнушка сказала своей соседке не без ехидства:

— Глянь-ка, а ты говорила, чему может почтарка научить? Так, только время ведет до прихода Веры Васильевны. А оно вон как вышло! Научила даже Петю читать!

Все радовались за Петю, но больше всего радовался он сам. Когда он пришел домой, взял в руки газету и прочитал её заголовок, родители подумали, что ослышались. Теперь Петя ходил по деревне и демонстрировал всем желающим свое умение и читал вывески.

— Магазин. Товары повседневного спроса. Клуб.

Петя встречал в обед школьный автобус, и когда старшеклассники выходили из него, он просил кого-нибудь дать ему книжки. Ему давали, и он читал.

— География. История.

Его дружно хвалили, и он смеялся своим странным смехом, задыхаясь и приседая.

Однажды, в начале марта стоял такой теплый денек, что кудринцы сняли, наконец, зимние одежды, достали сапоги и куртки, весенние платки и шапки и все равно ходили нараспашку. Так пригрело. Правда, было ветрено, но ветерок был ласковым и теплым, он нес дыхание весны, надежду на раннее пробуждение природы. Хозяйки достали ящики для рассады

и приготовили семена. Настала пора сеять баклажаны и перец, а через недельку-другую можно высевать и помидоры. Поля уже чернели огромными проталинами и ждали своих пахарей. Веселее гомонили лесные птицы, небольшими стайками перелетая с одного места на другое, и голуби, жившие на зерновом дворе, поднимались высоко в небо и устраивали там свои голубиные концерты. Лед на речке стал оттаивать у берегов, но середина Кудринки еще была закована его броней.

Школьный автобус не приехал точно по расписанию, он чуть запоздал, и Петя, поджидавший его, немного устал, но он сразу же побежал к ребятам.
— Читать, читать!

Не успели ему добрые дети дать книги, чтобы Петя прочитал их названия, как вперед вышел шестиклассник Алеша Колычев и протянул Пете бумажку, на которой что-то было написано печатными буквами.

— Я — дурак.

Петя прочитал написанное громко и торжественно и привычно засмеялся.

Засмеялся громко Алеша, а больше не засмеялся никто. Над толпой спешащих в разных направлениях домой ребят нависла тишина. Зловещая тишина. Все дети остановились и повернулись к Алеше.

— Во, прикол! Да? Прикол? — хохотал Алеша.

Никто не сказал ни слова, и вдруг младшая сестра Алешы — пятиклассница Катя — закричала на всю улицу.

— Бессовестный, бессовестный! Как ты можешь так? Нашел над кем смеяться! Я вот маме расскажу! Маме расскажу! Она тебе даст!

Она побежала в магазин, в котором работала мама.

И все ребятки всех возрастов закричали в один голос.

— Додумался до чего! Петю обижаешь! Что он тебе плохого сделал?

Один из десятиклассников схватил Алешку за воротник куртки и поднял высоко над землей.

— Дай ему хорошенько, дай ему горяченького! — кричали все вокруг.

Тут бы Алеша и поплатился за свою злую шутку, но за него вступился Петя. Он странно замычал, подбежал к Алеше, выхватил его у старшеклассника и закрыл его собой.

— Ты его защищаешь, а не понимаешь, как он тебя обидел.

Петя замахнулся на старшеклассника крепко сжатым кулаком. Могла вспыхнуть драка. Но к детям уже бежали взрослые. Из магазина бежала мать Алешы, которую позвала Катя, со стороны школы бежала Зинаида Алексеевна, которая случайно увидела происходящее из окна. Проезжавший мимо Матвей Иванович тоже свернул с дороги и подъехал к детям. К детям торопливо шли все взрослые, которые оказались около магазина в этот час.

— Ты что? Ты почему? Ты зачем? — закричал отец сыну Пете.

— Ты что? Ты почему? Ты зачем? — закричала мать сыну Алеше.

— Вы что? Вы почему? Вы зачем? — закричала Зинаида Алексеевна всем детям.

— Не трогайте никого, это мой Алеша виноват! Катя, расскажи все, как было.

Катя рассказала.

— Так. Где эта записка? — спросила Зинаида Алексеевна.

Все стали искать полоску бумаги, но ветер уже унес её, как ненужный мусор и вволю поиграл с ней, то поднимая высоко над землей, то роняя вниз. Он мчал и мчал её подальше от этого места, пока сама полоска бумаги не запуталась прочно в ветках тополя, и не застряла там навсегда.

— Раз записку не нашли, все равно Алеша выходи на середину и говори громко при всех, что ты в ней написал.

— Я — дурак.

Алеша произнес слова почти шепотом. Все вокруг смотрели на него внимательно и серьезно. Никто не смеялся над его словами. Он стоял растерянно и не знал, что ему делать дальше. Он нашел взглядом мать, он искал у неё сочувствия, но она смотрела на сына отчужденно, сестра Катя и вовсе отвернулась.

— Простите его, люди добрые! — услышал вдруг Алеша голос своей прабабушки Фленушки.

Она вышла на середину круга и встала рядом с правнуком.

— Он не со зла, он такую шутку придумал. Думал народ развеселить. И ты нас прости, Матвей Иванович, и ты прости, Петенька!

Они стояли рядом — внук и прабабушка — и были одного роста, только разница в возрасте была велика — больше чем половина века.

Прабабушка взяла Алешу за руку и повела его прочь от разгневанных детей и взрослых, Матвей Иванович посадил Петю в машину и увез домой. Дети разошлись по домам, Зинаида Алексеевна вернулась в класс и неожиданно сказала первоклассникам.

— Не знаю, поймете ли вы меня сейчас, но даже если и не поймете, запомните, стыдно обижать тех, кто слабее тебя, и нужно уметь отвечать за свои поступки. Нужно жить деликатно. Это мне мама с папой всегда говорили.

Дети серьезно кивнули головами.

Зиночка вечером никак не могла заснуть. Она все думала и думала о том, что произошло днем, и ей было беспокойно. Как будто она что-то сделала не так. Что не так она сделала? Не нужно было бежать к детям, когда она увидела из окна, как старшеклассник взял за воротник куртки Алешу, и поднял его над землей, а Петя замахнулся на обидчика крепко сжатым кулачком?

Конечно нужно было, потому что ситуация была критической. Она бежала защищать Алешу от обидчика. Она на помощь Алеше бежала. А помогла она ему? Нет! Она наказала мальчика морально, а как ей хотелось смешаться с толпой девчонок и крикнуть старшекласснику, чтобы он дал Алеше чувствительный шлепок. А самому Алеше, что легче было стерпеть? Этот стыд-позор, когда он дрожащими губами перед всеми произнес слова, написанные в записке или физическую боль? Что бы было дальше, если бы взрослые не вмешались в отношения между школьниками?

Ничего хорошего! Нужна была детям помощь взрослых, но вот какая? Что они сделали не так?

Сомнения Зинаиды не рассеялись и утром, хотя известно, что оно — вечера мудренее. Так и прошел день с тяжестью на душе, а вечером к Зиночке постучалась бабушка Фленушка. Несмотря на преклонный возраст, она ходила быстро и семь верст для неё были не крюк.

— Здравствуй, дева! Пойдем ко мне, разговор есть, — сказала она прямо с порога.

— Сейчас?

— А то когда же? Правнук в школу не пошел, у меня он, домой тоже идти не хочет, переживает сильно. Беда! Надо мальчонке помочь беду изжить! У нас в роду злодеев никогда не было, да и в том роду, со стороны отца тоже не было. Не больно умные были, а злодеев не было. А Алешка прямо злодеем оказался. Оно, конечно, жизнь не проживешь, чтобы кого когда невзначай не обидеть, но на тот случай давно слово изобрели. Скажешь, «прости меня, я не со зла», и снимешь с души грех. А тут и я растерялась. У кого просить прощения? У Пети? Он не поймет. У родителей Петиных? Так я повинилась перед Матвеем Ивановичем, при всех повинилась. А мальчонка робеет. А тут ещё мамка, внучка моя, никак не успокоится. Нет, чтобы понять дитя свое, чтобы почувствовать, каково ему, так она криком кричит на него. От людей ей стыдно! Я такую жизнь прожила большую, всякого повидала, а такое первый раз приключилось. Я и решила всех собрать, чтобы посоветоваться. В ножки тебе кланяюсь, приходи, правнучка, из беды выручать.

Фленушка действительно поклонилась Зиночке.

— Бабушка, бабушка, зачем вы так? Я сейчас же приду, сию минуту.

— Вот и ладно! А я Матвея Ивановича приглашу, да внучку свою призову. Все вместе и разберемся.

У бабушки Фленушки был удивительный дом. Это был первый дом в деревне. Именно с него она и начиналась. Когда-то он был новым, стоял на возвышенности, сверкал на солнце четырехскатной железной кровлей и радовал взгляд. Больше века дом прослужил людям. Народу в нем перебивало человек пятьдесят — не меньше. Вначале жила большая семья дедушки, потом его сын с женой и детьми свой век прожил, потом Фленушка своих детей поднимала в одиночку, потому что муж её с войны не вернулся, а четверо деток выросли на её руках, потом дочь с ней долго жила, пока не отделилась, оставив в доме внучку с мужем, но и они переехали недавно в новый дом, так что Фленушка одна осталась. Правнучек Петенька её не забывал. Он домой только ночевать ходил, а все остальное свободное от занятий время проводил у прабабушки.

Зиночка собралась быстро. Глянула на себя в зеркало, причесала свои густые черные кудри, повязала голову шарфом, а куртку одевала уже на ходу. Дверь она на замок не закрыла, а прикрыла плотно и веником подперла. Пусть знают, что её дома нет.

Советование в доме Фленушки началось через полчаса. Когда все собрались в чисто убранной светлой половине дома за большим дубовым столом, начался трудный разговор. Алеша прятался в дальней комнате.

— Давайте серьезно разберемся в ситуации!

Матвей Иванович ни на кого не смотрел, а смотрел в окно.

— Не думал я, что чтение моего Петеньки такой бедой обернется. Мы с Аней так радовались, что он читать научился! Он сказки стал сам читать, карандашом печатными буквами слова пишет. У него даже взгляд стал другим. Мы с Аней и считать его стали учить, он простые числа складывает и отнимает. А как он сам радуется всему, как радуется! Может быть, он и приспособится к жизни понемногу. Мы же не вечные. А тут эта неприятность! Он никогда ни на кого руки не поднимал, а тут за Алешу заступаться стал. Неужели его в интернат сдать придется? Закрыть в специальном лечебном учреждении?

— Так уж и в интернат? Да что он такого сделал?

— Проявил агрессию. Нам медики всё время говорили, что если Петя проявлять агрессию станет, его нужно в интернат оформлять.

— Тогда уж и Алексея в интернат. Он тоже эту самую агрессию проявил.

— Мы не карать детей собрались, мы подумать собрались, как Алеше помочь вернуться в детский коллектив.

Пока взрослые горячо обсуждали, как найти выход из сложившейся ситуации, покосившаяся калитка во двор бабушки Фленушки скрипнула, и ватага мальчишек стала подниматься на высокое крыльцо. Ребятишки громко постучали в дверь.

— Можно?

Не дожидаясь ответа, они один за другим вошли в дом, но чуть оробели, увидев собравшихся взрослых.

— Алеша дома? Алеша, ты чё в школу не приходил. Не заболел? Светлана Николаевна велела нам узнать.

— Нет.

— А раз не заболел, айда с нами в кино, нам разрешили, сегодня детский фильм. Сказка. «Синяя птица» называется. Можно и на вечерний сеанс. Айда?

— Я у мамы спрошу. Мама, можно в кино?

Взрослые переглянулись.

— Можно.

— Денег дай!

— Возьми в кошельке в кармане моей куртки. Да валенки переобуй. Куда в валенках? Ноги промокнут.

Мальчишки также шумно покинули дом вместе с Алешей, у которого вид был счастливый.

В сенях их догнала бабушка Фленушка.

— Накося вам тарочек в дорогу, я сегодня напекла.

Мальчишки угощение приняли, пробормотали слова благодарности и, пробуя на ходу стряпню, помчались к клубу.

Все взрослые помолчали некоторое время, а потом заговорила Зинаида Алексеевна.

— Я заметила, что взрослые всегда преувеличивают проблемы детей. Мы тут целый час придумывали злодейские варианты, как Алеше в коллектив вернуться. Прощение он должен попросить публично у Пети, или у ребят, или у Матвея Ивановича, или у всего мира. Переживали, что дети ему не простят. А сами дети уже забыли эту Алешкину выходку, он, как был для них

другом, так другом и остался. Он глупость сделал, и ничего больше. Мне мама всегда говорила, что нужно шалость детскую от проступка отличать. Толкнул он кого-то нечаянно, порвал что-то, прошел с грязными ногами по чистому полу — это все шалости. А если он обманул, украл, не сделал нужное дело — вот тогда нужно принимать самые строгие меры. Самые строгие! Дети сами разобрались, а теперь разберемся мы. Нам нужно Алёшу простить. Вам, Матвей Иванович, простить и забыть эту историю. Вам, тетя Нина, нужно простить сына, но не забывать эту историю, а быть настороже. Если ещё что-то такое повторится, значит у Алёши вырабатывается плохая черта характера. Но я думаю, что он не повторит ничего такого. Видите, как сам он все это сильно переживает. А вы, бабушка Фленушка, самая мудрая из нас. Спасибо вам за науку! Я никогда и никого из детей публично унижать не буду!

Взрослые попили чайку, поговорили о том, о сем и разошлись по домам успокоенные. Бабушка Флёнушка пошла всех провожать, Матвей Иванович уехал по делам, Нина заторопилась домой, а Зиночка чуть отстала.

— Как замуж пойдешь и своих детей в мир приведешь, ты их хорошими детьми вырастишь. Годы у тебя молодые, а ума — палата!

— Не пойду я замуж, и детей у меня не будет!

— Вон оно как! А что так?

— Разве вы не знаете, что? У меня ведь родители карлики были. А вдруг у меня такие же дети будут?

— А ну-ка, воротись, дева, ко мне.

— Зачем?

— Воротись, воротись, разговор есть. Не думала я, что придется мне тебе это говорить, думала, что тайна эта со мной так и уйдет, её никто в мире не знает, да видно настала минута тайному явным становиться.

Зина вернулась в дом старушки в полном недоумении.

Бабушка прошла по дому, заглядывая во все углы, нет ли лишних ушей, не воротился ли правнук? Нигде никого не было. Тогда, наклонясь к уху Зиночки, бабушка дрожащим шепотом сказала:

— Они тебе не родители.

— Как? — Зиночка ахнула.

— А вот так. У матери твоей живот как-то заболел, а я всех лечу, вот она и пришла ко мне за советом. Я ведь в деревне повитухой была, полдеревни мне в руки родились, я много понимаю. Осмотрела я твою мать и поняла, что она никогда не рожала. Не было у неё детей. Бездетная она. А про отца не могу сказать ничего точно, но тоже думаю, что он тебе не отец.

— А как же фамилия? А как же отчество?

— Ну, чего не знаю, того не знаю. Вижу, смутила я тебя, дева. Не собиралась я тебе выдавать чужую тайну. Прости меня, Ольга Алексеевна, золотой души женщина!

Бабушка подняла глаза к высокому потолку, как будто посмотрела на небо, повернулась к старинным иконам в углу и перекрестилась.

— А теперь ступай домой, да поразмысли над всем хорошенько! Да сорокам — соседкам твоим — ничего не говори! Разнесут мигом! У них чу-

жая тайна не задержится. А ты попытайся узнать, кто ты и откуда. И не бойся семью завести. Дети у тебя будут хорошие!

Зина домой не пошла, а поплелась, а когда оглянулась на окна дома старушки, она увидела, что Фленушка отодвинула занавеску и пристально смотрит ей вслед.

Зиночка пришла домой, и долго сидела в темноте, не раздеваясь и не включая света. Это был её дом. Она знала в нем каждую половицу, каждый уголок, каждое окошечко! Это был типичный деревенский дом, стены которого были сложены из толстых бревен, уложенных горизонтальными рядами — венцами.

Он был деревянный, построенный без единого гвоздя, с помощью одного только топора. Дом был четырехстенный, но к нему были пристроены просторные сени из плах. Внутри дом не был весь оштукатурен, а только пазы между бревнами были промазаны глиной и закрыты дранкой. У дома была двускатная железная крыша, а гребень крыши был украшен жестяным петушком, который пел свою бесконечную утреннюю песню. В небольшой дверце, ведущей на чердак, вверху было выпилено маленькое оконце, а к нему прибита жердочка. Это было голубиное окошечко. На чердаке жили голуби. Кормиться они летали на зерновой двор, а зимой небольшая стайка ночевала на чердаке этого дома.

Зимними ночами можно было слышать особенные звуки. Голуби на крыше шуршали и негромко ворковали. Эти звуки убаюкивали Зиночку в детстве и успокаивали в юности. Правда, теперь голуби нашли пристанище в другом месте, потому что на чердаке поселился приبلудный кот Пронька.

К праздникам дом мылся весь. Мылись и скоблились некрашенные потолки и стены, а когда они высыхали, дом наполнялся каким-то особенным светом чистоты и смолистым благоуханием соснового леса, омытого дождем. И только половицы в доме были выкрашены золотистой охрой.

Дом был светлым. Свет лился через окна, которых в небольшом домике было семь. Окна смотрели на юг и на восток, а одно оконце выглядывало на улицу, на северную сторону. Окна прикрывались крепкими дубовыми ставнями, и они хранили тепло дома зимой и прохладу летом.

Внутри дом был устроен по старинке. Печь была сложена справа. Она отделяла от дома небольшое пространство, которое прежде назывался бабий кут или закуток. Слева, за маленькой перегородочкой находилась комнатка, которая была мужским местом в доме. По диагонали от печки был угол, который назывался в давние времена «красным». Здесь была когда-то полка-божница, на которую ставились иконы. Полка сохранилась, но на ней вместо иконы стояла фотография родителей Зины. Не было в доме полатей, дощатых настилов вдоль стены, на которых в прежние времена спали обитатели дома. Их убрал отец за ненадобностью, но Зина помнила, как маленькой девочкой она забиралась на них и затаивалась там в их темной глубине, и родители искали её повсюду, а когда находили, так бурно радовались этому, что удивляли девочку.

Было в доме ещё одно таинственное место — подполье. Но туда Зину долго не пускали, говорили, что там живет домовый. У него глаза в темноте светятся, борода трясется, и он страшный. А когда он в подполье замерзнет,

он перебирается к печке и прячется там в закутках. Его нужно оберегать и иногда оставлять ему ночью молока в блюдце и кусочек хлеба. Для него это главное лакомство. Если в доме любят домового, хозяйка добрая никогда не оставит немытую посуду на ночь. Если оставлять посуду, домовый может обидеться и уйти и унести счастье и удачу всех жильцов с собой.

Зина однажды в детстве оставила еду для дедушки домового. Утром блюдце было чистым, и хлеб исчез. После этого опыта Зина поверила в существование духа дома. Она стала оставлять угощение почаще. Однажды, Зина проснулась раньше обычного и увидела, как молоко из блюда лакает кошка, а корочку мама подняла и положила в чугунок, где распаривался корм для поросенка.

— Все враки! — грустно сказала девочка за завтраком, — про домового все враки! И зачем взрослые детей обманывают?

Родители ничего не сказали ей в ответ, но мама странно вздрогнула тогда, и посмотрела на Зину испуганно. И промолчала.

У неё была семья: любящая мама и хороший, добрый, мудрый папа! Она была согрета любовью их сердец. Они жили для неё: кормили, одевали, обували, растили и заботились о ней. Она знала их всю свою жизнь. Не нужно верить в то, что они её обманывали в главном. Не такие они люди. Но они и не говорили ей всей правды. Они никогда не рассказывали ей о своем детстве, хотя она и спрашивала их.

— Расскажи мне, мама, как ты была маленькой? — просила Зиночка.

— Я всегда была маленькой, — отшучивалась мама.

— Расскажи, расскажи! — приставала Зина.

— Нечего рассказывать! Ничего хорошего не было!

Отец смотрел на неё строго и сердито, и Зиночка прекращала расспросы.

В доме ей было всегда тепло и уютно, а сейчас ей стало не по себе. Сидя в темноте, Зина вдруг вспомнила, что ей не давали в руки «Свидетельство о рождении». Даже тогда, когда она получала паспорт, с ней в райцентр поехала мама, она заполнила бланк на получение паспорта сама, а Зина только расписалась в нужном месте. Может быть этот документ откроет ей тайну её рождения? Нужно его найти!

— Мама мне не мама, а папа не папа!

Зина включила свет и стала лихорадочно искать свидетельство повсюду. Она заглянула в каждый уголок, просмотрела все книги на книжной полке, открыла все шкапулки, вытащила все ящики стола и пребрала все бумаги. В старом портфеле на нижней полочке лежали самые грустные бумаги — свидетельства о смерти родителей. Зиночка взяла их в руки и заплакала.

— Значит, вы мне не мама и папа? А кто же вы тогда мне? Чужие люди? Но этого не может быть! Не может быть лишь по той простой причине, что я на маму похожа! Вылитая мама! Все так и говорили, что я — мамина копия. Мы все носили одну и ту же фамилию. Отчество у меня Алексеевна, а так звали моего отца. Может быть бабушка Фленушка что-нибудь напутала? Или обманула меня? Придумала ложь в утешение на мои слова о том, что я не собираюсь становиться мамой?

Зина вспомнила серьезный взгляд старушки ей вслед. Завораживающий взгляд. Ей почему-то стало страшновато. Зина опять стала метаться по дому в поисках документа, и в это время послышались странные звуки! Что-то под окном громко хлопнуло и застучало, застучало в стену! Хорошо, что Зина так и не сняла куртку! Она выскочила во двор, испуганно посмотрела на дом и облегченно вздохнула. Это оконную ставенку сорвало ветром с крючка, и она, ничем не закрепленная, моталась от ветра из стороны в сторону и звенела оконным стеклом и громыхла по бревенчатой стене дома. Дом как-будто выражал протест против того, что его обыскивали. Он обиделся.

Зина вернула крючок на место, а дом погладила по шероховатой стене так, как гладят заскулившую собаку, ласково и осторожно. Потом она улыбнулась и вернулась в дом успокоенная. Она включила свет, сняла куртку, подошла к рабочему столу и присела. Нужно было еще поработать над уроками. А тайна, открытая ей сегодня, подождет. Но Зина с ней разберется, обязательно разберется. Когда у неё будет время, а сейчас ей просто некогда!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

На следующий день утром Зина все думала и думала о разговоре с бабушкой Фленушкой и о тайне, нечаянно ей открытой. Её душевное равновесие было нарушено. Как так может быть? Мама ей не мама и папа выходит тоже не папа? Откуда тогда взялась её жизнь? Где её истоки? У большинства людей в этой жизни полная ясность. Вот мама, которая дала жизнь, вот папа, который эту жизнь охраняет и бережет. Вот родственники, которые любят тебя ни за что, а просто потому, что они — родня. Хорошо если есть у человека бабушки и дедушки, которые с невероятной силой уходящей жизни льют потоки своей нерастроченной любви на внуков и правнуков!

У Зиночки не было никого. Единственным источником была сила любви её родителей. Вся житейская мудрость Зиночке была дана ими. Совсем не простой вопрос: «Что такое хорошо, а что такое плохо?» — навсегда был решен для неё именно с их помощью. «Живи по совести, вот тогда и тебе и людям вокруг будет хорошо!» — сказала ей мама или не мама она ей?

В трудные минуты жизни Зиночка искала ответы на вопросы в книгах. Её научил этому отец. Он тоже иногда или в шутку или всерьез подходил к книжной полке, закрывал глаза, брал в руки первую попавшуюся книгу, открывал её, наугад находил строку, и читал. Иногда такие «книжные советы» были смешными, а иногда настолько точными, что просто поражали.

Зиночка подошла к полке и сделала все так же, как делал папа.

«Испуганное сердце ищет Веры и просит нежных ласк Любви. И Слабостью рождены три птицы — Уныние, Отчаяние, Тоска», — прочла Зина в книге Горького.

Так вот оно, в чем дело! Она испугалась! Она проявила слабость! Вот откуда у неё и уныние, и отчаяние, и тоска. Ну, уж этому не бывать! Зина всегда была сильной. Она всегда «сдюживала» в самых трудных ситуациях и находила разумные выходы. И она опять вспомнила советы своей мамочки.

Если что-то сразу же не получается, никогда не отчаивайся! Отступи на время, а потом опять принимайся за это же дело. С девятой, десятой, двадцать пятой попытки оно все-равно у тебя получится! Главное — стремиться! А некоторые ситуации со временем разрешаются сами собой.

Хоть и небо для Зины стало в пятак, а земля в кулачок, она решила, что ничего страшного в её жизни не случилось, а тайна ей откроется сама собою! Нужно время и ничего больше!

Пока она раздумывала, она делала привычные утренние дела: растопила печь, вынесла еду собаке, взяла маленькое ведро и пошла доить козу по кличке Катька. Коза запрыгнула на небольшой помост для доения, Зина вымыла вымя, вытерла полотенцем и стала доить. Катька забеспокоилась. Она стала переступать с ноги на ногу, а потом вдруг упала на помост, закатив глаза. Зина едва успела выхватить ведро!

— В чем дело? Ты что себе позволяешь? Что не так?

Потом она вспомнила, что всегда на помост ставила ведро с комбикормом, а сегодня забыла.

— Ну, извини, подруга!

Она озорно подмигнула рассерженному животному и поставила на помост ведро с лакомством. Коза ожила.

Когда Зина принялась готовить на завтрак молочную кашу, она «убежала» прямо на глазах.

— Да что ты будешь делать! Прямо одно к одному! — закричала она отчаянно.

Зря ей Фленушка выдала тайну. Придавила она Зиночку, приплюснула. Стала она какой-то молчаливой, задумчивой, неразговорчивой. На уроках не мелькала по классу, успевая заглянуть в каждую тетрадку, подойти даже к самой дальней парте, а стояла, сиротливо прислонившись спиной к доске.

Она работала добросовестно, старательно, но яркий огонек в её душе погас. Даже воскресный поход в день прощания с масленицей с детьми на горюшашку, которая была прямо за околицей, не взбудрил её. Хотя проводили они масленицу честь по чести. И хороводы водили, и старинные песни хороводные пели, и у костра посидели, и соломенную чучелку масленицы сожгли. А добрые соседки баба Маша и баба Паша привезли на тележке к обеду детям угощение: огромную стопку блинов, большой чугунок горячей картошки, закутанный в старую шубейку да бидон теплого молока. Телегу везла баба Маша. Высокая, крепкая, она без усилий катила тележку по тропинке, а низенькая и круглая, как колобок, баба Паша шла налегке и только наблюдала за тем, чтобы с тележки ничего не упало. Расселись ребятишки на поваленных ветром стволах старых берез и стали угощаться. Никого два раза приглашать не пришлось. На свежем воздухе, да в компании и аппетит приходит сам собой. Федя из второго класса четыре раза попросил добавки, и четыре раза ему не отказали.

— Все! Больше не могу!

Он расстегнул куртку и погладил свой животик.

— А мы и не настаиваем! — засмеялись взрослые.

— А куда же остатки картошки денем?

— Птичкам под деревце выложим. Мы уйдем, а они соберутся и поедят. Картошечка — второй хлеб!

— А может мне домой взять да поросенку скормить, если никому больше не нужно?

— Ну, куркуль! Весь в деда! Тот тоже и крошечки пропасть не давал! — засмеялись соседки.

— А садитесь-ка вы поплотнее, дети, и ты, Федя, садись рядышком со всеми, — пригласила баба Маша, — я вам старые истории деревенские рассказывать буду, которые от бабушки своей слышала. Уселись? Ну, так слушайте теперь...

Голос у бабы Маши был уже старческий: чуть хриловатый, надтреснутый. Но как она говорила! Таинственно, полупшепотом, то наклоняясь к своим слушателям, то отстраняясь от них! Она то смотрела в глаза ребятишкам, а то отворачивалась от них и поднимала взор к небу.

...Моя бабушка пришла на Амур ребенком. Родилась она на Украине, хорошие там края, но земли маловато. А тут на Дальнем Востоке просторы какие! Вот её родители и решили переселиться вместе с многочисленной родней. Вначале они по железной дороге ехали, а потом два года сюда пешком шли. И коровок гнали с собой, и гусей везли в телегах и курочек, и прочую живность. Пришли в неведомые края, выделили им участок здесь, на берегах Кудринки нашей. Стали они устраиваться. Первую зиму едва пережили. Морозы-то вон какие лютые у нас! А потом обжились на новом месте. И как в сказке говорится, стали жить поживать и добра наживать. Подросла моя бабушка, заневестилась, её за нашего же деревенского паренька замуж и отдали.

Они пожили в большой семье родителей, а через два года отделились. Построили себе дом на краю села, все хозяйственные постройки. А раньше скотину всю вместе держали. Утрамбовывали землю, глиной покрывали. Она высохнет — как асфальт! Вокруг столбы вкапывали, ивой заплетали. Потом мазали с двух сторон глиной, верх соломой покрывали. И получалась постройка ладная, теплая и удобная. А внутри отделы были для овец, для коз, для птицы всякой, для молодняка, для коней. Только на новом месте никак скотина не водилась. Неохотно в хлев кони шли, плохо ели, худели. Корова заболела и вовсе сгинула. Стали говорить в селе, что нечистая сила живет в хлеву и надо её спровадить. Вот взяли они святую воду, да и побрызгали во все углы с молитвой праведной. Вдруг что-то как зашуршит, зашумит, завоет, а потом вихрь пошел по пригону какой-то. Потом выть какое-то слышалось, топот, дверь сама собой распахнулась, а трава стала приминаться во дворе так, как будто кто-то невидимый по ней бежал огромными шагами.

Дети слушали словоохотливую старушку так внимательно, что даже дыхание затаили. Зина тоже слушала с большим интересом.

Вдруг над головами раздался какой-то писк, а когда все посмотрели наверх, то увидели, что на ветке дерева отчаянно дерутся два воробья. Перья у них воинственно торчали во все стороны, они грудью налетали друг на друга.

— Кыш, забияки, кыш!

Воробышки взлетели в воздух, но даже в полете продолжали воинственно чирикать. Потом один из них поднялся повыше и маленьким коричневым комочком бросился вниз, пытаясь сбить противника, но промахнулся и упал на землю.

— Да что вы не поделили? Утихомирьтесь!

Упавший воробушек отряхнул свои перышки и торопливо взмыл вверх. Он громко чирикал, отчаянно махал крыльшками и изо всех своих воробьиных сиденок пытался догнать своего врага.

Птичий поединок насмешил всех.

— Интересно, что они не поделили?

— Может быть, это муж воробей с женой воробьиной ссорятся. Мало ли что? Дров не нарубил, воды не наносил, в магазин не ходил, — пошутила баба Маша.

— Скорей всего это так! — сказала Зинаида Алексеевна. Это действительно воробей с воробьиной ссорились. Заметили — у воробья есть такой на оперении маленький галстучек. Чем он у него заметнее — тем воробей важнее. Однажды орнитологи поймали в стайке воробья самого неказистого. Галстук у него был едва заметен. Они ему нарисовали галстук яркими красками. Выпустили его, а потом увидели, что он в стайке птичьей стал самым важным и главным!

Рассказ учительницы был таким интересным, что ребятишки выслушали его и улыбнулись. Чувство страха, разбуженное рассказом соседки, у ребятишек пропало без всякого следа!

Костер не совсем погас, горячие угли разогревали воздух, и он поднимался вверх прозрачным плотным чуть дрожащим потоком. А сквозь него, как через стекло, была видна полевая дорога и лес, и кустарник, и старая береза, стоявшая в отдалении. Уже то там, то здесь виднелись участки земли, свободные от зимнего снега. Неделки через две — три они заголубеют от подснежников, которые покроют их нежным ковром.

Прощай, зима! Здравствуй, лето!

Не знала Зиночка, что праздник прощания с неделей масленицы был и её прощанием с детьми. Через несколько дней вечером Зина не получила листочки с поурочными планами, а когда позвонила Вере Васильевне, узнала, что она поправилась и выходит на работу!

Как потерянная весь вечер ходила Зина из угла в угол. Вечер был свободным, и заняться было совершенно нечем!

На следующий день Зина в школу не пошла, но в обед за ней прислали гонца — Сашу Лукина. Он поздоровался и широко открывая свои голубые глаза сказал, что Вера Васильевна срочно зовет Зинаиду Алексеевну в школу.

— Что случилось? Почему такая срочность?

— Не знаю, но сказали, чтобы срочно вы пришли! Прямо сейчас.

Зина повиновалась. А в школе ей устроили праздник! Вера Васильевна при всех сердечно поблагодарила и от своего имени, и от имени всех ребят Зинаиду Алексеевну за добросовестный труд! Дети подарили самодельные открытки, а потом все вместе они попили чай со знаменитыми кренделями бабы Паши. А когда Зина уходила, Вера Васильевна пошла проводить её на школьное крыльцо, и крепко пожала ей руку.

— За Сашу Лукина большое спасибо! У тебя — педагогический талант. Подумай о педагогическом институте! Поступай заочно. Пойдешь по внеконкурсному набору, направление тебе дадут, я похлопочу. Если решишь, доставай учебники и начинай готовиться к экзаменам уже сегодня. На заочном отделении они немного раньше — в конце мая. И отдельное спасибо за Петю. Я теперь его не оставляю своими заботами, буду учить понемногу. Может быть хоть программу начальной школы он освоит! А ты серьезно подумай о поступлении в педагогический институт. Серьезно!

Зиначка обещала подумать над предложением Веры Васильевны. Вечером она затопила печку, подоила козу, накормила Полкана и страшного приبلудного кота, который ни за что не хотел жить в доме, хотя Зина и приглашала его, но он в дом не заходил, может быть стеснялся своего слегка потрепанного вида, а может быть не доверял людям.

Он жил на чердаке и спал на опилках возле теплой печной трубы, а вечером позволял покормить себя теплым парным молоком из миски, которую Зина специально поставила за домом так, чтобы она не была видна Полкану. Но Полкан все равно чувял, что кот ужинает, лаял и рвался с цепи так, что боязно было и за кота, и за Полкана, и за самую тяжелую цепь. Поэтому приبلудный кот лакал молоко с такой скоростью, что миску опустошал почти мгновенно, даже если она была налита до краев.

Потом Зина села в уголок дивана, стараясь и там занять как можно меньше места. Свет она не включила, телевизор тоже. Только полная луна освещала дом, заливая все вокруг своим странным бледным светом. Зина долго сидела неподвижно, а потом подняла руку с раскрытой ладонью. Крепко сжала руку в кулак, а потом разжала один единственный указательный палец, подняла его вверх и громко сказала:

— Я одна! На всем белом свете одна. Одна — как перст!

Потом безвольно опустила руку на колени, еще плотнее вжалась в уголок дивана и горестно заплакала.

Вдруг в сенях раздался грохот, двери широко распахнулись и в дом вошли соседки.

— Почему огня не зажигаешь? В темноте сидишь? Мы уж думали, что и дома тебя нет, но смотрим, веником не приперто. Значит дома. Свет-то можно включить?

— Можно.

Зина торопливо вытерла слезы. Баба Маша глянула пристально, но ничего не сказала. Соседки с собой принесли угощение.

— Ты еще не ужинала? Мы тут решили посиделки устроить.

Они накрыли стол и стали наперебой угощать Зину принесенной снедью, и сами не забывали угощаться. Поговорили о том, о сем, баба Паша посмешила всех рассказом о прочитанной книге.

— Вы знаете, что в нашей клубной библиотеке я уже все перечитала. Решила на днях я на центральную усадьбу в библиотеку поехать. На послеобеденном школьном автобусе уехала, а там как раз час до рейсового автобуса. Пошла я в библиотеку, стала книжки выбирать, а мне библиотекарь Надежда Сергеевна и предложила книжку. «Ночь страсти» называется. Вроде бы и неприлично брать такую книжку пожилой женщине. Такие книги

для молодых написаны. Но не утерпела, взяла. В сумку на самое дно положила, не хотела, чтобы кто посторонний увидел. Приехала домой, быстро управилась, дом на крючок закрыла и давай читать. Читаю, читаю, читаю. Никакой страсти! Все им бедным влюбленным что-то мешает. То его ранили, бедного, не до страсти ему стало! Только он поправился, забыли девушку похитили, а после похищения она заболела. Только поправилась — он на охоту поехал и заблудился. Наконец, все неприятности кончились. Смотрю, и книга кончилась. На последней странице настала эта ночь страсти, но без всяких подробностей!

Баба Паша вздохнула горестно и притихла.

— Так! А тебе подробности нужны были! Бедная старушка! Разочаровалась!

Мария Ивановна стала смеяться так громко, басовито, что стекла в оконных рамах задрожали!

— Уморила ты меня! А я думала, что ты только умные книжки читаешь!

— Название у книги обманчивое какое. Не зря я не люблю этих иностранных писателей. Всегда они названием приманивают читателя. Вот наши книги называются без всякого обмана: «Горькие шанежки», «Хождение по мукам», «Война и мир».

— Какая жизнь наша горестная, такие и названия у наших книг. Некогда нашим писателям пустопорожнюю окоlesiцу писать. А у этих, у иностранцев, жизнь-то наверное, побогаче нашей. Не за этим мы пришли к Зиночке, чтобы о книгах поговорить. Мы пришли совет держать. Мне Паша рассказала про предложение Веры Васильевны. Смело принимай его. Очно в институте на одну стипендию не больно-то проживешь, а заочно учиться полегче.

— Подкопишь денюжат за зиму, да и летом на сессию. А учиться можно и по книгам. Библиотека у нас на центральной усадьбе очень хорошая, да и в райцентре книги в библиотеке дают. Райкомовской библиотекой тоже можно пользоваться, там тоже не откажут. Так что решайся!

— А за дом не переживай! За домом мы по-соседски присмотрим. И козу твою капризную подоим и Полкана покормим, и кота твоего красавца прибудного не забудем! Что скажешь?

— Я подумую.

— Подумай, подумай! Такое решение так не принимается. Нужно подумать! Ты не профессию себе выбираешь, ты судьбу себе выбираешь! Я вижу, как ты к почтовому делу прикипела, а ведь и школьное тебе по душе пришлось. Вон ты как маешься без детей. Сама не своя ходишь. Вера Васильевна верно в тебе подметила педагогический талант. А это не каждому дано. Не каждый может хорошим учителем стать.

— А я ведь Сашу Лукина чуть не ударила дневником по голове. Вы разве забыли?

— Но ведь не ударила, сдержалась. Хватило ума. А учитель и должен быть таким горячим. Страшнее — равнодушие, Вера Васильевна тоже иногда шумит на ребятишек, когда они работают вполсилы. Но она их любит, готова за них и в огонь, и в воду, как говорится, а они это чувствуют и доверяют ей.

Она в класс с добром идет. Если они плохо отвечают, она сокрушается и говорит, что это она виновата, плохо объяснила им материал на прошлом уроке. А дети её утешают и берут вину на себя, говорят, что они просто не постарались, а впредь будут лучше стараться. Со стороны так интересно за ними наблюдать. А что, в школе должны одни холодные рыбы работать? Учится старательно или вовсе не учится ребенок, а учителю всё равно. А там знают дети или ничего не знают, это их дело. Желание научить детей хорошо должно быть горячим желанием. Нужно ободрять детей, заставить верить в себя и в свои силы — вот и будет результат. Нужно, чтобы у детей интерес к учебе был, а не из-под палки они учились. А ты уже показала свое умение учить детей. Так и иди по этой тропе. Тебя сама жизнь на эту тропу вывела. Она тебя в люди выведет. Думаешь, я не поняла, что ты плакала в темноте до нашего прихода? Поняла. Плохо тебе? Нужно делать так, чтобы было хорошо!

— Паша тебе все правильно сказала, она говорит, как по писанному, сколько книг перечитала, мне за ней не угнаться, а я по-простому добавлю, что ты не хромая, не слепая, здоровьем Господь тебя не обидел, красотой, умом не обделена, так меняй свою жизнь. Это тебе по силам! Жизнь — она в руках человека. Вперед нужно смотреть! Как говорится в народе, вчера не догонишь, от завтра не уйдешь! Как человек сам захочет, так и будет! Ты пожелай! И главное — сделай хоть что-то для исполнения своего желания!

— Подумай над тем, что мы тебе сказали. Мы тебя любим, как родную. Ты у нас на глазах выросла. Мы плохого тебе не посоветуем!

Соседки пожелали спокойной ночи и ушли, а Зина стала мыть посуду. А чтобы дело шло быстрее — она напевала негромко любимую песню отца про красотку, которая живет в высоком терему. Когда она вымыла последнюю чашку, она вдруг со всего размаха хлопнула ей по столу так, что та едва уцелела.

— Все! Решено! Готовлюсь к поступлению в пединститут. Мама мечтала о том, чтобы я стала учителем, потому что она сама бредила этой профессией и папа одобрял этот путь. Я никогда и не думала, что преподавательское дело моим будет. Не я его выбрала, а оно меня, значит чему быть, того не миновать!

На следующий день Зиночка зашла в клуб, нашла там подшивку областной газеты «Амурская правда», а в ней страницу, на которой красовался заголовок «Куда пойти учиться». Выбор был не так уж и богат: в ближайшем городе было всего три института: педагогический, медицинский и сельскохозяйственный, и они приглашали абитуриентов, а отделение заочного обучения были только в двух.

Сельскохозяйственные профессии Зинаиду не привлекали, зато в педагогическом институте открывался новый факультет «Начальных классов» с очной и заочной формой обучения. Вступительные экзамены были сложными, чтобы с ними справиться, нужно было начинать подготовку немедленно.

Вера Васильевна, узнав о серьезных намерениях Зиночки, сразу стала помогать. Всевозможные пособия, программы, учебники лежали на письменном столе в горнице дома внушительной стопкой. Зиночка все вспоминала живо, занималась усердно, документы отправила вовремя, получила вызов

на экзамены и уже собиралась отправиться в город, когда за несколько дней до поездки разразился скандал.

Её милые соседки поссорились до такой степени, что не разговаривали между собой, не смотрели даже в сторону друг друга, а к любимой Зиночке ходили в гости врозь.

На все вопросы Зиночкины они не отвечали ничего вразумительного. Окольным путем Зина узнала, что причиной ссоры соседок стал петух тети Паши. Ей его подарила сестра, и он жил на подворье совсем недавно. Этот куриный вождь оказался персоной отрицательной. Нет, он не клевался, не водил своих подруг на соседние грядки, не разрывал посадки, не склеывал свежие побеги всходившей кукурузы. Его поступки были гораздо страшнее. Он переманивал соседских кур нестись к себе в курятник.

Зиночкины куры оказались устойчивыми, и за соблазнителем не пошли, а куры бабы Маши поддались на провокацию. Петух каким-то образом знал, когда курочка собиралась снести яйцо. Он подходил к соседской несушке и обхаживал её. Странно клекотал, даже негромко кукарекал, потом раскрывал крылья и подталкивал ими курицу к своему курятнику. Там курочка несла яичко, а после этого она петуху была уже не нужна, и он шумно прогонял гостью прочь из своего курятника, а яичко становилось собственностью бабы Паши.

Баба Маша это все открыла и громогласно стала упрекать соседку и подругу в воровстве.

— Гляньте-ка, люди добрые! Я значит кур содержу, кормлю, а несутся они в соседском курятнике. А эта тихоня делает вид, что ничего не знает! Чужими яйцами закусывает, и совести не имеет.

После того, как было сделано такое заявление, во двор Марии Ивановны пыхтящим колобком вкатилась Прасковья Терентьевна и поставила посередине просторного двора лукошко с яйцами.

— Ну, Мария! Ну, Мария! Я не знала, что ты такая!

— Какая такая?

— Жадная?

— Я — жадная? Яйца свои забери! Забери свои яйца! Не в них дело! Уйми своего петуха!

— Я что? Заставляю его твоих кур сманивать?

— Каков поп, таков и приход!

— Закрой их в сарае, коли так!

— Я — закрою, а твои будут гулять? Не лучше ли тебе твоего петуха закрыть?

— А мои куры будут без петушиного внимания? Цыплят наседки высиживать перестанут.

— Ах, ты! Только свой интерес блюдешь, да? Все выгадываешь, все выгадываешь!

— Ты что, меня за жадину принимаешь? Да, я! Да, я!

И после этих слов маленькая тетя Паша вдруг выгнулась боком и пошла воинственно на соседку и подругу.

— Стойте! Стойте! — закричала Зина, видевшая все со своего двора, — вы с ума сошли? Подеритесь еще!

Она бегом бросилась во двор Марии Ивановны и встала перед разгневанными соседками.

— Опомнитесь! Помиритесь немедленно!

— Ни за что!

Зина села на скамейку во дворе у Марии Ивановны и громко заплакала.

— Да что же такое происходит? Да откуда на нас эта напасть? Да вы же мне обе, как родные! А вы — из-за петуха! Себя не жалеете, так меня хоть пожалейте!

Соседки бросились утешать Зиночку одновременно и стали разом просить у неё прощения.

Вечером в знак перемирия состоялось соседское чаепитие.

— А все-таки нахальный у тебя петух!

— Петух, как петух. Не пойман — не вор!

— Ах, не пойман?

— Стойте, стойте! Я запрещаю вам произносить при мне слово «петух». Не смейте больше ссориться!

Помирила соседок окончательно бабушка Фленушка. Она принесла Прасковье своего петуха, а коварного искусителя забрала с собой.

— Я живу далеко. Двор у меня по старинке обнесен крепким и высоким забором. Куры со двора у меня не ходят никуда и петух тоже домосед. Так что я вас помирю, девы. Повинитесь теперь друг перед другом. Столько лет в содружестве живете, так неужто поганая птица вас рассорит?

Баба Маша и баба Паша Зиночку в дорогу собирали уже вместе. О недавней ссоре между ними говорил только тихий тон их голосов, да виноватые взгляды.

Когда она ехала на десять дней в город, чтобы сдать вступительные экзамены, ей не позволили поехать налегке. Дали в дорогу отваренную курицу, два десятка вареных яиц, бутылку молока, да килограмма полтора творога, да баночку сметаны, да столько же медку с пасеки, да постряпала баба Паша немного в дорогу разных постряпушек и положила ей в сумку десятка два ватрушек с разной начинкой. Только и всего. Бабушка Фленушка принесла какой-то очень старый листочек пожелтевшей бумаги, на котором чернилами был написан текст молитвы.

— Вот, тебе охранная грамота. Положи в сумочку, а лучше в карман и носи повсюду с собой. Молитва на удачу в делах, она рукой моей мамы написана. Мне она всегда помогала, поможет и тебе.

Подарок старшей жительницы села бабушки Фленушки согрел девушке сердце. Добиралась она до города очень долго. Вначале на утреннем рейсовом автобусе доехала до районного центра. Она почему-то не приобрела билет заранее на автобус до города, и на утренний рейс ей билетов не досталось, а на послеобеденный рейс билеты продавались по прибытии рейсового автобуса из города.

Сидеть в грязноватом здании автовокзала Зине не захотелось, и она пошла по центральной улице городка. Пристанище она нашла на скамейке

в скверике на берегу Амура, который громко именовался парком. Две коротеньких аллейки с хилыми деревьями, да некрасивая клумба посередине парка — вот и вся красота. Открытая терраса для танцев была заперта огромным амбарным замком. Деревянное здание клуба было тоже закрыто. Кругом стояла угрюмая тишина. Только на Амуре было движение. Со стороны реки доносились самые разные звуки: постанывали гудки барж, слышались звуки команды, рокотали моторы. А может быть по реке уже ходит корабль на воздушных крыльях — «Ракета»? Зина спустилась с обрывистого берега и пошла на пристань. «Ракета» уже стояла у причала и принимала пассажиров. В речной кассе оказался один-единственный билет. Как будто кто-то специально его оставил для Зины.

— Поторопитесь, девушка! Через пять минут отправление!

Место для Зиночки оказалось возле окна по левому борту корабля. Всю дорогу видела путешественница китайский берег. «Ракета» шла по фарватеру, читая речные знаки. Она то приближалась к берегу, то удалялась от него, а в одном месте приблизилась настолько, что Зина рассмотрела рыбака-китайца, который на небольшом костре готовил обед. Большой медный котел на треноге был подвешен над огнем на цепи, языки костра жадно лизали его округлое дно, а китаец опускал в кипящую воду почищенную рыбу. В сторону русского корабля он даже не взглянул.

А Зина рассмотрела его внимательно, хотя скорость движения корабля была очень большой и берег буквально мелькал вдали. Река заставляла любоваться своей красотой. Она привлекала взор! Стремительно бегущая навстречу вода чуть-чуть рябила на солнце. Низко нависшие над ней кусты омывались волнами Амура. В заводях накапливался речной мусор — какие-то бревна и коряги, но они не портили ликующий вид бегущей воды.

На крутом русском берегу реки попадались приграничные села. Вид у них был такой знакомый и родной! Как будто её родная деревня переехала на новое место и смотрит любопытно окнами домов на бесконечно бегущую реку.

Вид областного центра поразил Зину. Город открылся неожиданно, за поворотом реки. Мощная и крепкая набережная, череда красивых зданий на берегу поразили воображение девушки. Она даже оробела слегка.

Приветливые горожане показали ей дорогу к институту. Они посоветовали ей пойти пешком, по набережной. Она так и поступила.

Город пугал девушку своим великолепием, а река — успокаивала. Проплывающие катера и пароходы разрезали поверхность реки, от них шли волны. Они набегали на теплый берег вначале длинными языками, а потом становились все сдержаннее и, наконец, утихали совсем.

В толпе людей, идущих по набережной, Зина ничем не выделялась. Она была одета в светлую майку, в обыкновенные джинсы, обута была в кроссовки. И роста она была среднего. И фигурка у девушки была без изъянов. Только распахнутые широко глаза, в которых было столько изумления, привлекали внимание прохожих. Да не модный совершенно чемодан в руках и огромная сумка, сшитая из рогожного мешка, выдавали в ней провинциалку. Пушистая коса через плечо, кудряшки, выбивающиеся из-под приче-

ски, да белоснежная льняная косыночка на голове, обшитая по краю легкими кружевами, делали её вид неповторимым.

Добрые люди показали ей здание института. Огромная тяжелая дверь не сразу поддавалась, но Зина её распахнула и вошла. Она переступила не только порог здания. Она вступила в новую жизнь!

К двум часам дня Зиночка уже располагалась в студенческом общежитии.

Напрасно Зина переживала, что продукты ей в общежитии хранить негде будет. Поселили её в комнату к третьекурсницам. У них место освободилось, потому что однокурсница ушла в декретный отпуск и перевелась на заочное отделение. Встретили новенькую приветливо. А когда Зиночка подошла к столу и выложила съестные припасы и высказала опасение, что они могут испортиться, девушки её опасения развеяли. Вскипятили чай и принялись пировать всей комнатой. Зине тоже кое-что перепало с дороги. Когда выяснилось, что все-таки вчетвером им все не одолеть, они постучали в стенку справа и слева условным стуком, и тут же пришла подмога из соседних комнат. Так что к ночи вопрос о сохранности продуктов был решен самым простым способом: не о чем было больше беспокоиться. А Зиночка сразу стала своей в доску девушкой в общежитии. Её опекали всей комнатой. Переживали за каждый её шаг, а когда стало понятно, что она поступила учиться — радовались этому даже больше, чем она сама.

Её сводили в кинотеатр, на концерт, показали лучшие места в городе.

Зиночка опять, как в школьные годы, была в кругу своих ровесников и с удовольствием общалась с новыми подругами. Она еще не знала, что такое общение — подарок судьбы, такой естественный в молодые годы и такой желанный в годы зрелые и преклонные.

Когда Зина приехала на два дня домой, чтобы известить всех о своем поступлении и собраться в город на долгий срок, её собирали опять всем селом. Даже дети принесли ей свою коллективную фотографию, на которой написали всего одну фразу: «Мы вас любим и ждем».

В комнату к прежним соседкам Зина не попала, потому что девушки сдали летнюю сессию и разъехались, а общежитие закрыли на ремонт. Заочников поселили в каком-то холле, в котором рядами наставили кровати и разместили двадцать пять человек. Шум и гам здесь стихал только к полуночи и возобновлялся ранним утром. Днем Зина слушала лекции, а заниматься ходила в читальный зал. Вот где был оазис тишины, порядка и размеренности! Поражал сам читальный зал своими размерами, своей высотой и своим убранством. Большие столы со стойками-перегородками и настольными лампами над каждым рабочим местом позволяли каждому, кто приходил сюда заниматься, чувствовать себя уединенно и погружаться в изучение предмета полностью. Кроме очевидного комфорта в читальном зале был комфорт невидимый, но осязаемый. В нем витал дух почтения к учебному труду и невольной вспоминалась поговорка: «Учеба — это тоже труд, но труд полный мыслей».

В своей группе Зина подружилась с Галей, которая была ей прямой противоположностью. Степенная, замужняя дама, у которой в деревне

осталась семья: муж Саша и годовалый сынок Ванечка на попечении бабушки, Галиной мамы, которая всю жизнь работала в школе и дочь пошла по её стопам. Галя была старше Зины. Она окончила педучилище, три года отработала в школе, а когда узнала, что открылся факультет начального обучения в институте, решила получить высшее образование.

Зина с Галей почувствовали какую-то неясную симпатию друг к другу и на занятиях садились рядом, вместе переходили из аудитории в аудиторию, стали вместе готовиться к практическим занятиям и зачетам в читальном зале. Галя охотно помогала Зиночке. Педагогическое училище давало своим выпускникам крепкие знания.

— Не напрягайся! — тихо говорила Зиночке Галя на лекции, — это в школе не пригодится, это дают для общего развития.

— Эту лекцию слушай внимательно, стремись записать каждое слово! Это твой хлеб!

Зиночка стала слушать. Уже сессия подходила к концу. Стояла дикая жара. В огромном лекционном зале собрались студенты первокурсники всех потоков заочного отделения. Читалась лекция по общим дисциплинам. Предмет назывался «Психология», тема лекции — «Память и её виды». Казалось, от горячего солнца плавилась окна, а лектор — пожилой человек, по виду — божий одуванчик, был одет в строгий зимний шерстяной костюм и ослепительно белую рубашку. Однако и жара, и долгие годы преподавания так утомили его, что лекцию он читал печально.

Высказав очередную мысль, он делал паузу, вздыхал, сонно моргал глазами, а потом уныло начинал развивать другую мысль. И голос его, и весь его вид говорили студентам, что, мол, вот, стою и читаю вам тут, потому что должен, а вы навряд ли что поймете так, как нужно, и на экзаменах мне будете нести такую чепуху, что даже я, повывавший многое на своем веку, буду удивляться и тихонечко говорить: «Первый раз слышу». У Евгения Гавриловича и кличка была такая, которую придумали студенты прежних времен лет тридцать назад — «Первый раз слышу».

— Память связывает прошлое субъекта с его настоящим и будущим, память сохраняет не только индивидуальный опыт, но является и механизмом наследственной информации.

Монотонно читал свою лекцию преподаватель. Сонная аудитория, сонный лектор, сонный день за окном, а вдруг Зиночкино сердечко отозвалось на слова лектора.

— «А где мое прошлое? Мама мне не мама, папа тоже не папа, кто же я? Откуда? Где мои корни? Почему в моей памяти нет моего прошлого? Ведь оно начинается задолго до его рождения. Это жизнь бабушек и дедушек, а не только детство. У меня нет никаких ниточек. Только мама и папа, которые мне не мама и не папа».

— Можно выйти?

— Пожалуйста!

Лектор сказал это снисходительно и даже презрительно. «Да хоть на все четыре стороны!» Воспитание и положение не позволяли сказать желанную фразу.

Зина выскочила в коридор встала к окну. Она стояла у большого окна и казалась такой маленькой под этим высоким потолком, рядом с этой широкой лестницей! Ей хотелось плакать.

Следом вышла встревоженная Галя.

— Тебе плохо? Пойдем, умоешься холодной водой. Конечно, такая жара! Пойдем, пойдем!

Теплая рука подруги легла на плечо Зиночки и увлекла её прочь от окна, и прочь от тяжелых мыслей.

Кроме прошлого, у каждого человека есть будущее и оно мало кому известно. Его подробности только слабо проявляются на горизонтах нашей жизни в общих чертах, а детально прорисовываются они только самой жизнью, придавая этой жизни огромный интерес. Что нас ждет с новым рассветом?

Этого не знает никто.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Была уже середина июля, когда Зина вернулась домой, а возвращение — всегда праздник.

— Почему вы мне писали такие короткие письма?

— Так не писатели мы. Извещали тебя о том, что в доме у тебя порядок. А зачем тебе подробные письма нужны были?

— Почитать.

— А что, тебе там почитать нечего было?

Баба Маша подморгнула соседке, и они обе дружно засмеялись и начали говорить. И сразу же Зиночка узнала о всех переменах, которые произошли в её отсутствие. Но самой главной новостью было исчезновение варваринского хуторка. Матвей Иванович договорился с электриками, которые неподалеку тянули новую линию электропередач, и они ему за несколько банок меда прошлогоднего сбора с собственной пасеки отдали две списанные бетонные опоры. Матвей Иванович обратился к односельчанам с призывом помочь устроить мост на варварин хуторок.

Всей деревней принялись за дело: вкопали столбы по разные стороны оврага, от них протянули канаты и подвесили опоры. Они были достаточной длины, легли на края оврага, но их закрепили на двух столбах по обе стороны на растяжку. Чтобы мост был надежным, скрепили бетонные столбы в нескольких местах перетяжками из канатов. Уложили настил, сделали перила. Пешеходный мост получился прочным, надежным, хоть и нешироким. Его можно было сделать и пошире, но тогда кто-нибудь мог нечаянно проехать по нему. А такой нагрузки он бы не выдержал. После того, как был вбит последний гвоздь в это сооружение, вечером после работы все кудринцы собрались возле него.

Черемисин Иван Николаевич — друг детства мужа Варвары — пришел в кепке с лаковым козырьком и с гармошкой в руках. Под звуки этой гармошки нарядная Варвара Пантелеевна прошла по мосту туда и сюда, сходилла в дом и принесла портрет мужа Ивана в нарядной рамочке и прошлась по мосту вместе с портретом. А потом поклонилась всем в ноги и пригла-

сила всю деревню к себе на чай. У неё во дворе были накрыты столы, и каждому нашлось угощение: детям — сдобные булочки, женщинам — сладкий компот, а мужчинам какая-то подозрительная мутноватая жидкость в трехлитровых банках. Матвей Иванович произнес краткую речь:

— Варвара Пантелеевна, теперь вы с нами и мы все рады вашему возвращению!

— Ура! — выкрикнул дед Черемисин и грянул «Прощание славянки». А потом Варвара пела.

Под окном черемуха колышится,
Распускает лепестки свои!
За рекой знакомый голос слышится,
Да поют всю ночь соловьи!

Давно её голос не звучал так радостно. Теперь Варвара сама ходила в магазин, навещала подруг, ходила в клуб и смотрела все фильмы подряд, а когда возвращалась, гладила перила своего мостика и даже украдкой целовала его.

— Ей Богу! Сама видела. Прошла по мостику, оглянулась, меня не заметила, встала на колени и поцеловала его. Поднялась, перекрестилась, вспомнила добрым словом хороших людей и дальше пошла.

— Не преувеличивай! Целовала она там мостик. Рада, конечно, очень рада она! Но ты Прасковью не слушай! До поцелуев мостика дело не дошло! Фантазирует она. Начиталась книжек, а там у людей чувства все напоказ! А мы поскромнее живем!

Зина любовалась своими милыми соседками. Полтора месяца не была дома, а было такое чувство, что она и не отлучалась. Такой был порядок вокруг.

И все-таки в самый первый вечер, когда соседки нагрянули на городское угощение, они не только рассказали ей деревенские новости, но и сами с острым любопытством задали осторожно жгучий вопрос.

— Ну, как ты там, в городе, никого себе не нашла?

Что было им сказать? Что сессия у заочников — это такой напряженный труд, что и в гору глянуть некогда! А по сторонам смотреть — тоже время нужно!

Конечно, был у неё один эпизод. В институтском буфете на неё все время смотрел очень приятный молодой человек, но не заговаривал. Когда она рассказала об этом новым подругам своим, они ей подсказали план действий. Ждать, когда молодой человек решится познакомиться, дело долгое. Нужно самой ему помочь. Девчонки научили Зиночку, как это сделать просто и естественно.

Зина и поступила так, как они посоветовали. Когда она в буфете опять увидела молодого человека, она вынула из кошелька деньги и подошла к нему.

— Молодой человек! Это не вы обронили деньги?

По сценарию, он должен был отказаться, но это должно было стать поводом для непринужденного разговора, типа: кто же это мог быть?

Только Зина успела проговорить свою заготовленную фразу, как из очереди вылез какой-то встрепанный нахал, он выхватил деньги.

— Это я потерял, я!

Молодой человек не успел и рта раскрыть, нахал присвоил Зиночкины денежки и стоял довольный, а Зиночка ушла из буфета, так и не перекусив, потому что денег с собой у неё больше не было. Ну, почему мы слушаем чужие советы? Слушаем и следуем им! Зиночке молодой человек после этой истории сразу разонравился, и хотя он и дальше смотрел на неё с повышенным интересом, она головы в его сторону не поворачивала.

Своим соседкам эту историю Зина рассказывать не стала. Зачем выставлять себя в невыгодном свете? А просто сказала, что ей было не до знакомств.

Не успела Зина переделать все накопившиеся дела, привести дом и двор в идеальный порядок, исправить все небольшие погрешности в делах, как вечером к ней явился Матвей Иванович. Опять он пришел по делу.

Он, как и прежде, скромно встал у порога и своим негромким голосом изложил свою убедительную просьбу. На время уборочной кампании на отделение прибывает группа студентов — четверокурсников из сельскохозяйственного института. Всего их — двенадцать человек. Жить они будут в клубе, там сейчас обустраивается помещение, а вот питаться им негде. Зброшенный домик, в котором прежде размещалась летняя столовая, пришел в такую негодность, что косметическому ремонту не подлежит. Утварь вся сохранилась на складе, а вот с помещением — промашка. И подумал Матвей Иванович, а нельзя ли использовать флигелек на Зиночкином подворье. Он просторный очень, и двенадцать человек запросто вместит. А чтобы еще удобнее было, к нему рабочие быстро навес пристроят, а навес этот потом Зиночке останется. Колодец у нее во дворе, два холодильника завезут и поставят у поварихи, а поварихой согласилась быть баба Маша, ей будет удобно, столоваться студенты будут рядом. Помогать ей будет баба Паша, а Зиночке тоже по нарядам заплатят за беспокойство и за посильную помощь.

Зиночка обомлела. И так у неё на квартире почтовое отделение, куда запросто может прийти каждый. А теперь, значит, и столовая ещё откроется? Зина только набрала в легкие побольше воздуха, чтобы ответить Матвею Ивановичу отказом, но он не дал ей высказаться.

— Я так и думал, что ты дашь своё согласие! Надеялся на твою доброту. Да и потом это ведь не совсем, а всего на два месяца. Да к тому же и ты у нас уже студентка, а значит к студентам сочувствие имеешь. Значит завтра с утра подвезут стройматериалы, а с обеда рабочие придут, навес сделают, женщины флигелек побелят. Я его уже осмотрел, он вполне для дела подходит.

Матвей Иванович распрощался и ушел, а Зиночка ринулась во флигелек, который назывался летней кухней. Два года она им уже не пользовалась, однако он не был захламлен. Она достала из подполья гашеную известь, кисти для побелки, сделанные из травы, которую местные жители тырсой называли. За час кухонька была выбелена, а ещё через час она была отмыта, а некрашенные полы отскоблены до бела. Старые скамейки хозяйка вынесла во двор и принялась мыть и скоблить их с такой энергией, что и они сдались и засияли матовым светом, подсыхая на вечернем ветерке.

— Будут какие-то женщины порядок у меня наводить! Не допущу!

Зина выкрикивала эти слова так громко, что соседки услышали и явились к ней.

— Что за крики?

А когда они осмотрели флигелек, они восхитились.

— Ай, да Зина! Ну, какая быстрая! В руках все горит! Молодец! Ничего не скажешь. Вот только чем бы нам оживить убранство кухоньки? Кажется я надумала кое-что.

Баба Маша принесла старинные расшитые занавески на окна.

— Вот тут им и место! У меня в доме тюль висит, а эти занавески я ещё девчонкой под маминым руководством вышила. Износа им нет, а только вот из моды они вышли. А тут пусть повисят, парней порадуют. А давай и сундук вынесем и отмоем. Тоже сундук вековой, наверное, вместо мебели в доме стоял когда-то, а теперь забыт всеми. Такие сундуки скрынями назывались. В них одежды праздничные хозяйки хранили. Видишь, какой он просторный. А мы отмоем его, высушим и будем хлеб в нем хранить, да макаронные и крупяные припасы.

— А варить мы что, на печке будем?

— Да нет же. Матвей Иванович газовую плиту с баллоном завтра установит.

На следующий день Зиночкино подворье стало неузнаваемым. Флигелек стоял нарядным, а навес за флигельком из нового теса примыкал к раскидистой черемухе, и она прикрывала его с двух сторон. Под навесом смастерили длинный стол, накрыли новой клеенкой, расставили скамейки. Электрик провел под навес свет на тот случай, если ужин для студентов приподнится.

Вечером пришел Матвей Иванович и, отводя глаза в сторону, огорошил Зину новостью.

— Начальство все пересмотрело. Студентов оставят на центральной усадьбе, а на наше отделение прибудет автоколонна из десяти машин. С ними механик и бригадир, так что кормить будете не студентов, а мужиков. И ты вот что, Зина, на ночь закрывайся накрепко на крючок и окна открытыми не оставляй.

— А что, они такие опасные, эти командировочные?

— Да нет. Но мужики есть мужики, а ты девушка видная. Так что, не женихайся с ними, они — люди семейные!

Матвей Иванович как-то хмыкнул и одобрительно осмотрел Зиночку с головы до ног так, что ей стало не по себе.

Час от часу не легче!

Неприятности начались на следующий день. Колонну ждали к обеду, поэтому и повариха и её помощницы начали хлопоты на рассвете. Чтобы борщ получился к обеду наваристым, его не только сварить, его протомить нужно. Сварили, поставили на медленный огонь напариться, потом все отправились в школу, потому что там была единственная на весь поселок русская печка, в которой вся деревня на Пасху выпекала куличи под чутким руководством тети Пашши. Теперь в ней выпекали постряпушки с разными начинками для городских командировочных, чтобы удивить и порадовать приезжих. Овощи для салата по просьбе Матвея Ивановича собрали

на частных огородах. Котлетки и молодая картошечка должны были завершить обед.

К двенадцати часам все было готово, только кормить было некого. Разлили остывший борщ в кастрюли поменьше и убрали в холодильник. Котлетам тоже нашлось там место. К вечеру после споров и раздумий картошечку скормили скотине. Овощи, намытые и просушенные, лежали в большом тазу под навесом, накрытые чистым полотенцем. Постряпушки сложили в сундук. Остывший компот в эмалированном баке поставили на пол.

Матвей Иванович не находил себе места. Дозвониться он никуда не мог, и был в полном неведении. Женщины долго сидели на крыльчке Зиначкина дома, но устали ждать приезда командировочных и пошли по домам. Зина тоже сбегала в сумерках на речку, ополоснулась перед сном и стала подниматься на крыльцо.

Вдруг темноту ночи прорезал свет фар от множества автомобилей. В тишине в село въезжала автоколонна. Зина вышла на дорогу и подняла руку. Автоколонна встала.

— Откуда такая красавица взялась в этой глуши? Подскажи, девушка, куда нам ехать? Где дом управляющего?

Зина не видела того, кто говорил, она только слышала его, но голос говорившего очаровал её. Это был настоящий мужской бас с рокочущими нотками и нежными переливами. Голос обволакивал, завораживал, ласкал и убаюкивал. Говоривший открыл дверцу автомобиля, легко спрыгнул на дорогу и пошел навстречу. Когда он оказался в кругу света, Зина была слегка разочарована.

Это был невысокий молодой мужчина. Он был подстрижен под ноль, но имел холеные усики. У него были разные уши: одно слегка оттопыренное, а другое — прижатое. От этого казалось, что он к чему-то прислушивается. Прямой крупноватый нос с легкой горбинкой, высокий лоб, красивые брови делали его лицо привлекательным. Зина посмотрела в его глаза и внутренне ахнула второй раз. Большие, карие, выразительные, они смотрели на Зинаиду как-то особенно.

Взгляд мужчины был оценивающим, а оценка, которую получила девушка, была высокой. Зина заволновалась и даже слотнула, потому что во рту у неё мгновенно пересохло.

— А вы почему так припозднились? Мы с утра вас ждем.

— Вы с утра нас ждете? Именно вы? Очень приятно это слышать! Я оценил шутку, девочка, но все-таки, где дом управляющего?

Зина не успела ответить на вопрос незнакомца, потому что Матвей Иванович на своем газике уже подъезжал к автоколонне.

— Милости просим, милости просим!

Зина и не знала, что Матвей Иванович такие слова знает. Держит марку! Знай наших!

— Не стану спрашивать, почему так поздно, наверное, были свои веские причины, но у нас все готово. Автомобили поставите на зерновом дворе, там места достаточно, да и территория охраняемая. Жить будете в клубе, а фильмы пока на улице будут демонстрироваться. Не зима, народ не замерзнет. Завтра осмотрите нашу механическую мастерскую — она

в старой кузнице. Завтра все покажем. Если не голодные, то ставьте автомобили и располагайтесь на ночлег. Я не представился. Матвей Иванович — глава отделения совхоза.

— Юрий Григорьевич Черепанов! Глава автоколонны. Припозднились из-за неразберихи. Нас вначале совсем в другое место направили, диспетчер в райцентре напутала. Нам бы перекусить не мешало чего-нибудь. Мы целый день в дороге провели, но, наверное, это из области фантастики. В такой час нас никто не накормит.

— А вот и ошибаетесь! Ваша кормилица перед вами, а ужин для вас мы разогреем. Справимся, Зинуля?

— Вполне! Приглашай гостей, Матвей Иванович, мойте руки, располагайтесь за столом, а я мигом!

Зиночка помчалась на кухню. Она не видела тех, кто входил к ней во двор. Она только слышала, как звенел умывальник, да Полкан громко лаял на гостей.

— А ты что так развоевался? Нехорошо так гостей встречать! А ну-ка, дай лапу!

Она узнала голос говорившего. Это был Юрий Григорьевич.

Полкан лаять перестал. Зина включила все конфорки и поставила борщ разогреваться, холодные котлеты она решила пропарить, выложила их в кастрюлю, плеснула на дно кипяченой водички и отставила её в сторону. А пока вынесла стаканы на подносе, уже наполненные холодным компотом, поставила в маленьких плетеных корзиночках свежую и чуть теплую стряпню, взяла нож и стала нарезать овощи на салат.

— Разрешите оказать посильную помощь?

Зина опять вздрогнула от звуков этого голоса, а Юрий Григорьевич взял из её рук нож и ловко стал нарезать помидоры прямо в салатницы.

Мужчины шумно рассаживались вокруг стола. Зина увидела их всех вместе и была разочарована: ни одного молодого лица. Юрий Григорьевич в этой компании оказался самым молодым. Зина метнулась на кухню за борщом, принесла кастрюльку и стала разливать по тарелкам, которые, накрытые полотенцем, поджидали едоков с самого обеда.

— Извините, что борщом кормим. Мы к обеду вас ждали!

— Ничего, ничего! Мы — народ неприхотливый. Чем накормите, тому и рады будем.

Потом за столом воцарилась тишина. Зина давно не видела, как едят проголодавшиеся мужчины. Неторопливо, с достоинством, но все до капельки.

— А добавочки можно?

Вежливый такой и осторожный вопрос.

— Конечно! Но ведь еще котлеты есть!

— Котлеты? И много?

— Мы на всякий случай по три штуки на одного сделали.

— Считаете достаточно?

— Ну, да!

Зина растерялась, не чувствуя никакого подвоха. За столом засмеялись.

— Так неси скорей!

Матвей Иванович поторопил Зину. А когда она принесла из домашнего холодильника ещё и банку молока, от угощения не отказался никто, так что трехлитровая банка вмиг опустела.

Матвей Иванович о чем-то тихо разговаривал с Юрием Григорьевичем, а стол тем временем опустел.

— А больше ничего нет!

Голос Зины звучал так виновато и растерянно, что все опять засмеялись.

— А больше ничего и не нужно. Мы и так сыты через край. Так что, как говорят в пионерском лагере, «спасибо нашим поварам за то, что вкусно варят нам». Спасибо, Зиночка!

— Так я не одна старалась. Ваши поварахи спят, не дождавшись вас, а завтра они будут вашими кормилицами. Да уже сегодня! Время-то уже первый час! Так что не успеете проголодаться, а уже завтрак будет ждать вас.

— Поняли все, что столоваться будете здесь, на Зиночкином подворье? Она добровольно согласилась открыть у неё столовую. Зиночка у нас — начальник почты, уважаемый в селе человек. Прошу любить и жаловать и ничем не обижать! А если будут вам писать, то письма она вам доставит аккуратно.

А начальник почты в старых рваненьких тапочках и в легонькой белой маечке, в коротеньких черных шортах больше походила на подростка, который старательно изображает взрослого человека. Мокрые волосы свои она спрятала под платком, которым повязалась как-то по-бабьи. И только блестящие темные цыганские глаза её завораживали. Все мужчины смотрели на неё одобрительно. Она впервые в жизни была одна в таком солидном мужском обществе, но все водители были людьми взрослыми, наверное, семейными. Всех мужчин, которым было за тридцать, Зина с высоты своих двадцати лет считала пожилыми. В качестве потенциальных женихов она их не воспринимала. А раз девушку некому сватать, то и нет никаких причин для волнения.

И началась на подворье Зинаиды развеселая жизнь. Кроме того, что у неё на дому было почтовое отделение, у неё теперь и столовая квартировала! Возле дома все-время стояли огромные машины, потому что водители дружно собирались только на завтрак. На обед и ужин они приезжали в зависимости от дальности поездок на элеватор и на поле. Уборочная страда была в разгаре, урожай выдался очень хорошим, погода стояла ясная, непривычная для этого времени года. Обычно август в этих краях бывает дождливым, а тут стоят и стоят теплые денечки и радуют хлеборобов! Правда ночи уже стали по-осеннему холодными, и Зина даже однажды протопила легонько печку в доме дровишками на ночь, отчего в доме стало особенно уютно.

Вечерами на огонек приходили соседки и судачили о командировочных. Они знали теперь о них всё. Кто из них был женат и как он был женат, у кого жизнь заладилась, а у кого нет. Они знали, какие жены у водителей и какие дети, кому письма поступают регулярно, а кому пишут редко. Не знали только они ничего про Юрия Григорьевича. Должно быть, он женат, по годам должен был, ведь ему около тридцати. А кто же до такого возраста в холостяках ходит? Мужики бы и весь век ходили, да женщины им этого не позволяют. А уж выйти за военного — для девушки честь! А Юрий Гри-

горьевич был военным человеком. Работал молодой мужчина в автоколонне недавно, за плечами у него было военное училище и несколько лет офицерской службы. Демобилизован он был по ранению. Долго лежал в госпитале, а когда выписался, устроился на работу в автоколонну.

Военные привычки свои он не забыл, требовал, чтобы во всем был порядок и дисциплина. Сам не употреблял и пьющих прямо на дух не переносил. Его в автоколонне даже опытные водители зауважали. Дело свое знал, механик просто замечательный! В деревне ему нравилось очень, но вечерами кино, которое демонстрируется на вольном воздухе под навесом возле клуба, Юрий Григорьевич не смотрел. Посмотреть на танцы тоже не ходил. Зарок дал, траур соблюдал какой-то. Служил в горячей точке, а где — не говорил. Писем ему никто не писал, но он при всяком удобном случае звонил маме в город и беспокоился о её здоровье. На местных красоток тоже не обращал никакого внимания, а уж Вера, которая разошлась со своим непутевым Геноем, так и глядела на него, так и глядела! Взглядом манила!

— А это, слышишь, Зина, совсем обнаглела, на днях и вечером явилась разнаряженная в клуб, в комнатку отдельную, в которой Юрий Григорьевич спит, да ты знаешь где, в коморочке за сценой, попросила дров на зиму нарубить ей. Она видите-ли, одинокая женщина! Он пошел, нарубил, почему-то только одной рукой все делал, а второй даже не помогал! В дом к Верочке даже не зашел и на виду всей деревни вернулся в клуб, заперся в своей комнатушке. Она пришла, наглая, стучаться стала, на ужин благодарственный приглашать, а он ответил из-за двери, что сытый, потому что вкуснее, чем мы еду готовим, никто не приготовит. Она постояла, постояла, но тут к ней подошел Федька — рыжий такой — и сказал, что если остались еще дрова не наколотые, то он наколет с удовольствием и от благодарственного ужина не откажется. Федька разведенный тоже, только от него жена сама ушла к другу его, так ему не грех дрова поколоть. Так, видать, дров у Верки много, уже пятый день на ужин Федор не ходит, все дрова колет, бедный.

И тут соседки захихикали и переглянулись, как две заговорщицы!

Зина слушала соседок невнимательно, про похождения Верки ей и совсем было не интересно, но когда соседки говорили про Юрия Григорьевича, она настораживалась и боялась пропустить даже слово. Почему-то она всегда чувствовала его присутствие во дворе, даже тогда, когда не видела его. Она узнавала звуки его шагов. А он тоже сиротливо оглядывался, если на стол подавали поварихи, а Зиночки рядом не было. Если подавала на стол она, Юрий Григорьевич светлел лицом.

Что-то тайное происходило между ними. Они испытывали необыкновенную симпатию друг к другу, хотя между ними не было никаких личных отношений. Говорили они по делу, общались только на виду у всех. Зина все ждала, что Юрочка, как она мысленно называла его, заговорит с ней, пригласит на прогулку, но он не делал никаких шагов ей навстречу. И только однажды, когда она была дома одна с расплетенной косой и расчесывала возле зеркала свои вьющиеся волосы, он вошел неожиданно без стука и замер на пороге, рассматривая Зину с необыкновенным вниманием. Она быстро заплела косу, а он издал какой-то странный звук протеста. Но тут же извинился и совершенно другим тоном начал деловой разговор.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

А через несколько дней Зина увидела Юру на речке. Вода в реке в августе уже достаточно холодная, поэтому в ней почти никто и не купался. Зина днем сложила в тележку сковородки и кастрюли и повезла кухонную утварь на речку, чтобы прочистить её речным песочком, да промыть проточной водой.

Денек стоял удивительно теплый, а вокруг в природе уже видны были признаки надвигающейся осени. Трава не шла в рост, а давала семена, поэтому колючки всяких видов цеплялись к одежде. Семена огородных колючих растений отправлялись в путешествие, крепко уцепившись за полу цветного халатика юной девушки. Опушенные семена разносил ветерок, а семена растения, научного названия которого Зина не знала, знала только прозвище «бешеный огурец», распространялись в округе самым странным образом. Вызревала семенная коробочка, лопалась и выстреливала семена в пространство подобно маленькому пневматическому пистолету. Скользкие и мокрые, они разлетались в разные стороны и внедрялись во влажную землю. У каждого растения был свой способ выживания.

На черемухе уже появились первые желтые листья, и только ива стояла все такая же зеленая, нарядная и неувядающая. В реке плескалась рыба, выросшая за лето. Солнце щедро светило, согревая землю последним теплом уходящего лета. За огородом река делала мягкий изгиб и подходила почти вплотную к огородной ограде.

Зиночка перенесла короб с посудой через перелаз, который был сделан в конце огорода. Она уже наклонилась над водой, чтобы приняться за дело, как услышала за кустами ивы плеск. Кто-то купался в реке.

Зина осторожно пошла по песчаной береговой кромке, чтобы заглянуть за кусты ивы. Вдруг это дети? Простынут невзначай! Это были не дети. Купался Юра. Вернее, закончил купаться. Зина хотела потихонечку покинуть своё укрытие и не смущать молодого мужчину. Мало ли кто себя как ведет, когда уверен, что за ним никто не наблюдает.

Она сделала уже движение, чтобы уйти и вдруг замерла. Юра странно одевал майку. Правой рукой он осторожно просовывал в рукав левую руку. Локтевой сустав левой руки у него сгибался, а плечевой — нет. Поэтому правой рукой он надел майку на левое плечо и только потом, сильно растягивая ворот майки, надел её на голову и легко просунул в другой рукав правую руку. Но видно, он все-таки сделал неловкое движение и причинил себе боль. Он застонал и сел на ствол поваленной ветром ивы, поглаживая осторожно свое плечо. Зина едва сдержалась, чтобы не застонать вместе с ним. У неё вдруг тоже пронзительно заболело левое плечо, так она почувствовала чужую боль. Мама ей говорила когда-то, что если два человека любят друг друга, то они всегда чувствуют состояние друг друга даже на расстоянии, а уж вблизи и подавно.

Свое странное отношение к Юре Зина любовью не называла. Не приходило ей это слово в голову. Вот только теперь она поняла, как он дорог ей. Вот такой, какой он есть: лопухий и разноухий, лысый и усатый, ко-

ренастый и невысокий с таким необыкновенным голосом и таким выразительным взглядом все понимающих глаз.

Так значит про ранение и про службу в горячей точке все правда. И зарок, данный в память о тех, кто был рядом с ним, — тоже правда. Значит, он побывал в боях и видел такое, о чем не очень хочется вспоминать. Бедный, ох, бедный Юра! Плохая ему выпала доля. Впрочем, что это она разжалелась, как тетка какая-нибудь. Он ещё молод, у него еще полно сил. Ну, ни в армии, а на гражданке, но дело у него есть, он с ним справляется и не просто справляется, тянет лямку, как говорят в народе, а справляется хорошо. Зина осторожно сделала шаг назад и едва слышно хрустнула веткой. Тогда она торопливо вернулась на отмель и стала яростно чистить кастрюлю мокрым песком. Юра вышел на отмель из-за кустов ивы.

— А я думаю, кто тут мое уединение нарушил. А здесь все те же! Добрый день! Бог на помощь!

— А Боги сказали, чтоб вы помогли!

— Так и сказали? И откуда же их голос раздался? Уж не с небес ли? Впрочем, я и не отказываюсь.

Юра встал рядом, и они вдвоем быстро перечистили всю посуду. Зина исподволь наблюдала за Юрой. Он ловко действовал правой рукой, а левой только помогал немного. Во время работы он разговаривал с... посудой.

— Ах, ты, чумичка, закоптилась значит, а мы тебя песочком протрем со всех боков, в речке ополоснем, будешь как новая. У нас с Зинойчкой не забалуешь!

Зинойчка мыла посуду молча. Воспитанный Юрий Григорьевич заговорил о погоде.

— Пожалуй, к вечеру гроза будет. Влажность высокая очень.

— Наверяд ли. В августе грозы — явление редкое. Грозы чаще весной бывают, да в середине лета. А осенние дожди затяжные, мелкие и нудные. Как зарядят на несколько дней, так и забудешь, как солнышко выглядит.

Юра посмотрел на Зину удивленно, как будто он не предполагал, что она может так воспринимать окружающий мир и говорить такие слова.

— Верное наблюдение.

Когда работа была закончена, Юра помог Зине отнести короб с посудой к перелазу. Он его внимательно осмотрел. Нехитрое сооружение: два столбика по ту и эту сторону ограды, да доска, прибитая сверху. Как скамейка, только поставленная горизонтально к забору и как-бы продетая сквозь него. А рядом вкопана высокая крепкая жердь, чтобы было за что рукой взяться. Животные таким перелазом воспользоваться не могут — только человек.

— Интересно?

— Очень. Я таких сооружений нигде не видел.

— Видно, это наше, русское изобретение. Устройство простое. И к реке путь открывает, и не калитка, не забудешь закрыть. Коровам, телятам, баранам и козам дороги нет. Очень удобно!

И опять Юра с каким-то удивлением слушал Зину.

Зину била нервная дрожь! Но она не подавала виду никакого. Разве таким был мужчина её мечты? Он не был похож на прекрасного рыцаря из сказки

внешне, но он так похож был на него своими карими бархатистыми глазами и своим неповторимым голосом.

Зине хотелось, чтобы он поцеловал её. Да! Именно этого! Она ведь никогда прежде не целовалась с мужчинами! Нервные поцелуи одноклассников были не в счет. Она тогда не хотела никакой близости. И не переступала черту в отношениях ни разу. Среди ровесников она слыла недотрогой.

В деревне же никто и никогда ей не нравился. Её впервые в жизни потянуло к мужчине зрелому, опытному, мужественному. А разница в возрасте в целых девять лет её не смущала. В отцы он ей не годился. Юрий годился в женихи.

Все оставшееся время до ужина Зина была сама не своя. Даже тетя Маша заметила её тревогу.

— Случилось что?

— Нет. Что могло случиться? Моя жизнь размерена на много лет вперед. Работа, дом, огород, учеба, сюрпризы Матвея Ивановича — вот и все, что может произойти. Прошое мое известно, будущее тоже известно. Буду жить, работать и учиться. Потом состарюсь и умру в этой деревне, и похоронят меня рядом с мамой и папой.

— Это про кого ты мне сейчас такую жалобную историю рассказала? Про себя, что ли? А ты давно на себя в зеркало смотрела? Ты сама говорила, что ты не хуже городских девушек, так в чем дело? Откуда эта печаль? Вниманием тоже не обделена. Даже если ты куда-то отсюда не уедешь, в чем я очень сомневаюсь, судьба и на печке найдет. Вон как мужики тебя любят. Ивану Захаровичу за пятьдесят уже, а и он сказал, что если бы сбросить ему годков тридцать и начать жизнь заново, уж он-то мимо тебя не прошел бы! Он всем говорит, что ты и умница, и работающая какая, и сердце у тебя доброе, а уж красотой своей цыганской многих затмишь.

И все одобрительно загудели, один Юрий Григорьевич как-то странно усмехнулся. Не обращай внимание, он вообще человек странный. Видно обжегся. Водители, которые уже собирались к ужину, одобрительно загудели и смутили Зину окончательно.

Тетя Паша одна заметила неладное. Она тихонечко спросила у своей любимицы на кухне:

— А не запал ли тебе в душу Юрий Григорьевич? Или обидел тебя чем? Сохнешь по нему? Признавайся! Влюбилась тайно?

— Ни по кому я не сохну, ни в кого не влюбилась!

— А что голос такой тусклый? Допрос свой прекращаю, но меня не проведешь на мякине, я воробей стреляный! Бывали и мы в бывальцах! Пятерых родила не от ветра.

Женщина засмеялась своим мелодичным смехом, обняла одной рукой Зину, и та сразу почувствовала себя маленькой девочкой рядом с доброй соседкой.

— Не робей! Тайные страдания тоже закаляют женскую душу! А таких, как этот Юра, у тебя быть может с годами десятков накопится. Да и что ты в нем нашла? На принца он совсем не похож, хотя, он очень приятный и обходительный мужчина! В нем интеллигентность присут-

— ствует! Видишь, какие слова я знаю! Ладно, заговорились мы, нынче на ужин каша гречневая с подливом, да блины с медом. Зина, я тесто на блины завела, а ты будь другом, выпеки горяченькие тем, кто припоздается. А то холодные блины — уже не блины.

— Да сделаю все в лучшем виде! Первый раз, что ли? Да вот едут уже ужинать, а мы стоим, праздно беседуем здесь. А блины-то пора давно выпекать!

Зина, чтобы помочь тете Паше, отлила часть теста в свою кастрюльку и отнесла в дом. Она разожгла все конфорки и поставила на них сразу четыре сковородки, когда они разогрелись, она ловко стала выпекать блины. Половником она разлила тесто, а пока разливала, на первой сковороде тонкий блин уже подрумянился с одной стороны, она его перевернула, затем все остальные по очереди. Первый блин легко снялся со сковороды, и она его уложила на тарелку. Она успевала выпекать блины, но ей явно был нужен помощник, потому что она не успевала смазывать их маслом.

— Эй, кто-нибудь, помогите мне!

Этим кем-нибудь оказался Юра. Он вошел в дом, сразу понял свою задачу, и они опять дружно делали общее дело, понимая друг друга без слов.

Юра стоял сбоку, и укладывал блины стопкой на тарелке, обильно поливая их топленным маслом, а Зина разливала тесто, и переворачивала блинчики на горячих сковородках. От жара у неё на лбу и на шее выступили бисеринки пота, один завиток выбился из-под белой косынки и повис на затылке, как причудливая сережка. Он колебался и щекотал ей шею. Зина засмеялась и осеклась. Завиток колебался не сам по себе. На завиток легонько дул Юра. Зина сердито глянула на него.

— Понял. Не отвлекаю. Заигрывания прекращаю.

— Зина, блинов хватит уже! Все наелись. Корми тут без меня Юрия Григорьевича, а я уже пошла. Трех человек только не было. Попозже подъедут. Посуду за собой мы убрали!

— Приказы старших по званию не обсуждаются, они строго выполняются! Слушаемся!

Зина почему-то страшно испугалась перспективы оказаться с Юрой наедине.

Потом она передернула плечами и решила, что в своем доме и на своем подворье ей нечего и некого бояться. Даже молодого мужчины, которого явно забавляла её растерянность и её тайный страх.

— Чего испугалась? Не бойся, не обижу!

А в карих глазах так и прыгали чертики, а взгляд был жадным, и если бы у Зины был хотя бы какой-то опыт общения с мужчинами, она бы поняла, почему у неё всё внутри дрожит от какой-то непонятной тревоги.

За ужином Юра продолжал дразнить бедную девушку и дошел до того, что подморгнул ей. Зина отвела глаза. А когда посмотрела на Юру снова, он опять подморгнул ей. Значит, первый раз ей ничего не показалось?

Приехали остальные водители, быстро поужинали, похвалили поварих, и уехали. Юрий Григорьевич убрал за ними со стола. Ему бы уже пора было идти к себе на ночлег, но он явно мешкал. Он чего-то ждал и вопросительно смотрел на Зину. Несмотря на полную дремучесть в этих дели-

катных вопросах, Зина все-таки догадалась, что он ждет приглашения. Зина обомлела. Вот до чего дело дошло! Вот значит как! Ни слов любви, ни ухаживаний, а вот так, ни с того ни с сего, она должна пригласить его в свою девичью постель? С чего бы это? Зачем он её так унижает?

— Спокойной ночи.

Голос у неё был злым и отчужденным. Она поднялась на крыльцо, захлопнула дверь и закрыла её на крючок. Зина быстро разделась и юркнула в постель. За окном что-то загромыхало, зашумел налетевший ветер, начался ливень. Зина поплотнее укуталась одеялом и прислушалась. Кто-то открывал запертую дверь. Крючок звякнул и повис, дверь открылась. Она услышала какой-то шорох в доме. Она широко открыла глаза и в призрачном свете увидела, что в комнате стоит Юра и смотрит на неё. Он не проронил ни звука, но и говорить было нечего в эту минуту. И она, бедная, почти не ведая, что творит, вдруг молча пододвинулась к стенке и приглашающим жестом откинула одеяло.

Он ушел под утро. Выпрыгнул в окно и ушел огородом к реке. Зина смотрела вслепую, Юра обернулся и приложил палец к губам. Жест был понятен. О том, что произошло ночью, нужно было молчать. Никому ни звука.

Вот значит как. Её любовь была тайной, краденой какой-то. Отношения с Юрой стали похожи на детскую игру в прятки. Вечером он ужинал, уходил со двора на виду у всех, а потом тайно возвращался, проводил несколько часов с Зиной, страстно и нежно осыпал её ласками, а потом исчезал. Эти тайные встречи продолжались почти три недели, а потом также внезапно прекратились, как и начались.

Зина была в подавленном состоянии. Поиграл, как кот с мышонком, и, ничего не объясняя ей, прекратил свои визиты. Почему? Что пошло не так? Она его разочаровала? Она не умела любить? Она перестала будить в нем его мужские желания? Зина не понимала ничего. Она похудела и осунулась. По ночам она плакала в подушку. А потом взяла себя в руки, рассердилась и на себя, и на Юру, и на весь этот мир. И стала общаться с Юрой с подчеркнутой вежливостью. Равнодушно и отстраненно.

Август — пора грибная. В окрестных перелесках, не вытоптаных и не выезженных, росло столько грибов, что только самые ленивые хозяйки не заготавливали их на зиму. Зина решила отправиться за грибами в дальний перелесок. Там в дубняке росли грузди. Эти заветные места открыл ей отец, а теперь одна она знала про них. Идти пешком туда было далеко, но рядом было хлебное поле, на котором как раз работали комбайны, и Зина решила воспользоваться попутным транспортом. Она оделась по-походному, повязала голову белой косынкой, взяла большую плетеную корзинку и пошла к зерновому двору.

Там все гудело. То и дело подъезжали машины, груженные зерном. Его выгружали на бетонированную площадку под навесом, и оно лежало золотистым ворохом, ждало своего часа на обработку в зерносушилках. Когда Зина подошла, как раз разгрузилась машина Ивана Захаровича.

— Подвезите меня до поля!

— Садись, голубушка, конечно подвезу! Кто же откажет нашей кормилице ненаглядной! Кто посмеет! Садись поудобнее! С ветерком домчу!

Каждую выбоину на дороге объеду, чтобы не растрясти такой драгоценный груз! Где нужно, приторможу, остановлюсь, где скажешь. Иван Захарович подал руку девушке, чтобы она взобралась на высокую ступеньку, но Зина сама ловко поднялась в кабинку.

Вначале ехали молча, а как только выехали за околицу, Иван Захарович вдруг откашлялся и начал осторожно серьезный разговор.

— Зина, а я ведь знаю, что по ночам наш Юрий Григорьевич не на речку ходит подышать свежим воздухом. Я знаю, где он бывает. Что молчишь? Сказать нечего? Ну, и молчи! Я тебя известить должен, как дочь родную предостеречь, что у него нет серьезных намерений насчет тебя. Я его вызвал утром на откровенный разговор. Я спросил у него, что дальше будет. А он ответил, что ничего не будет. Уедем, и все забудется. Ему деревенская простушка-почтальонша ни к чему в его городской жизни. Он сказал, что ты красавица, каких еще поискать, но ни слова сказать культурно не умеешь, ни вести себя как следует. У него мама — профессор, к ним в дом люди приличные ходят, и ты, Зина, будешь чувствовать себя в их среде, как птица в клетке. И даже теорию такую развел, что ваши отношения тебе во благо, что женщина чаще всего ненавидит своего первого мужчину, а он избавляет тебя от такой ненависти. Даже если женщина живет с одним мужчиной весь свой век, она все равно думает, что с другим ей было бы лучше и рано или поздно изменяет своему мужу. Он тебя обогащает женским опытом. Он так и сказал! Я не зря затеял этот разговор, я хочу, чтобы ты все знала и правде смотрела в глаза!

— Вот как!

— Вот именно так. И я ему пригрозил и сказал, чтобы он тебя оставил в покое. Он и оставил. Он же бывший офицер. Видишь, выправка какая. И понятие о чести он имеет!

Ах! Все оборвалось внутри у бедной девушки. И небо ей показалось в пятачок, и земля с кулачок! Все внутри стало сжиматься, сжиматься и возникло странное желание: превратиться в какого-нибудь паучка, забраться в темный уголок и затаиться там от всех. Но она виду не подала никакого. Она улыбнулась Ивану Захаровичу.

— Однако, какое сильное воображение у вашего Юрия Григорьевича! Не беспокойтесь, дядя Ваня, я тоже к нему ничего серьезного не испытываю. Подумаешь! У меня таких может быть ещё десяток будет. Пусть катится в свой город без оглядки. Я его никак не задержу! Голосит по-бабьи и на шею вешаться никому не стану! Гляньте, гляньте, косули по полю бегут. Целое стадо, голов семь, восемь. Мелькают как, и не пересчитаешь!

— Да, Зинуля, места у вас красивые! А какой родник чистый в распадке течет. Подъеду напиться, а сам все оглядываюсь вокруг! Зеленые луга, перелески, а озеро наверху на солнце как играет. Ключевое озеро. Вода в нем ледяная, чистая, как слеза. А рыба в нем водится?

— Только ротаны. Его ротаньим называют. Я в нем с отцом весной ротанов ловила. Просверлим луночку в прозрачном льду, забросим удочку и нам все видно. Как ротаны к приманке подходят, как не решаются попробовать рыбе угощение, а потом так стремительно откусывают часть

наживки, что если не подсечешь вовремя, они все объедят, а на крючок не попадутся. Хитрая рыбешка!

— Тебе возле перелеска остановиться или до поля со мной поедешь?

— До самого поля, дядя Ваня.

Зиночка ехала в машине, и со стороны было незаметно, что в кабину Ивана Захаровича полчаса назад села одна девушка, а теперь ехала совсем другая.

Внутри горело жгучее пламя и выжигало, выжигало все и ничего не оставляло взамен. А мир не рухнул. На огромном ровном поле, окаймленном перелесками, работали комбайны. Зина всегда их считала чудом техники. Они жали хлеб, обмолачивали его, отделяли зерна от соломы, наполняли специальные бункеры, солому небольшими копами оставляли на поле, а зерно забирала машины.

Когда бункер комбайна заполнялся зерном, комбайнер поднимал над комбайном шест, на конце которого был прикреплен кусочек ткани. Комбайнеры привязывали к шестам чаще всего черные полотнища. Зина, когда впервые увидела в поле комбайн с поднятым черным флагом, даже стала искать на нем череп и две кости. Черные флаги были, как известно пиратскими, а пираты делали черное дело.

Комбайнеры делали светлое дело, может быть самое светлое дело на свете, а черные стяги на комбайнах никого не удивляли, кроме Зиночки. Цвет не имел значения. Важно было только одно, чтобы сигнал был замечен издали и правильно понят. И если поднимался такой шест и комбайн останавливался и гудел натружено и как-то обиженно, к нему мчался самосвал и останавливался рядом. Комбайнер открывал заслонку, и зерно текло рекой в кузов. Водитель во время загрузки тоже не бездельничал, он брал лопату, ловко поднимался в кузов автомобиля и разравнивал зерно, чтобы в самосвал как можно больше драгоценного груза.

Как челноки сновали машины туда и сюда по неровным полевым дорогам. Нужно было большое искусство вождения автомобиля, чтобы на рытвинах и колдобинах не стряхнуть на землю ни одного зернышка. Если такое происходило, и это видели старики, они устраивали водителю такую разборку, что он её запоминал надолго.

— А ты, мил человек, видно у Верки сильно перетруждаешься по ночам, а руки поэтому руль не держат как следует. Вот ты и ведешь машину абы как, перегружаешь её, зерно стряхиваешь. Урвать сюда приехал, заработать стремишься? Не с той стороны заходишь. Делай больше рейсов, крутись, вот и будет тебе заработок.

Так отчитывали они Геннадия, а он только отворачивался, и сказать в ответ ему было нечего.

— А ты, Юрий Григорьевич, вместо того, чтобы на речку бегать и прыгать, смотрел бы лучше за своими, так глядишь, на зарядку меньше времени бы оставалось.

— А ты, Матвей Иванович, потачки городским не давай! Стряхнул он зерно, а ты им штраф накладывай! У них есть у кого поучиться! Видишь, Иван Захарович у них так машину водит, как мать колыбель с дитем качает. Сколько смотрели, а он и зернышка не уронил!

— Народный контроль в действии! Возьму на заметку! Исправлюсь! Матвей Иванович отшучивался, но сам в эту страдную пору спал по два-три часа в сутки, да и то урывками.

Зина увидела знакомый газик на полевой дороге. Сам Матвей Иванович в промасленной куртке с засученными рукавами вместе с комбайнером и его помощником устранял какую-то поломку.

Работа в поле была такой напряженной, требовала таких усилий, что и в самом деле походила на битву. Убирали прямым комбайнированием, потому что дни стояли теплые и влажность была допустимой. Участков с полегшими хлебами было немного. А это значило, что поле было обработано вовремя и вовремя засеяно. Пшеница выросла не загущенная, и стебли у неё были крепкие. Они держали колос и не полегли ни от ветра, ни от дождя.

Зина издалека узнавала знакомые лица односельчан. По деревне комбайнеры ходили в кургузых кепочках да старых телогрейках. Иногда они соображали на бутылку на троих за углом клуба, а их жены устраивали им такую головомойку, что слышно было и за деревней их визгливые голоса. Мужики привычно побаивались этого писка-визга, но терпели справедливые попреки с пришибленным видом. А здесь в поле они имели вид горделивый и даже богатырский. Вот какая даль неоглядная уже убрана, а сколько будет убрано ещё! Только справятся с зерновыми, как настанет время убирать сою — амурскую чудесницу. Уже полетят первые белые мухи, когда комбайны поставят на площадки на машинном дворе до следующего урожая. Промоют, прочистят, подремонтируют и через год опять выведут на поля. Комбайнеров будут привлекать для работы в животноводстве, весной на полевые работы, а осенью настанут их звездные деньки.

К комбайнерам и отношение в хозяйстве особенное. Им одним часть заработка зерном отдают, им сено для домашней скотины заготавливают в совхозе, им дают ордена и медали за высокие намолоты, как бойцам на мирном фронте.

По обочине полевой дороги шла Зина. Рядом с этим радостным трудом она несла свое горе, не показывая никому и вида. Она приветливо махала рукой односельчанам, а походка её была твердой и уверенной. И никто не знал, что она несла в душе непомерную тяжесть и едва-едва дошла до заветного места, вышла на полянку, а там упала в траву и дала волю своему отчаянью.

Так вот значит как! Юра и не собирался никогда на ней жениться. Не нужна ему в его городской жизни простушка. Мама у него профессор, она её не примет. Он ходит к ней, как мартовский кот, получает своё, пользуется, и этим не только её не оскорбляет, он ей делает благо! Обогащает её житейским опытом. А что будет с ней? С её чувствами? Поплачет, забудет, а житейский опыт, подаренный им, ей пригодится.

Ну, уж нет! Не на такую напал! Она ему покажет! Она ему даст от ворот поворот! Он ещё узнает, на что способна деревенская девушка! Жизнь продолжается. Она зачем сюда пришла? Грибы собирать? Вот и будет их собирать всему наперекор. Нечего раскисать, сама виновата!

Зина поднялась, вытерла слезы и осмотрелась. Груздей не было видно, но то там, то здесь поднимались, возвышались холмики из опавшей весной дубовой листвы.

— Вот вы где спрятались, голубчики!

Зина присела на корточки, аккуратно раздвинула листву и вот он, губастый крепыш молочного цвета, показался на свет. Пожалуйте в корзиночку!

Уже через час Зина шла по полевой дороге, сгибаясь под тяжестью ноши. Её обогнал газик Матвея Ивановича, резко затормозил, распахнулась приветливо дверка, Зина ускорила шаги, молча уселась удобно на переднем сиденье, корзину поставила под ноги.

Матвей Иванович посмотрел на неё внимательно, ничего не сказал, ни о чем не спросил, а почему-то протянул руку и по-отечески погладил Зину по голове.

Выходило, что вся деревня все про неё знала. И этот жест так растрогал беднягу, что она горестно со всхлипом вздохнула и отвернулась к окну. Матвей Иванович заметил по вздрагивающим плечам, что Зина плачет. Он вдруг резко затормозил, ударил кулаком по рулю.

— Это я виноват! Но узнаю, кто тебя так обидел, я ему ножки выдерну и наоборот вставлю. Ты не скажешь, я сам мужиков порасспрашиваю.

— Не нужно этого делать! Я сама за себя постою!

— Постоишь?

— А вы что, мою кличку детскую забыли? Я в гневе бываю такой сильной, что со мной никому не сладить! И ему не сдобровать!

— Мне моя Анюта протокол выпишет, если узнает, что кто-то из мужиков тебя обидел. Я же им говорил, говорил, чтобы они к тебе и близко не подходили со своими шурами-мурами. Да этих мужиков разговорами не остановишь. Я-то их понимаю, когда рядом такая красота!

Управляющий вздохнул и замолчал. Оставшуюся дорогу они ехали молча.

Дома Зина перебрала и перемыла грибы и замочила их в баке, залив холодной чистой колодезной водой. Она трижды сольет воду, пока горечь не выйдет из каждого груздочка, а потом пересыпит грибы солью, добавит укроп и чеснок, поставит под гнет и выдержит так денек-другой, останется только уложить грузди в стеклянную банку и спустить в холодный погреб. Будет чем полакомиться долгой зимой.

Разобравшись с грибами, Зина пошла на огород и собрала поспевшие помидоры. Она их перемыла, поместила в давно подготовленную деревянную бочечку и осторожно спустила в погреб. Потом залила приготовленным рассолом, сверху закрыла укропом и положила гнет. Делала она дела автоматически. Заложена в ней программа, вот по программе она и действует! Потом она пошла к козе Катьке, чтобы задать ей накошенной травы, почистить у неё, напоить животное. Вот тут-то и возникло недопонимание! Коза никак не хотела выходить из сарая в загон и не давала Зиночке поменять ей подстилку.

— Ах, ты коза! Еще и ты меня мучить вздумала! Я тебя сейчас быстро уговорю! Коза-дерева! А ну-ка вышла из сарая и встала в сторонке! По стойке смирно! Ходишь тут за тобой, топчешься, а ты неблагодарная, ещё и капризы свои показываешь. Я тебя сейчас утихомирю! Я мигом тебя утихомирю!

Катька заморгала своими желтыми глазами, не издала ни звука, покорно покинула сарай и смирно встала в пригоне у стеночки. Ну, просто не коза,

а братец козленок из сказки! Маленькая жалкая козочка, которая всех слушается, и никому ничего плохого не сделала.

— Да ладно, не сердись! Ты ни в чем не виновата! Это я — простофиля. Смешная деревенская девушка, которая то ли полюбила, то ли пожалела этого бедолагу. Я больше не буду! Извини!

Зина погладила животное, а коза, глядя ей прямо в глаза, стала жалобно мекать. Видно сострадала хозяйкиному горю. Как Зина доживет до вечера и как встретится с Юрием Григорьевичем, она не знала.

А Юрий Григорьевич явился на ужин в прекрасном настроении. Он балагурил, осыпал комплиментами поварих, напевал какие-то победные марши. Потому что Зина сама подошла к нему и шепнула, что соскучилась!

Он еще не знал, какой сюрприз приготовила ему Зиночка. А она вела себя как ни в чем не бывало, но когда двор опустел и настал поздний вечер, она сняла тяжелую собачью цепь, опутала ей входную дверь, продевая концы цепи в отверстия в стене и двери. Потом принесла из сарая огромный амбарный замок и повесила его, напрочь заперев дверь. Постояла немного, залезла в дом через заранее открытое окно, достала из письменного стола кусок мела, вернулась опять через окно на крыльцо и нарисовала на дверях огромную фигу. Рисунок вышел хоть и корявым, но был очень выразительным.

Оглядев все внимательно, Зина своей работой оказалась довольна! Вот тебе, Юрочка, от ворот поворот! Вы тут не бывали и нас вы не видали! А мы тут не сидели, на вас мы не глядели! Она представила, как вытянется у него лицо, когда он поймет, что ему дали отставку! Без слов — так без слов! Обойдемся без объяснений!

Зина опять вернулась в дом через окно, затаилась в сенях. Было уже очень поздно, когда послышались во дворе знакомые шаги. Послышались и замерли на пороге. Потом раздался... хохот.

— Ну, Зиночка, ну, ребенок! Каких только я отставок не получал, но в такой форме — первый раз в жизни. Зина, я это запомню! Запомню, Зина! А фигу сотри, а то совсем по-детски как-то получается! Сотри фигу! Не смейши народ!

И он ушел.

Зина думала, что он станет заглядывать в окна, пытаться поговорить с ней, а он развеселился! И как он догадался, что она рядом и слышит его?

Она опять вылезла через окно, открыла замок, вытащила цепь и вернула её Полкану. Потом набрала из бочки целое ведро дождевой воды и отмыла дверь. Зина зашла в дом через дверь, никак не заперла её, потому что ей стало как-то все равно.

Она юркнула под одеяло и долго и мучительно думала над одним единственным вопросом: ну, почему он так с ней поступил? Если она ему не нужна, зачем он ей жизнь искалечил? Он как путник, который увидел при дороге прекрасный цветок и сорвал его за его красоту, чтобы полюбоваться и швырнуть в придорожную пыль через несколько шагов. А самое главное — почему она так поступила? Вернее, почему уступила? Ответа на эти вопросы она не знала. Она почему-то вспомнила строчку из «Евгения Онегина» — «Пришла пора — она влюбилась». Ей в августе исполнится двадцать

один год. Не маленькая уже. Должна отвечать за свои поступки. Перед кем отвечать? Перед своей совестью. Но совесть её не укоряла, она молчала. Значит, Зина не сделала ничего плохого. Только откуда-то появились непрошенные слезы. И она заплакала, заскулила, как брошенный кутенок под забором. А старый дом кряхтел и охал и чуть дрожал застекленными окнами. Он видел многое, он знал, что все проходит, и это пройдет. Вначале рана подсохнет, потом зарубцуется. И только шрамы будут напоминать о том, какую боль пришлось вытерпеть бедному сердцу когда-то. Зина заснула только под утро, и сон её был больше похож на забытье.

Утро следующего дня было туманным. Тетя Маша ушла проверять свои закидушки, тетя Паша хлопотала на кухне. Зина молниеносно переделала всю работу: подоила козу, вывела её на поляну и привязала к колышку пастись, вернулась, процедила молоко, убрала его в холодильник, потом протерла стол и расставила тарелки. Она ждала встречи с Юрой и страшно боялась её. Как она посмотрит ему в глаза?

Он пришел на завтрак вместе со всеми, и вел себя как ни в чем не бывало. Шутил с тетей Машей, говорил, что её поварской талант зря здесь пропадает, а в городе бы она давно была бы шеф-поваром в каком-нибудь ресторане.

— Не была бы. Я чужим людям готовить не умею. Мне нужно знать, кому я готовлю, вот тогда у меня всё само собой получается, а если для чужих, да по каким-то рецептам — ничего не выходит. Вот я сколько раз прочту в книге или в газете о каком-то кушанье, и захочется мне его приготовить. Возьму и приготовлю строго по рецепту, а попробую и разочаруюсь! На картинке так красиво и аппетитно, а на деле — обыкновенная еда, даже не праздничная. Еду нужно готовить с душой!

Баба Маша бы еще много наговорила, но в это время Зина понесла к столу салат из свежих помидоров, приправленных маслом и щепоткой сахара и соли, сдобренных зеленым укропом. Вдруг она на совершенно ровном месте споткнулась и упала. Кастрюльку она выронила, салат разлетелся по двору, сама Зиночка разбила коленку до крови.

Все ахнули и бросились на помощь к девушке. Все протянули ей руки, чтобы помочь подняться. Но она поднялась сама, села на крыльцо и вдруг горько, как ребенок, громко и отчаянно заплакала. А уже Юрий Григорьевич отдавал команды. Мигом достали холодной воды из колодца, принесли из машины аптечку.

— Потерпи, потерпи, девочка! Вот сейчас промоем холодной водой рану, она в колодце почти без микробов, а теперь йодом вокруг обработаем. Теперь стерильную повязку наложим.

Юрий Григорьевич проверил, стигается ли в колене нога. Он прикасался к ней, а Зина совсем не чувствовала его прикосновений. А слезы лились и лились у неё по щекам, и плакала она не от физической боли.

— Ничего страшного, просто ушиб! До свадьбы заживет!

Баба Маша с удивлением заметила, что Юрий Григорьевич, делая Зиночке перевязку, почему-то страшно побледнел, и руки у него задрожали.

А на следующий день Зина занялась с утра очень неприятным делом. Работа не может быть наказанием, но эта — была им. Это было самое

неприятное занятие. Зина сходила к речке, набрала в ведро песка, здесь же на откосе накопила глины и добавила в ведро, чтобы получилась пропорция две части песка и одна часть глины. Дома развела это все теплой водичкой и замешала маленькой лопаточкой раствор, проверяя его густоту руками. Раствору она дала настояться, а тем временем сходила на речку и выбрала и вырезала два длинных и гибких прута ивы.

Дело, которым она решила заняться, называлось по старинному «трусить сажу». Печные дымоходы за зиму забивались сажей, и если за печкой не ухаживать, то они могли забиться совсем, и тогда печь дымила всю зиму и плохо обогревала дом.

Зина открыла печную задвижку и потом полезла на крышу. Чистку печи нужно было начинать с трубы. Зиночка по лестнице поднялась на крышу сеней, потом по карнизу взобралась на самый верх крыши и уселась на её конек верхом.

Крыша была покрыта гладким железом, добраться до печной трубы никаким безопасным способом было невозможно. В зубах у Зины был длинный прут. Зина легла на железное острие крыши и осторожно поползла по нему. Так она добралась до трубы. Села на вершину крыши боком, уперлась в трубу ногами, а потом взяла гибкий прут в руки, дотянулась до трубы, и стала прутом прочищать дымоход точно также, как хозяйки ершиком чистят посуду с узким горлышком. После того, как сажка в трубе оторвалась от стенок и посыпалась по дымоходу вниз, Зина прут сбросила с крыши, и он упал на кусты вишни под окнами дома. Сама она вновь оседлала верх крыши и поползла назад задом наперед, чтобы удобнее было спуститься на крышу сеней.

Когда она встала ногами на их почти плоскую крышу, она услышала недовольный голос.

— Так! И что это за акробатические этюды? Зачем нам понадобилось так рисковать? Нельзя было кого-нибудь попросить сделать это, если была такая острая необходимость?

На середине двора стоял Юра. Лицо его было гневным.

— Не нужно так за меня беспокоиться. Зачем вы тут столпились во дворе и наблюдаете за мной?

— Это я столпился? Я тут один стою. Стою и беспокоюсь. Ведь можно слететь и покалечиться. Еще раз спрашиваю, зачем так рисковать?

— Мы так каждый год делаем, чистим дымоходы.

— А попросить кого-то подстраховать тебя ума не хватило?

— А что может со мной случиться? Здесь невысоко! Все плохое со мной уже произошло. А кого попросить? Раньше всегда папа это делал.

— Так же, как ты?

— Нет. Он обвязывался веревкой, закреплял её на этой вот скобе. Если бы он сорвался, веревка его удержала бы.

— А ты почему без веревки полезла?

— Я ловкая, я не оборвусь.

— Спускаться думаешь?

— Конечно.

— Спускайся!

Это был приказ. Зина почему-то виновато повиновалась. Она спрыгнула с крыши прямо в руки Юрию. Он на миг обнял девушку и крепко прижал к себе. И тут же отодвинул от себя!

— Взять бы вот сейчас ремень и дать тебе как следует по известному месту! Совсем ты о себе не думаешь! Вредничаешь, капризничаешь! Сама не живешь и другим житья не даешь! Дальнейшая чистка печи надеюсь, происходит без риска для жизни!

— Без риска. Только дело это грязное.

— Я понял. Я помогу!

— Я сама справлюсь. И мне не нужны такие помощники.

— Какие — такие? Я ведь не настаиваю на близости. Я все понял. Отставку принял. Я помочь хочу, да и любопытно мне. Я никогда печи не чистил. Или тебе неприятно со мной рядом быть?

— Почему же? Место не куплено. Оставайся!

Юра действительно помог, но задал сотни вопросов и выяснил, что второй прут предназначен для того, чтобы прочистить остальные дымоходы. Делалось это просто: молоточком выбивались чуть выступающие кирпичи внизу дымоходов, и в начале в ведро маленьким совочком выбиралась сажа, скопившаяся внизу, а потом прометались стенки веником, насколько хватало его длины, а после этого длинным ивовым прутом с листочками прочищали вершины печных дымоходов. После такой ежегодной чистки печки служили долго, хорошо отдавали тепло в зимние холода и никогда не дымили. Также поднималась печная плита, и внутренние стенки топки тоже очищались от сажи, скопившейся за зиму. Потом кирпичи обмазывали глиной и ставили на место, промазывали глиной все трещины и выступы, обмазывали печную дверку. После того, как печь просыхала, её белили. После того, как работа была закончена, Юра с Зиной стали немного похожи на трубочистов.

Юра принять душ отказался и ушел в общежитие, чтобы привести себя в порядок, а Зина отправилась мыться в свой летний душ, и так сильно терла себя мочалкой, как будто хотела смыть не только сажу, но и память о тех мужских взглядах, которые заставляли трепетать её сердце вопреки всему, и о тех страстных объятиях!

Ни слова не было сказано о чувствах. Все было так обыкновенно! Помог человек по-дружески, вот и все! Теперь Зина его не интересовала совсем. Она ведь сама захотела прекратить все отношения. Он с легкостью уступил её желаниям. Нужно проявить женскую гордость. Однако, никакой женской гордости у неё не было, а были только боль и тоска. Быть рядом с ним было невыносимо!

Продолжение следует

Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)

ВЬЕТНАМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДО 21 ВЕКА

Вьетнам расположен в Юго-Восточной Азии, на полуострове Индокитай. На его территории проживают свыше шестидесяти народностей и этнических групп; их основной язык — вьетнамский. Древнейшие вьетнамские государства — Ван-ланг, который сменили Аулак и Намвьет, были завоеваны Китаем во 2 веке до н. э. В 10 веке н. э. вьетнамцы обрели независимость. С 11 в. вьетнамское государство Дайвьет считалось крупнейшим государством в Юго-Восточной Азии. Дай-вьет (Великий Вьет) — это древнее название вьетнамского государства; вьетами назывались племена, которые жили на севере Вьетнама. Несколько позже, когда произошло соединение земель вьетов, их новое государство стало называться Дай-ко-вьет, а с 11 века — Дай-вьет; название Вьетнам появилось в 19 веке. Колонизаторы пришли на его территорию только в 1854 (Франция, до 1884 г.). После ряда ожесточенных войн с колонизаторами, с середины 20 века образовалось новое государство — Социалистическая Республика Вьетнам (1976 год). Такова краткая политическая история этого государства.

В этом государстве древний фольклор представлен циклом мифологических преданий о государе Драконе Лаке, первопредке и первоучителе людей, богатырской сказкой о герое Фу Донге, преданиями о строительстве Крепости-улитки, о древних воительницах сестрах Чынг. Историки утверждают, что ранние памятники вьетнамской письменности датируются 10-12 вв.

Издревле вьеты слагали песни — земледельцы, рыбаки ткачи имели свои поэтические стихи. Историки отмечают, что первое отличие певческого искусства было в 11 веке при вьетском государе Ле Дай-Ханя. Большое влияние на песни вьетов имело песнопение тямов (индуистское государство Тямпу, расположенное в нынешнем Центральном Вьетнаме, к 15 веку это мощное государство было поглощено вьетами). Но искусство Тямпы оказало влияние на формирование культуры вьетов. Первая дошедшая до нас вьетская летопись называлась «Краткая история земли Вьет», в которой были помещены песни и мелодии для музыкантов (Ли Нян Тонг, 12 век). Вьетские поэты имели связи с китайскими наставниками — Кхыонг Конг Фу («Белые тучи озаряют весеннее море»). В Дай-вьете книгопечатанье с резных досок существовало издавна — в буддийской житийной книге «Записи дивных речений в саду созерцания» (14 в.) есть жизнеописание преподобного Тин Хаука (12 в.), где сказано, что его предки испокон века резали доски для печатанья книг.

Остались исторические документы об уважительном отношении властей к сохранению старых книг. Государь Ле Тхань Тонг (15 в.) особым указом велел награждать людей, сохранивших редкие книги. Историки не могут до нашего времени доказать — существовала ли письменность в Дай-вьете до китайского вторжения. Все исторические документы указывают, что в Дай-вьете поэтические труды писались на ханване. Ученые утверждают, что принятие вьетами китайской иероглифической письменности и китайского языка была в некотором роде важным шагом и для использования богатой китайской культуры. Отдельные ученые утверждают, что до появления у вьетов китайского языка, у них уже существовала своя вьетнамская письменность «НОМ» (надписи на стелах — иероглифическая вьетнамская письменность). Эти вопросы о письменности довольно спорные и мы не будем их затрагивать. В поэзии вьетов (11-15 вв.) тесно соприкасалось творчество народа и творчество ученых-книжников. Они одинаково подходили к изображению природы (принц Чан Куанг Кхай — «пух, облетающий с ивы» (13 в.); народная форма описания весны — «...ноги шагают за плугом... когда высевают рис, множь усердьё...»). На этом небольшом примере ясно видно, что тема «весны» затрагивает и ученых поэтов и народных сказателей. Поэты ощущали себя частью природы. Это хорошо видно из стихов Чан Ань Тонга (13 в.): «...Этот ветер и эта луна, и этот человек — все вместе суть три дивные сущности жизни». Поэты, наблюдая за природой, видели в малом большое, в частице — целое. В стихах Нгуен Хука (15 в.) «небольшой пруд отражал целиком все небо». Стихотворцы часто очеловечивают явления природы — «дождь переносит журчанье ручья через ущелье...» (Чан Минь Тонг).

Ван Хань

Наставление ученикам

«С молнией сходна брeнная плоть,
Миг — и вот ее нет.
Луг травяной, расцветший весной,
Осенью вновь раздет.
Взлет и паденье шлет нам судьба,
Их бесстрашно прими.
Словно роса на метелках трав
Каждый расцвет и отцвет».

Дай Са

Каменный конь

«Этот каменный конь —
Страшен лютый его оскал —
Пожирает листву,
День и ночь без усталы ржет.
По большому пути
Непрерывно тянется люд.
Лишь на этом коне
Человек один недвижим».

Чан Нян Тонг
На озере Донгтхиен

«Такая природа
На озере Донгтхиен
Что травы с цветами
Красят собой весну.
Всевышний владыка
Унылый край пожалел —
В безоблачном небе
Вдруг колокол там звучит».

Луна

«Свет лампы при полуоткрытом окне;
И тесно в постели от книг.
И капли росы на осеннем дворе;
И воздух ночной невесом.
От сна пробудился, а стука валька
Не слышно вокруг в тишине:
Еще над цветами деревьев мокте
Начало восхода луны».

Нгуен Чунг Нган
К случаю

«Меж деревьев тропинку
Завалило красной листвой.
На разрушенных стенах
Нарастает зеленый мох.
За делами на службе
Не сидят чиновники тут.
Постучаться в ворота
Иногда приходит монах».

Познакомившись со стихами 13-14 вв., читатель видит, что в это время получила развитие придворная поэзия, на которой заметно влияние созерцательного буддийского мироощущения. В последующее время (16-18 вв.) философско-лирические произведения занимали главенствующую роль: «Песнь о четырех временах года» Хоанг Ши Кхая (17 в.), «Жалобы жены воина» Доан Тхи Диём (18 в.), «Плач государевой наложницы» (18 в.) Доан Тхи Диём, «Все живое...» Нгуен Зу (18 в.). Все эти произведения показывают определенное развитие в поэтической форме и заострение внимания авторов на социальную и духовную сферы. Литературоведы отмечают безымянную поэму «Записи Небесного Юга» (17 в.). Это своеобразная летопись в стихах с увлекательными сюжетами, затрагивала и социальные вопросы. В стихах 18 в. историки отмечают появление описаний городских пейзажей (Ле Хью Чак). В 18-19 вв. появляется жанр лирической поэмы, в которой открывалась возможность показа внутреннего мира человека (Доан Тхи Дьем). Частная жизнь людей начинает интересовать стихотворцев (Нгуен Зу «Стенания истерзанной души»). Малые формы претерпевают тоже некоторые изменения — намечается интерес к оригинальной образности, тематика по-

эзии расширяется, она охватывает быт, городскую жизнь (Хо Суан Хьонг утверждает ценность чувственной жизни, привлекает сатиру для раскрытия образов).

Хо Суан Хьонг

Женщине, оплакивающей знатного мужа

«Тихо рыдает и причитает она,
В скорби бессонной трет покрасневшие веки.
Стоит ли плакать? Грусть, я скажу, не нужна.
«Зря убиваешься», — скажут и горы и реки.
Глупых девчонок, где б ни пришлось повстречать,
Надо бы каждой горькую правду сказать:
Низкорожденная! Бойся вельможных палат,
Вступишь супругой — станешь служанкой навеки».

В конце 19 века вьетнамская поэзия развивалась в условиях борьбы против колониальной агрессии Франции (Нгуен Динь Тьеу — в его стихах чувствуется накал патриотического чувства). В начале 20 века поэзия выражала идеи просветительства; происходит перестройка в стихосложении. В середине 20 века, под влиянием частых войн за свободу страны, происходит демократизация литературного языка, усиливается внимание к народным песенным размерам. Вьетнамская поэзия второй половины 20 века изображает историю революции в стране, социалистическое строительство, героическую борьбу народа за свое счастье.

Нгуен Зу

Все живое

«...При жизни терпели они без конца страданья, гнетущие плоть.
Мечтали наполнить впалый живот, и дрожь не могли побороть,
и спали на стылой земле, укрывшись туманом ночным,
И вот — проплывают, как облачный дым, над здешней тропой,
к воплощеньям иным...»

Лежу больной

«...Хворый, лежу у предгорья Хонг; дни мои сочтены.
Старый, худой... Я утром росистым жалок в зеркале чистом.
Сквозь бамбуковый полог в безлюдной ночи стоны мои слышны...»

Стенания истерзанной души

«Пока до конца не исчезнут наши земные года,
Талант и судьба везде и всегда
Дышат слепой обоюдной враждой.
Седую пучину морскую тутовник сменял молодой,
Но только горем, только бедой
Бремя жизни на плечи легло.
На миг улыбалась удача, потом опять не везло.
Синее небо ревниво и зло
Смотрит на свежесть розовых щек...»

Как я писал — ранние памятники вьетнамской письменности датируются 10-12 вв., в это время появляются прозаические произведения о долге феодала и его имущественных правах, о борьбе с нашествием внешних

врагов. В 14 веке зарождается новелла, ее формирование опирается на фольклор и летописные источники. Ученые отмечают, что в 15 веке в произведениях заметна и социальная направленность. В это время вьетнамцы стали пользоваться китайской иероглификой, которую приспособили (через специальные знаки) к звучанию родной речи. Введение иероглифики было связано с распространением этико-религиозных учений — конфуцианства и буддизма. Конфуцианство давало тщательно разработанную основу нарождающейся государственности, влияло на поведение человека в обществе. Буддийская проповедь строила внутренний мир человека, обращалась к его сердцу, указывая индивидуальный путь спасения от бесконечного ряда перерождений.

Большой интерес для историков представляют две книги повествовательной прозы — «Собрание чудес и таинств земли вьет» Ли Те Сюйена и «Дивные повествования земли Линь-нам» Ву Куиня и Киеу Фу. Труд Ли Те Сюйена можно только отчасти назвать историческим, он больше напоминает книгу, где все события и личности должны быть расположены в определенном порядке по старшинству и по их значению в данном обществе. Автор подменяет историческую направленность произведения на пересказ Чудесных явлений (Дух — повелитель земли в Данг-тяу доказал свою святость сыну короля). Интересен также трактат 14 века «Записи дивных речений в Саду созерцанья»; там собраны сорок одно житие знаменитых святых и проповедников вьетнамского буддизма Тхиен. Историки утверждают, что перед этой книгой ставилось несколько целей — сохранить наследие учителей буддизма Тхиен и подтвердить личную святость персонажей рассказов. Живой язык этой книги выгодно отличал ее от сухой передачи событий других произведений этого времени. В 15 веке была написана книга (сборник новелл) «Дивные повествования земли Линь-нам» Ву Куиня и Киеу Фу об исторических событиях их времени. К жанру литературных новелл принадлежит «Сочинения, оставленные государем Тхань Тонгом из дома Ле». Автор этого произведения свободно строит сюжет, диалоги его точны и естественны; к «чудесному» он относится легко и без всякого принуждения дает ему определенную роль (появление человека, который легко может посрамить духов). Критики отмечают, что в этих новеллах много выдумки и юмора и серьезное отношение к любви. Другое произведение Ле Тхань Тонга — «Десять заповедей о неприкаянных душах», написанное по-вьетнамски, поражает совершенством формы, каждая заповедь завершается стихотворным нравоучением. В начале 16 века писатель Нгуен Зы стал как бы продолжателем новелл предыдущего писателя: у них много общего в выборе тем, в лиризме, дополнение прозы поэзией. Нгуен Зы, как отмечают историки, находился под влиянием творчества китайского новеллиста (минская эпоха) — Цюй Ю («Новые рассказы у догорающей лампы»).

Ле Тхань Тонг

Из книги «Десять заповедей о неприкаянных душах»

Буддийские монахи

«Некогда, следуя учению Будды, обязаны были они хранить воздержание и соблюдать запреты. Ходили они в ярко-желтых рясах, приятностью

цвета подобных лепесткам горчицы. Каждый имел при себе красную чашу-патру для подаяния, блестящую гладким лаком. В зной покрывались они шапками, округлыми, как скорлупа кокоса, увенчанными изваяниями Будды. Крепкий бамбуковый посох пролагал им путь среди утренних рос. Зерна их четок, отполированные до блеска, сияли адамантами; деревянные подошвы сандалий попирали склоны Ястребиной горы...

Печальное нравоучение таково:

Чашку и чайник брал каждый из них
И, облачась, как монах,
Прятался в пагоде, четки свои
Перетирая во прах.
Цельми днями, бывало, сидят,
Тайную суть постигая,
В кельи, когда длинная тень
В травах скользит и цветах...»

Конфуцианцы

«Некогда, взысканные книжным знанием и утонченно вежливые, все упования свои возлагали они на счастливый итог испытаний. О еде их и платье пеклись родители, а сами они денно перечитывали творения мудрецов. Прожить им ставало недешево: дрова были в цене корицы, рис — дороже жемчуга. А сколько невзгод и тягот выносили они до того, как предстать на испытаньях...

С яркой повязкою на голове,
В шелковом платье до пят,
На испытаньях толпились они,
Всяк был прославиться рад.
Пеструю обувь носили они
В солнечный день и туманный,
В стужу дарил их своей белизной
Снег, ослепляющий взгляд.
Слава о них, словно песни Нин Ци,
По городам расходилась...».

Нгуен Зи

Рассказ о тяжбе в Драконьих чертогах

«В уезде Винь-лай... обитало когда-то великое множество водяных тварей. И люди, поставив в их честь вдоль реки более десятка храмов, поклонялись им и приносили жертвы. Иные из тварей со временем стали всесильными духами: когда просили их люди о ясной погоде или молили о дожде — всегда обретали просимое, поэтому на алтарях не угасали курения, а народ боялся и чтил их все сильнее...»

«Красавица, в чьих волосах на заколке
Зеленый горит самоцвет,
Тоской о тебе переполнено сердце,
Ему исцеления нет.
Прими же, избранница этот подарок —
Залог нашей будущей свадьбы
В хрустальных чертогах, где вскоре увидишь
Светильников праздничный свет...»

Нравоучение

«Увы! Чтобы выстоять против насилья — поклоняются духам и приносят им жертвы; желая избежать беды — поклоняются и приносят жертвы. Так уж ведется: чуть что — кланяться и подносить дары...»

В 18 веке в противовес конфуцианству, который проповедовал покорность высшим властям, все больше получают идеи гуманизма с идеями о человеческом счастье. Повествовательная поэма как бы с одной стороны принадлежит поэзии, с другой — дает жизнь новому направлению — прозаическим произведениям («Фам Тай и Нгаук Хоа», «Ли Конг» Нгуен-ки-Чиня). Сюжеты повествовательных поэм довольно сложны, богаты событиями. В конце 18 века появился роман «Император Ле — объединитель страны» (Нго-тхи-Ти), в котором проза и стихи были равнозначны. Если говорить о «чистой прозе», то надо обратиться к началу 20 века — с распространением новой письменности на основе латинского алфавита, появляется большой интерес к этому виду литературы. Под воздействием западноевропейской и китайской литератур оформляются современные прозаические жанры — рассказ, очерк, роман и др. Рассказы Фам-зюи-Тона («Живы будут или умрут — все равно» (1918), «Гнев») считаются первыми произведениями автора в этом направлении. К реалистическому течению относится роман «То Там» (1925) Хоанг-нгаук-Фатя; другой его роман, этого же направления, — «Описание сущего» был более пронизан психологическими отвлечениями. Много произведений на дидактические темы было создано Хо-биеу-Тянь в конце 20-х годов. В следующее десятилетие во вьетнамской литературе было заметно некоторое столкновение двух направлений: романтизма (который отстаивал появление новых личностей, боровшихся с конфуцианством) и реализма (отображал реальную жизнь — Нгуен-конг-Хоан, Хай Чьеу). Писатели-реалисты показали нового литературного героя — трудового крестьянина и его борьбу за свое освобождение (Нам Као, роман «Изношенная жизнь», 1944).

Поэзия, как и проза, в начале двадцатого века претерпела изменения — возникло движение «новой поэзии», которое отбрасывала классическое вьетнамское стихосложение и делало попытки создать свою новую литературу (Тхе Лы, сборник «Несколько рифм», 1935; Фам-хюи-Тхонг; Нгуен Бин; Ту Мо).

Революционная литература Вьетнама получила свое развитие с двадцатых годов — Хо Ши Мин (пьеса «Бамбуковый дракон»); Ле Ван Хиен «Тюрьма Контум», 1938; Нгуе Хонг «Китайская мать», 1939; стихи То Хью; роман Нгуен-динь-Тхи «Штурм», 1945; роман Нгуен-ван-Бонга «Буйвол», 1952.

В 1954 году на вьетнамскую землю пришел долгожданный мир, который дал писателям новую тему для творчества — мирный созидательный труд (Нгуен-конг-Хоан, рассказы; Нгуен Хай, повесть «Конфликт», 1959; Во-хюи-Там, рассказы; Чан-хью-Тхунг, роман «Августовское поле», 1959; Хо Ши Мин, сборник стихов «Тюремный дневник» и др.). Если говорить о литературе Южного Вьетнама, который находился под контролем американо-сайгонского режима (1955-1975), то там в это время было

засилье американской модернистской литературы, от кровавых боек до несуразной фантастики, и нельзя было и думать о развитии своей вьетнамской литературе. С 1976 года вьетнамская литература стала развиваться в рамках воссоединенного государства.

Ву Хоанг Тран (1975) — вьетнамский писатель, известен романом «Рыба-Дракон». Он получил образование в США. В настоящее время преподает в Чикагском университете.

Тичь Тхань Ти (1924) — современный вьетнамский писатель. Его первая книга была написана в 1961 году; за 45 лет издал более 50 произведений. Большинство его работ имеют религиозную окраску. Свою жизнь он посвятил монашеству (построил монастырь на горе Иен Тхо). Его труды: «Вся моя жизнь», «Источник буддийских Дхарм», «Беззаботные листья», «Если ты знаешь!» и др.

Пхом Суан Нгуен (1958) — современный вьетнамский писатель и переводчик (русский, французский, английский). Он учился в Ханойском университете. Первые свои произведения печатал в журнале «Иностранная литература» (СССР). Его произведения: «Бессмертие» (1999); «Нервы и чувства», (2000); «Спутник возлюбленной», (2009); «Леди или Тигр», (2012) и др. Русским читателям известны его 12 произведений.

Дунг Тхан (1964) — вьетнамский поэт, писатель-фантаст, публицист, критик. Его считают «гениальным юмористом», поэтом — запрещен в стране. Свой первый сборник рассказов «Кибер-призрак» он опубликовал в 2009 г. Следующий сборник «Гетеро-рассуждения...» был напечатан в 2013 г. Русскому читателю известны его восемь произведений.

Познакомимся с некоторыми произведениями современных вьетнамских писателей.

Ву Ту Нам

«Дом у дороги» (отрывок)

«У каждого есть воспоминания, связанные с каким-нибудь домом, который — мало ли почему — стал нам дорог. Я вот всегда вспоминаю дом под соломенной крышей, где прошло мое детство. Скаты ее, как два широких надежных крыла, бережно укрывавшие нас от дождя и зноя, я до сих пор еще вижу во сне. Но не о нем я поведу речь. Мне хочется рассказать о доме, что стоит у дороги, в общем-то не отличающемся ничем от других таких же домов, в которые частенько заглядывали мы во время разъездов и походов.

Так уж случилось, что через семнадцать лет я вновь оказался близ деревушки Нган. А я думал, что не припомню уже те места и старую дорогу, по которой мы шли когда-то...».

Мо Мо Инья

Рассказ «Люди-рысаки» (отрывок)

«Никому неизвестно, сколько часов этот рикша, пересекающий сейчас перекресток, уныло тащит за собой пустую коляску. Видно, заработать ему нужно позарез, иначе он не бродил бы по улицам в новогодний вечер. Все лавки в Ханое уже давно закрыты, улицы обезлюдели, и шансов найти клиента почти нет.

Эх, бросить бы все да отправиться к жене и детишкам! Небось ждут его не дождутся, — до встречи нового года осталось всего несколько часов. Да что и говорить, были бы деньги в кармане — давно сидел бы уже дома, а не таскался по пустынным улицам, словно бродяга...».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Журнал «Иностранная литература». М., 1988 г.
2. Классическая проза Востока. М., 1975 г.
3. Классическая поэзия Вьетнама. М., 1977 г.
4. Краткая литературная энциклопедия. М., 1975 г.